

63.3(2Рое-БХан)

К П44

ПОДРОЖНИК

Выпуск 10

The bottom portion of the cover features a stylized illustration of flames. The flames are rendered in shades of brown, tan, and white, with sharp, pointed tips. They appear to be rising from the bottom edge of the frame. The background of the entire cover is a dark, textured brown with faint, winding lines that resemble roots or vines.

ПО ДОРОЖНИК

Краеведческий альманах

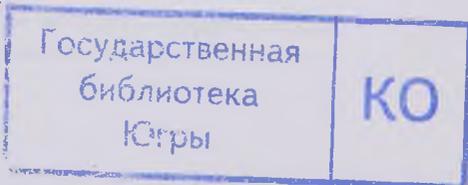
Выпуск 10

Редактор-составитель

В.К. Белобородов

Тюмень
Мандр и Ка
2009

-0112714-

ББК 63.3 (2Рос-6Хан)

П 44

- П 44** Подорожник : краеведческий альманах / сост. Валерий Белобородов. — Тюмень: Мандр и К^а, 2009. — Вып. 10. — 272 с. + ил. 4 с.

- © Белобородов В.К. (автор идеи), 2002.
© Белобородов В.К. (составление), 2009.
© Дыба-сын В.В. (обложка), 2005.
© Государственная библиотека Югры (издание), 2009.
© Мандр и К^а (оформление), 2009.

ISBN 5-93020-419-5

Источник

Третья ревизская сказка (ревизия душ) по Самаровскому яму. 1763 год

Дорогой наш читатель!

Кто ты, мы не ведаем: исследователь ли, краевед или просто любитель старины. И заинтересует ли тебя наша публикация, мы также не знаем. Но если ты окажешься потомком ямщиков Самаровского яма Сибирской губернии, которого внутренний голос позвал отыскать свои корни, тогда, наверное, ты открыл нужную страницу... И вот тогда «сказка», которую мы отыскивали и подготовили к публикации, может помочь тебе в твоём поиске.

Мы предлагаем для твоего изучения часть I из Третьей ревизской сказки (переписи населения) о составе и количестве населения, проживающего в Самаровском яме и в селениях Самаровского ведомства Сибирской губернии. В первой части содержатся материалы переписи душ населения Самаровского яма (села Самарово).

Указ императрицы Елизаветы Петровны об очередной переписи душ был объявлен в 1762 году. Данная ревизская сказка датирована 1763 годом, но возраст переписанных лиц указан по состоянию на 1765–1766 годы.

По результатам этой переписи в Самаровском яме было выявлено 317 ямщицких душ «мужеска пола». Всего же «налицо с прибылыми и вновь рожденными» по Самаровскому яму и в 15 деревнях «оного ведомства» было выявлено 625 душ «мужеска пола» и 532 души «женска пола».

В Российском государственном архиве древних актов сохранилась копия этой ревизской сказки, переписанная копиистом Петром Пестряковым и заверенная писарем управительских дел Самаровской канцелярии Петром Соскиным. Публикуем ее с сохранением особенностей орфографии и стилистики документа.

Любители краеведения из г. Ханты-Мансийска
Лидия Завьялова и Владимир Струсь.

«1763 году, ноября 18 дня Сибирской губернии самаровского яму выборной (утрачено) Митрей Сургуцковъ староста Степанъ Змановской внебытность [на] Самаровском яму управителя коллежского ассесора Михаила Долгинина, с ведома (утрачено) и всех самаровских ямщиковъ, по силе опубликованного исправительного правительствующего сената блаженные и вечной славы достойные памяти государыни императрицы Елисаветъ Петровны самодержицы Всероссийской указу: дали сию скаску о написанных по последней «1747» году ревизии самаровского яму ямщикахъ и с того числа разными случаями убылых, и после того прибылых, и вновь рожденных, объявляем по самой истине без всякой утайки: будь же впредь кемъ изобличены, явмся в томъ повинны будемъ положенного по указомъ тяжкого штрафа без всякого милосердия».

Аимянно Самаровского яму ямщики	По последней ревизии въ ямщики написаны	Из оных после ревизии разными случаями вы- были	Нынъ состоитъ налицо с прибылыми и вновь рожденными
	л ь	г	а
1	2	3	4
(Л. 1) ¹ Написанной в бывшую ревизию Конан Федоров ² сын Мухин	38		56
Жена ево Марфа Савельева Самаровского яму ямщикья дочь шестидесяти пяти лет			
У него дети в бывшую ревизию написанные			
Иван	15		33
Алексей	10		27
<i>После ревизии рожденные</i>			
Иван			16
Елена девятнатцети лет			
У Ивана болшаго жена Пелагия Яковлева дватцети девяти лет оного яму ямщикья дочь			

¹ Лист 1.

² Федорович.

Третья ревизская сказка (ревизия душ) по Самаровскому яму. 1763 год

1	2	3	4
Сын их Никита			2
Написанной в бывшую ревизию Иван Иванов сын Ершев	33		52
Жена ево Парасковья Иванова пятидесяти одного году одного яму ямщичья дочь <i>Рожденные после ревизии дети</i>			15
Герасим Марья десяти лет (Л. 10б.) ³ Написанной в бывшую ревизию Иван Нефедов сын Безглядов	31		50
Жена ево Анна Григорьева пятидесяти пяти лет Демьянского яму ямщичья дочь			
Брат ево в бывшую ревизию написанной Степан	10	Умре ⁴ в 756 ⁵ году	
Написанной в бывшую ревизию Нестер Андреев сын Безглядов	43	Умре в 749 году	
Написанной в бывшую ревизию Ларион Андреев сын Безглядов	33	Умре в 757 году	
Сын ево в бывшую ревизию написанной Василей	3	Умре в 751 году	
Написанной в бывшую ревизию Михайло Тимофеев сын Чукриев	37		56
Жена ево Наталья Игнатьева тридцати пяти лет Демьянского яму ямщичья дочь			
У него дети в бывшую ревизию написанные			
Яков	12		30
Петр	5		24
<i>Рожденные после ревизии</i>			
Галахтион			14 (нез.) ⁶ 8
Дмитрей Феврония осмнатцети лет			
Анисья шести лет			
Яковлева жена Марья Степанова дватцети девяти лет города Сургута казачья дочь <i>После ревизии рожденные их дети</i>			
Михайло			6
Степанида дву лет			

³ Лист 1 оборот

⁴ Умер

⁵ 1756

⁶ Незрячий

1	2	3	4
Написанной в бывшую ревизию Иван Иванов сын Козмин Жена ево Анна Иванова тритцети одного году оного яму ямщицьа дочь (Л. 2) Дети их Пелагия осми лет Ульяна четырех лет Парасковья полугоду	26		45
Написанной в бывшую ревизию Яков Степанов сын Занин Написанной в бывшую ревизию Михайло Яков- лев Занин	52 23	Умре в 749 году	42
У него жена Анна Иванова тритцети дву лет го- рода Сургута казачья дочь У них после ревизии рожденной сын Иван Брат его в бывшую ревизию написанной Яков	17		8 36
Написанной в бывшую ревизию Федор Яковлев сын Занин Жена ево Матрона Федорова тритцети дву лет города Сургута разночинска дочь Дети ево Марфа осми лет Татьяна четырех лет Парасковья полугоду Тетка ево вдова Марина Степанова семидеся- ти девяти лет	15		34
Написанной в бывшую ревизию Петр Осипов сын Змановской У него жена Федора Васильева пятидесяти ше- сти лет оного [яму] ямщицьа дочь Дети их в бывшую ревизию написанные Иван Игнатей Дмитрей Матрона шеснатцети лет (Л. 2об.) У Ивана жена Федора Григорьева дватцети дву лет оного яму ямщицьа дочь <i>После ревизии рожденной у Ивана сын Семен</i> Написанной в бывшую ревизию Степан Осипов сын Змановской	41 10 8 1	Умре в 749 году	60 28 27
	33		2 52

Третья ревизская сказка (ревизия душ) по Самаровскому яму. 1763 год

1	2	3	4
У него жена Овдотья Григорьева пятидесяти трех лет оного яму ямщичья дочь <i>У него после ревизии рожденные дети</i> Иван Ефимия четырнатцети лет			11
В бывшую ревизию написанной Спиридон Сте- панов сын Змановской Написанной в бывшую ревизию Иван Иванов сын Кузнецов	1 31		20 50
У него жена Василиса Максимова пятидесяти одного году Демьянского яму поповска дочь У него дети в бывшую ревизию написанные Федор Алексей <i>Рожденные после ревизии</i> Алексей Иван	11 3		30 22 17 12
У Федора жена Марья Иванова тритцети четы- рех лет оного яму ямщиच्या дочь <i>Дети ево</i> Алексей Василей Марфа десяти лет Дарья пяти лет У Алексея болшаго жена Марфа Иванова дват- цети четырех лет оного яму ямщиच्या дочь Написанной в бывшую ревизию Лука Борисов сын Поромов			7 2
(Л. 3) Написанной в бывшую ревизию Иван Пет- ров сын Сумкин Жена ево вдова Пелагия Поликарпова шести- десяти осми лет оного яму ямщиच्या дочь <i>У нее дети в бывшую ревизию написанные</i> Алексей, вдов Иван <i>После ревизии</i> рожденной у Алексея сын Герасим Дочь ее Ирина Иванова дватцети трех лет Написанной в бывшую ревизию Афанасей Анд- реев сын Бебяков	29		48 (слеп)
	51	Умре в 748 году	
	25 10		44 29
			9
	32	Умре в 752 году	

1	2	3	4
Жена ево вдова Дарья Екимова пятидесяти осми лет оного яму ямщицьа дочь Дети ее в бывшую ревизию написанной Андрей <i>После ревизии рожденной</i>	9	Умре в 763 году	10
Иван Написанной в бывшую ревизию Андрей Иванов сын Серебренников	58	Умре в 749 году	
Написанной в бывшую ревизию Григорей Иванов сын Серебренников Жена ево вдова Анна Алексеева пятидесяти шести лет оного яму ямщицьа дочь <i>Рожденные после ревизии дети ее</i>	48	Умре в 761 году	
Проخور Василей Василиса двенатцети лет			17 8
Написанной в бывшую ревизию Гаврило Иванов сын Серебренников У него сын <i>после ревизии рожденной</i> Прокопей (Л. Зоб.) У Прокопя жена Ирина Игнатьева девятнатцети лет оного яму ямщицьа дочь	36		55 17
Написанной в бывшую ревизию Степан Григорьев сын Сумкин Сын ево в бывшую ревизию написанной Осип У Осипа в бывшую ревизию написанной сын Иван	76 31 3	Умре в 753 году Умре в 758 году	22
У него жена Парасковья Емельянова дватцети осми лет оного яму ямщицьа дочь Написанной в бывшую ревизию Яков Алексеев сын Кузнецов У него жена вдова Марья Михайлова пятидесяти четырех лет оного яму ямщицьа дочь Дети ее в бывшую ревизию написанной	33	Умре в 763 году	
Петр Василиса девятнатцети лет Окулина шеснатцети лет	3		22
Написанной в бывшую ревизию Федор Алексеев сын Кузнецов Братья ево в бывшую ревизию написанные	18		37
Иван Василей	12 6		31 25

Третья ревизская сказка (ревизия душ) по Самаровскому яму. 1763 год

1	2	3	4
У Ивана жена Ксения Сидорова тридцети лет оного яму ямщичья дочь Сын их Дмитрий			9
Написанной в бывшую ревизию Иван Аверкиев сын Горшков	26		45
Жена ево Ксения Андреева сорока трех лет оно- го яму ямщиच्या дочь Сын ево в бывшую ревизию написанной Никита	6		25
<i>После ревизии рожденной</i> Григорей			9
У Никиты жена Марья Матвеева дватцети осми лет города Сургута разночинска дочь (Л. 4) Написанной в бывшую ревизию Василей Аверкиев сын Горшков	24		43
У него жена Федосья Кондратьева тридцети осми лет оного яму ямщиच्या дочь Дочь их Анна четырех лет Написанной в бывшую ревизию Семен Степа- нов сын Хабаров	65	Умре в 749 году	
Сын ево в бывшую ревизию написанной Гера- сим [Семенов] Хабаров	25		44
У него жена Окулина Яковлева сорока пяти лет оного яму ямщиच्या дочь <i>После ревизии у Герасима рожденные дети</i> Никита			9
Андрей			2
Овдотья семнатцети лет Настасья четырнатцети лет Написанной в бывшую ревизию Петр Алексан- дров сын Смолин	38	Умре в 750 году	
У него дети в бывшую ревизию написанные Дмитрей	14		33
Симон	8		27
У Симона жена Устинья Иванова тридцети од- ного году города Сургута разночинска дочь У него после ревизии рожденные дети Андрей			7
Максим			6
Архип			2
Написанной в бывшую ревизию Сидор Василь- ев сын Бебяков	32		51

1	2	3	4
У него жена Марья Степанова сорока трех лет оного яму ямщичья дочь <i>Рожденные после ревизии дети</i> Петр			15
Ефимия тринадцети лет (Л. 4об.) Написанной в бывшую ревизию Андрей Васильев сын Бебяков Жена ево Фекла Андреева тридцети девяти лет оного яму ямщичья дочь <i>У него после ревизии рожденные дети</i>	23		42
Иван Михайло Данило Ульяна четырех лет Написанной в бывшую ревизию Иван Игнатьев сын Змановской Жена ево вдова Анна Яковлева сорока пяти лет оного яму ямщичья дочь <i>Рожденные после ревизии дети</i>	25	Умре в 761 году	11 6 2
Петр Михайло Степанида семи лет Написанной в бывшую ревизию Дмитрий Гаврилов сын Кокшаров Написанной в бывшую ревизию Петр Гаврилов сын Кокшаров			12 8
У него жена Ефимия Михайлова сорока трех лет Демьянского яму разночинска дочь У него дети в бывшую ревизию написанные Дмитрей Егор Афанасей <i>После ревизии рожденные</i>	29	Умре в 755 году	
Григорей Марья четырнатцети лет Марья же осми лет Овдотья шести лет У Дмитрея жена Марфа Антонова дватцети дву лет оного яму ямщиच्या дочь Сын их Андрей (Л. 5) Написанной в бывшую ревизию Данило Андреев сын Спиридонов	23 5 3 2 54	Умре в 752 году	42 24 20 15 1 73

Третья ревизская сказка (ревизия душ) по Самаровскому яму. 1763 год

1	2	3	4
У него жена Матрона Афанасьева шестидесяти осми лет Демьянского яму ямщичья дочь Написанной в бывшую ревизию Андрей Савель- ев сын Конев	69	Умре в 749 году	
У него в бывшую ревизию написанные дети Иван	36		55
Федор	24	Умре в 760 году	
У Ивана жена Матрона Поликарпова шестиде- сяти лет оного яму ямщиच्या дочь У него дети в бывшую ревизию написанные Степан	7		26
Трофим	5		24
У Степана жена Татьяна Григорьева дватцети трех лет оного яму ямщиच्या дочь Сын их Петр			2
У Трофима жена Марфа Петрова дватцети пяти лет оного яму ямщиच्या дочь Дочери их Анна трех лет Овдотья полугоду Вышелписанного умершего Федора Конева рож- денной после ревизии сын Петр Мать ево вдова Ефимия Афанасьева сорока шести лет Красногорской Слободы крестьянска дочь Написанной в бывшую ревизию Андрей Осипов сын Лопарев			
Жена ево Харитина Петрова пятидесяти шести лет оного яму ямщиच्या дочь (Л. 5об.) У нее дети в бывшую ревизию написанные Яков	51	Умре в 748 году	
Петр	7	Умре в 760 году	20
Иван	2	Умре в 749 году	
Написанной в бывшую ревизию Петр Артемьев сын Лыткин	пол- мес.		
У него сын в бывшую ревизию написанный Осип Лыткин	59	Умре в 758 году	
У Осипа жена Анна Яковлева тритцети шести лет Демьянского яму ямщиच्या дочь После ревизии рожденные у Осипа дети	12		30

1	2	3	4
Степан			9
Анна пяти лет			
Марфа трех лет			
Написанной в бывшую ревизию Михайло Емельянов сын Овчинников	39	Умре в 757 году	
Написанной в бывшую ревизию Дмитрий Иванов сын Скрыпунов	56	Умре в 761 году	
Написанной в бывшую ревизию Герасим Андреев сын Погадаев	8	Умре в 748 году	
Написанной в бывшую ревизию Игнатей Кирьянов сын Безгладов	41	Умре в 750 году	
Сын ево в бывшую ревизию написанный Иван Безгладов	10	Отдан в рекруты в 758 г.	
Написанной в бывшую ревизию Мануйло Григорьев сын Аленев	60	Умре в 752 году	
(Л. 6) Написанной в бывшую ревизию Иван Мануйлов сын Аленев	38		57
У него жена Катерина Федорова шестидесяти лет оного яму ямщицьа дочь			
У него дети в бывшую ревизию написанные			
Петр	13		31
Гаврило	11		29
Иван	6		24
Степан	3	Умре в 753 году	
<i>После ревизии рожденной</i>			
Иван			16
У Петра жена Татьяна Пахомова тридцети четырех лет оного яму ямщицьа дочь			
У Петра дети			
Егор			12
Дарья четырех лет			
Овдотья дву лет			
У Гаврила жена Степанида Алексеева дватцети пяти лет города Тоболска казачья дочь			
У Гаврила дети			
Петр			5
Елена полугоду			
Написанной в бывшую ревизию Петр Юрьев сын Челпанов	19		37
У него жена Настасья Васильева тридцети шести лет оного яму ямщицьа дочь			

Третья ревизская сказка (ревизия душ) по Самаровскому яму. 1763 год

1	2	3	4
<i>После ревизии рожденные их дети</i>			
Иван			15
Иван же			14
Степанида шести лет			
Брат ево в бывшую ревизию написанной Семен	15	Умре в 749 году	
Мать их вдова Федосья Михайлова семидесяти пяти лет оног яму ямщицья дочь			
(Л. 60б.) Написанной в бывшую ревизию Михайло Дмитриев сын Карманов	42		60
У него жена Овдотья Андреева пятидесяти осми лет оног яму ямщицья дочь			
У него сын в бывшую ревизию написанной Иван	20	Умре в 748 году	
Дочь его Ксения дватцети шести лет			
Написанной в бывшую ревизию Матвей Семенов сын Погадаев	39		58
У него жена Василиса Васильева пятидесяти шести лет города Тоболска разночинска дочь			
У него сын в бывшую ревизию написанной Еремей	12		30
У Еремья жена Ирина Дмитриева дватцети осми лет города Сургута разночинска дочь			
Написанной в бывшую ревизию Иван Семенов сын Погадаев	25		44
У него жена Фекла Михайлова пятидесяти осми лет оног яму ямщицья дочь			
Сын ево в бывшую ревизию написанной Иоанний	2	Умре в 753 году	
Написанной в бывшую ревизию Стафей Иванов сын Хозяинов	65	Умре в 750 году	
Написанной в бывшую ревизию Антипа Иванов сын Пономарев	12		31
У него жена Василиса Максимова дватцети девяти лет оног яму ямщицья дочь			
<i>Рожденные после ревизии их дети</i>			
Иван			2
Овдотья осми лет			
Настасья шести лет			
Написанной в бывшую ревизию Степан Иванов сын Кочин	28	Умре в 760 году	
(Л. 7) Жена ево вдова Марфа Яковлева шестидесяти лет оног яму ямщицья дочь			
<i>Дети ее после ревизии рожденные</i>			

1	2	3	4
Дмитрей			13
Матрена семнатцети лет Написанной в бывшую ревизию Яков Иванов сын Змановской	63	Умре в 762 году	
Сын его в бывшую ревизию написанной Федо- сей Змановской	12		30
У него жена Марья Федорова дватцети трех лет оного яму ямщицьа дочь Написанной в бывшую ревизию Козма Семен- ов [сын] Змановской	35		54
У него жена Овдотья Алексеева тритцети девя- ти лет оного яму ямщицьа дочь <i>Рожденные после ревизии дети их</i>			
Семен			11
Иван			8
Николай			1
Написанной в бывшую ревизию Дмитрий Семен- ов сын Змановской	29		48
У него в бывшую ревизию написанной сын Иван Дочери ево	10		28
Парасковья дватцети лет Устинья пятнатцети лет У Ивана жена Ксения Конанова дватцети четы- рех лет оного яму ямщицьа дочь Дочь ево Катерина дву лет			
Написанной в бывшую ревизию Семен Семен- ов сын Мухин	64	Умре в 749 году	
Дети ево в бывшую ревизию написанные			
Гаврило	34		53
Андрей	25	Умре в 751 году	
(Л. 7 об.) У Гаврила жена Маланья Сидорова шестидесяти лет оного яму ямщицьа дочь Дети их в бывшую ревизию написанные			
Степан	10		29
Михайло	8	Умре в 758 году	
Илья	3	Умре в 750 году	
Написанной в бывшую ревизию Иван Григорь- ев сын Грешнев	63	Умре в 758 году	
У него дети в бывшую ревизию написанные			
Григорей	29	Умре в 749 году	
Андрей	22		41
Григорьев сын Павел	2	Умре в 752 году	

Третья ревизская сказка (ревизия душ) по Самаровскому яму. 1763 год

1	2	3	4
У Андрея жена Марья Дмитриева тридцети четырех лет одного яму ямщичья дочь Написанной в бывшую ревизию Алексей Петров сын Кайгородов Жена ево Окулина Галахтионова шестидесяти осми лет одного яму ямщиच्या дочь У него в бывшую ревизию написанные дети Иван Василей	39 16 4	Умре в 762 году	35 22
У Ивана жена Овдотья Иванова тридцети лет Троицкого погоста поповска дочь У Василья жена Анна Яковлева дватцети трех лет Кодниского монастыря разночинска дочь Написанной в бывшую ревизию Прокопей Алексеев сын Кайгородов Жена ево вдова Варвара Козмина сорока семи лет одного яму ямщиच्या дочь (Л. 8) После ревизии рожденные их дети Прохор Федор Егор Парасковья осмнатцети лет Улита десяти лет Степанида дву лет Написанной в бывшую ревизию Михайло Пахомов сын Хозяинов Жена ево Анна Дмитриева сорока шести лет одного яму ямщиच्या дочь У него дети в бывшую ревизию написанной Федор <i>После ревизии рожденные</i> Дмитрей Николай Написанной в бывшую ревизию Федор Андреев сын Соскин У него дети в бывшую ревизию написанной Михайло <i>После ревизии рожденные</i> Яков Парасковья осми лет Татьяна шести лет	19 23 3 41 3 41 8	Умре в 762 году	13 4 3 41 21 15 13 59 27 15

1	2	3	4
У Михаила жена Матрона Яковлева тридцати шести лет отставного матроса дочь Дети ево Настасья шести лет Овдотья трех лет Федора полугоду Сестра Федорова девка Пелагия сорока осми лет			
(Л. 8об.) Написанной в бывшую ревизию Петр Федоров сын Соскин Жена ево Марья Евдокимова сорока шести лет оного яму ямщичья дочь Дети ево после ревизии рожденные Овдотья семнатцети лет Елена тринатцети лет Федосья осми лет	20		39
Написанной в бывшую ревизию Иван Григорь- ев сын Карлин У него жена Лукерья Герасимова дватцети трех лет оного яму ямщиच्या дочь У него дети после ревизии рожденные Григорей Борис	17		37 3 1
Написанной в бывшую ревизию Козма Семе- нов сын Соскин Дети ево в бывшую ревизию написанные Василей Яков Васильевы дети Иван Василей	76 37 32	Умре в 750 году Умре в 760 году Умре в 761 году	
Яков Степан Мать их вдова Палагия Борисова пятидесяти шести лет оного яму ямщиच्या дочь Вышеписанного Якова сын в бывшую ревизию написанной Павел	13 6 4 1	Умре в 749 году Отдан в рекруты в 759 г.	23 20
(Л. 9) Написанной в бывшую ревизию Максим Федоров сын Челпанов	4 54		23
		Умре в 761 году	

Третья ревизская сказка (ревизия душ) по Самаровскому яму. 1763 год

1	2	3	4
Написанной в бывшую ревизию Василей Иванов сын Кузнецов У него дети в бывшую ревизию написанные Федор Алексей У Алексея жена Анна Иванова дватцети лет оно-го яму ямщичья дочь	21 4 3	Во священниках в Шоркальском погосте	23 22
Написанной в бывшую ревизию Федор Андреев сын Калинин Написанной в бывшую ревизию Алексей Иванов сын Кононов Жена его Овдотья Андреева пятидесяти трех лет оно-го яму ямщиच्या дочь У него в бывшую ревизию написанные дети Сергей Леонтей Илья Овдотья пятнатцети лет У Сергея жена Наталья Петрова сорока лет из Россеи крестьянска дочь	14 39 10 9 1		33 58 29 28 20
Написанной в бывшую ревизию Григорей Анфимов сын Шутов Написанной в бывшую ревизию Алексей Григорьев сын Шутов Жена ево вдова Анна Емельянова сорока трех лет оно-го яма отставного салдата дочь <i>Рожденные после ревизии дети</i> Семен Григорей Анисья шеснатцети лет Овдотья пятнатцети лет	69 23	Умре в 761 году Умре в 762 году	5 2
(Л. 9об.) Написанной в бывшую ревизию Евдоким Васильев сын Корепанов У него сын в бывшую ревизию написанной Федор Корепанов У Федора жена Овдотья Васильева тритцети дву лет оно-го яму ямщиच्या дочь <i>Дети ево</i> Анна девяти лет Федосья осми лет Агафья четырех лет Ирина дву лет	50 12	Умре в 762 году	30

1	2	3	4
Написанной в бывшую ревизию Степан Васильев сын Корепанов У него дети в бывшую ревизию написанные Иван Петр	40 11 2	Умре в 758 году Умре в 761 году Умре в 761 году	
Написанной в бывшую ревизию Василей Евдокимов сын Корепанов Жена ево Анисья Федорова сорока дву лет оно-го яму ямщицьа дочь <i>После ревизии рожденные дети</i> Степан Козма Иван Федор Фекла пяти лет	23		42 16 11 9 2
Написанной в бывшую ревизию Алексей Федоров сын Дунин (Л. 10) Написанной в бывшую ревизию Ларион Федоров сын Дунин Жена ево Федора Емельянова сорока трех лет оно-го яму ямщицьа дочь Дети ево в бывшую ревизию написанной Иван <i>После ревизии рожденные</i> Семен Федосья девяти лет	27 24 пол-мес.	Умре в 760 году	 42 19 11
Написанной в бывшую ревизию Иван Афанасьев сын Шмонин Жена ево Ирина Васильева сорока трех лет оно-го яму ямщицьа дочь Дети ево в бывшую ревизию написанные Василей Иван <i>После ревизии рожденные</i> Иван Митрофан Анна одиннатцети лет У Василья жена Фекла Иванова дватцети трех лет города Сургута разночинска дочь Написанной в бывшую ревизию Петр Григорьев сын Беляев	28 10 6 24	Отдан в рекруты в 759 г.	47 28 15 13 42

Третья ревизская сказка (ревизия душ) по Самаровскому яму. 1763 год

1	2	3	4
У него жена Ульяна Данилова сорока четырех лет одного яму ямщичья дочь Дети ево после ревизии рожденные Иван Парасковья дватцети лет Ефимия пятнатцети лет Написанной в бывшую ревизию Борис Андреев сын Пачганов			7
Дети ево в бывшую ревизию написанные Петр Афанасей Василей	47 24 23 13	Отдан в рекруты в 758 г.	65 43 42
(Л. 10 об.) У Петра жена Елена Иванова тридцети одного году города Сургута казачья дочь Дети ево после ревизии рожденные Яков Марфа пяти лет У Афанасья жена Марфа Иванова тридцети трех лет города Сургута разночинска дочь Написанной в бывшую ревизию Иван Иванов сын Шаламов			
Жена ево Овдотья Васильева семидесяти трех лет одного яму ямщичья дочь Сын ево в бывшую ревизию написанной Федор	61 27		80 45
У него жена Марфа Андреева сорока осми лет одного яму ямщичья дочь Дети ево в бывшую ревизию написанные Иван Михайло Федор Петр	7 5 3	полу- году	26 23 21 20
<i>Рожденной после ревизии</i> Иван У Ивана болшаго жена Катерина Алексеева дватцети четырех лет одного яму разночинска дочь Сын ево Герасим Написанной в бывшую ревизию Игнатей Перфильев сын Арефьев			
	26	Умре в 749 году	

1	2	3	4
Сын его после ревизии рожденной Степан Написанной в бывшую ревизию Дмитрией Перфильев сын Арефьев			16
Написанной в бывшую ревизию Алексей Перфильев сын Арефьев	24		43
Жена ево Огрофена Филиппова сорока пяти лет из Россеи крестьянска дочь (Л. 11) Написанной в бывшую ревизию Григорей Григорьев сын Паромов	21		40
У него жена Марья Иванова сорока осми лет оного яму ямщичья дочь Написанной в бывшую ревизию Игнатей Петров сын Лыткин	29		47
Сын ево Матвей Игнатьева жена вдова Василиса Михайлова пятидесяти осми лет оного яму ямщиच्या дочь Написанной в бывшую ревизию Логин Игнатьев сын Шаламов	43 4	Умре в 751 году Умре в 749 году	
Написанной в бывшую ревизию Корнило Осипов сын Суботин	56	Умре в 750 году	
Написанной в бывшую ревизию Григорей Васильев сын Шмони	58	Умре в 754 году	
У него дети в бывшую ревизию написанные Алексей Василей	63 14 12	Умре в 750 году Отдан в рекруты в 758 г.	33
Иван <i>После ревизии рожденные</i>	5		23
Илья Дарья дватцети лет У Ивана жена Анна Петрова дватцети осми лет города Сургута казачья дочь Дочь их Парасковья полугоду (Л. 11об.) Написанной в бывшую ревизию Прокопей Андреев сын Проскураков			13
У него жена Марья Емельянова пятидесяти трех лет оного яму ямщиच्या дочь Написанной в бывшую ревизию Иван Иванов [сын] Матвеев	32		50
У него жена Улита Савельева сорока шести лет оного яму ямщиच्या дочь У него дети в бывшую ревизию написанной	25		43

Третья ревизская сказка (ревизия душ) по Самаровскому яму. 1763 год

1	2	3	4
Петр <i>После ревизии рожденные</i>	3		21
Василей			9
Семен			4
Татьяна шеснатцети лет			
Устинья тринаццети лет			
Написанной в бывшую ревизию Алексей Емельянов сын Черепанов	23		41
Жена ево Марья Иванова тритцети лет оногo яму ямщицья дочь <i>После ревизии рожденные их дети</i>			
Макар			16
Гаврило			5
Пелагия трех лет			
Написанной в бывшую ревизию Иван Киприянов сын Корепанов	51		70
У него дети в бывшую ревизию написанные			
Сава	27	Умре в 749 году	
Петр	21		40
Василей	20		39
Степан	7		23
(Л. 12) Внучата ево после ревизии рожденные			
Яков Савин			17
Устинья Савина девятнатцети лет			
У Петра жена Парасковья Анфимова тритцети пяти лет оногo яму ямщицья дочь <i>Дети ево после ревизии рожденные</i>			
Василей			13
Козма			10
Овдотья одного году			
У Василья жена Василиса Федорова тритцети дву лет оногo яму ямщицья дочь			
У Степана жена Пелагея Степанова дватцети семи лет оногo яму ямщицья дочь			
Дочь их Анна одного году			
Написанной в бывшую ревизию Григорей Иванов сын Корепанов	20		39
У него жена Овдотья Никитина тритцети трех лет оногo яму ямщицья дочь			
У него после ревизии рожденные дети			
Леонтей			13

1	2	3	4
Иван Дарья пятнатцети лет Федора двенатцети лет Пелагия дву лет Написанной в бывшую ревизию Семен Киприя- нов сын Корепанов Жена ево вдова Ирина Федосеева пятидесяти осми лет оного яму ямщичья дочь (Л. 12 об.) У него дети в бывшую ревизию написанные Михайло Алексей Степан <i>После ревизии рожденные</i> Григорей Илья Матвей У Михаила жена Лукерья Иванова дватцети трех лет оного яму ямщичья дочь <i>Дети ево после ревизии рожденные</i> Федор Иван Акилина одного году Написанной в бывшую ревизию Дмитрей Ива- нов сын Тренин У него жена Анна Алексеева дватцети пяти лет оного яму ямщичья дочь <i>Дети ево после ревизии рожденные</i> Емельян Матрена дву лет Написанной в бывшую ревизию Федор Василь- ев сын Корепанов Жена ево вдова Ксения Киприянова шестиде- сяти дву лет оного яму ямщиच्या дочь Написанной в бывшую ревизию Иван Григорь- ев сын Потапов Жена ево Катерина Афанасиева дватцети семи лет оного яму ямщиच्या дочь <i>Дети ево после ревизии рожденные</i> Василей Михайло			5
	41	Умре в 760 году	
	11		29
	4		24
	2		21
			14
			11
			6
			6
			2
	20		38
			полу- году
	38	Умре в 751 году	
	23		41
			13
			11

Третья ревизская сказка (ревизия душ) по Самаровскому яму. 1763 год

1	2	3	4
Петр Катерина трех лет (Л. 13) Написанной в бывшую ревизию Конан Иванов сын Карандашев У него сын в бывшую ревизию написанной Осип Жена ево Параскева Васильева дватцети шести лет оного яму ямщичья дочь Дети ево Овдотья шеснатцети лет Софья тринатцети лет Дарья осми лет Татьяна дву лет Овдотья полугоду Написанной в бывшую ревизию Григорей Конанов сын Карандашев У него жена Катерина Яковлева дватцети осми лет оного яму ямщиच्या дочь <i>После ревизии рожденные дети</i> Петр Никита Написанной в бывшую ревизию Иван Иванов сын Бебяков Жена ево Матрона Трофимова тритцети четырех лет из Россеи крестьянска дочь <i>После ревизии рожденные дети</i> Иван Дарья пятнатцети лет Написанной в бывшую ревизию Алексей Иванов сын Бебяков (Л. 13об.) Жена ево Овдотья Алексеева дватцети шести лет города Сургута разночинска дочь Дети их Петр Василиса трех лет Написанной в бывшую ревизию Иван Иванов сын Бебяков Сын ево в бывшую ревизию написанной Федор Жена ево Ирина Герасимова тритцети одного году города Сургута разночинска дочь Сын ево Степан			2
	58 16	Умре в 753 году	34
	13		31
			7 2
	35		53
			11
	11		30
			4
	42		60
	16		34
			11

1	2	3	4
Вышеписанного Ивана Бебякова сын Андрей	14	Отдан в рекруты в 758 г.	
Написанной в бывшую ревизию Егор Иванов сын Бебяков Жена ево Агафья Иванова тритцети осми лет из Россеи крестьянска дочь Сын их Григорей	18		36 2
Написанной в бывшую ревизию Андрей Максимов сын Кузнецов Написанной в бывшую ревизию Федор Андреев сын Кузнецов У него жена Парасковья Сидорова шестидесяти лет оного яму ямщичья дочь У него дети в бывшую ревизию написанные Иван Петр Федор	73 37 16 7 5	Умре в 749 году Умре в 758 году	56 25 23
<i>После ревизии рожденные</i> Алексей Настасья дватцети лет (Л. 14) Дарья четырнатцети лет У Петра жена Устинья Савельева тритцети лет оного яму ямщичья дочь Сын их Василей			16 1
Написанной в бывшую ревизию Тимофей Федоров сын Кузнецов У него жена Овдотья Егорова дватцети осми лет оного яму разночинска дочь Написанной в бывшую ревизию Осип Андреев сын Кузнецов	13		32
У него жена Овдотья Андреева пятидесяти трех лет оного яму ямщичья дочь У него дети в бывшую ревизию написанные Петр Максим Ермолай	32 8 6 2		50 26 24 20
<i>После ревизии рожденные</i> Федор Дмитрей Овдотья двенатцети лет Василиса девяти лет			17 15

Третья ревизская сказка (ревизия душ) по Самаровскому яму. 1763 год

1	2	3	4
У Петра жена Катерина Иванова дватцети лет оного яму ямщичья дочь Написанной в бывшую ревизию Степан Осипов сын Кузнецов	11		30
У него жена Овдотья Иванова дватцети осми лет оного яму ямщичья дочь <i>После ревизии рожденные дети</i> Федор			4
Татьяна дву лет (Л. 14 об.) Написанной в бывшую ревизию Иван Андреев сын Кузнецов	36		54
У него дети в бывшую ревизию написанной Василей	12	Отдан в рекруты 758 г.	16
После ревизии Федор Написанной в бывшую ревизию Федор Григо- рьев сын Пестряков	61	Умре в 758 году	
Написанной в бывшую ревизию Иван Федоров сын Пестряков	28		47
У него жена Парасковья Игнатьева пятидесяти трех лет Демьянского яму ямщичья дочь У него дети в бывшую ревизию написанные	6		24
Петр			12
Иван			
Алексей	пол- мес.	Умре в 751 году	
У Петра жена Овдотья Алексеева дватцети пяти лет оного яму ямщичья дочь Сын ево Иван			6
Написанной в бывшую ревизию Федосей Федо- ров сын Пестряков	25		43
Жена ево Овдотья Григорьева пятидесяти осми лет Шоркальского погоста разночинска дочь У него дети в бывшую ревизию написанной	2		20
Иван <i>После ревизии рожденные</i> Николай			14
Катерина дватцети лет Варвара осмнатцети лет Овдотья пятнатцети лет (Л. 15) Написанной в бывшую ревизию Михай- ло Андреев сын Ошмарин	21		39

1	2	3	4
У него жена Дарья Федорова тритцети семи лет оного яму ямщицьа дочь Сын их Борис			11
Теща ево вдова ямщицьа жена Парасковья Гаврилова оного яму ямщицьа жена Написанной в бывшую ревизию Петр Яковлев сын Карандашев	14		33
Жена ево Анна Дмитриева дватцети девяти лет отставного матроса дочь Дети ево Василей			4
Пелагия дву лет Брат ево Александр	10	Умре в 750 году	
Написанной в бывшую ревизию Иван Васильев сын Терентьев	23	.	42
Жена ево Анна Ларионова сорока дву лет оного яму ямщицьа дочь У него дети в бывшую ревизию написанные Иван	1		20
Василиса пятнатцети лет Написанной в бывшую ревизию Василей Потапов сын Мухин	53	Умре в 753 году	
Написанной в бывшую ревизию Иван Андреев сын Проскураков	12		31
У него жена Василиса Петрова дватцети девяти лет города Сургута разночинска дочь Дети их после ревизии рожденные Петр			7
Петр же			5
Кондратей			2
Овдотьа одного году (Л. 15 об.) Написанной в бывшую ревизию Сидор Иванов сын Милков	33		52
Написанной в бывшую ревизию Гаврило Иванов сын Милков	29		48
У него жена Анна Иванова сорока шести лет оного яму разночинска дочь Герасим Анфимов сын Кузнецов в бывшую ревизию написанной	79	Умре в 749 году	
Написанной в бывшую ревизию Михайло Анфимов сын Кузнецов	51	Умре в 750 году	

Третья ревизская сказка (ревизия душ) по Самаровскому яму. 1763 год

1	2	3	4
Написанной в бывшую ревизию Василей Анфимов сын Кузнецов	60	Умре в 755 году	
Написанной в бывшую ревизию Нефед Васильев сын Кузнецов	24		43
У него жена Марфа Селиверстова сорока девяти лет Рафаулова монастыря крестьянска дочь <i>После ревизии рожденные их дети</i>			
Иван			18
Григорей			8
Борис			5
Татьяна двенатцети лет			
Написанной в бывшую ревизию Степан Васильев сын Кузнецов	21		40
У него жена Варвара Михайлова тритцети осми лет оног яму ямщичья дочь <i>Дети ево</i>			
Семен			14
Иван			6
Марья осми лет			
Ирина трех лет			
Марфа дву лет			
(Л. 16) Написанной в бывшую ревизию брат его Семен Васильев сын Кузнецов	16	Во священниках в Красноярску	
Написанной в бывшую ревизию Филипп Никифоров сын Скрыпунов	39	Умре в 749 году	
Сын ево в бывшую ревизию написанной Прокопей Скрыпунов	полу- году		20
Написанной в бывшую ревизию Петр Козмин сын Сырорыбов	66	Умре в 750 году	
Сын ево в бывшую ревизию написанной же Емельян Сырорыбов	24		43
У него жена Марья Дмитриева сорока осми лет оног яму ямщичья дочь <i>После ревизии рожденные их дети</i>			
Иван			15
Парасковья семнатцети лет			
Окулина четырнатцети лет			
Написанной в бывшую ревизию Еким Петров сын Сырорыбов	19		38

1	2	3	4
Жена ево Ирина Ильина тридцети трех лет города Сургута разночинска дочь Дочь ево Ефимия пяти лет Написанной в бывшую ревизию Федор Григорьев сын Поромов Жена ево Степанида Иванова тридцети лет оно-го яму разночинска дочь <i>После ревизии рожденные их дети</i> Арефей Козма Афанасей Ксения тринадцети лет (Л. 16 об.) Написанной в бывшую ревизию Иван Григорьев сын Поромов Написанной в бывшую ревизию Иван Никитин сын Власов У него жена Овдотья Григорьева сорока шести лет оно-го яму ямщицья дочь Сын их в бывшую ревизию написанный Дементей Написанный в бывшую ревизию Степан Иванов сын Поромов Жена ево Василиса Васильева сорока трех лет оно-го яму ямщицья дочь <i>Дети их</i> Овдотья семи лет Овдотья же пяти лет Написанной в бывшую ревизию Михайло Григорьев сын Оноховской Жена ево Катерина Иванова дватцети шести лет оно-го яму ямщицья дочь Написанной в бывшую ревизию Иван Григорьев сын Оноховской У него жена Елена Иванова дватцети осми лет оно-го яму ямщицья дочь <i>Дети ево</i> Петр Матрена шести лет Ульяна пяти лет Федора трех лет Мать ево вдова Ирина Яковлева шестидесяти дву лет ямщицья дочь	23		42 12 10 3
	26	Умре в 756 году	
	31		49
	4		22
	31		49
	18		37
	10		28 полу- году

Третья ревизская сказка (ревизия душ) по Самаровскому яму. 1763 год

1	2	3	4
(Л. 17) Написанной в бывшую ревизию Емельян Васильев сын Вандышев	26	Умре в 758 году	
Написанной в бывшую ревизию Петр Семенов сын Игнатьев Жена ево Огрофена Алексеева двдцети трех лет ямщичья дочь Дочь их Устинья четырех лет Брат ево в бывшую ревизию написанной Иван	10		28
Мать их вдова Ирина Васильева шестидесяти дву лет ямщичья дочь Написанной в бывшую ревизию Григорей Пет- ров сын Скрыпунов Написанной в бывшую ревизию Галахтион Пет- ров сын Скрыпунов Сестра ево Татьяна пятнатцети лет Мать их вдова Марина Федорова пятидесяти шести лет ямщичья дочь Написанной в бывшую ревизию Петр Васильев сын Поромов Дети ево в бывшую ревизию написанные Максим	5		23
	11	Умре в 759 году	
	4		22
	25	Умре в 756 году	
	полу- году		20
<i>После ревизии рожденные</i> Ларион			15
Алексей			14
Мать их вдова Матрона Андреева пятидесяти пяти лет ямщичья дочь Написанной в бывшую ревизию Иван Афанась- ев сын Поромов Жена ево Елена Федосьева сорока трех лет ямщичья дочь Дочь ево Устинья двдцети дву лет Брат ево в бывшую ревизию написанной Федор	31		49
(Л. 17 об.) Написанной в бывшую ревизию Дмит- рей Васильев сын Поромов Жена ево Анна Емельянова пятидесяти дву лет ямщичья дочь Дети ево в бывшую ревизию написанной Иван Парасковья десяти лет	28	Умре в 753 году	
	29		47
	2		21

1	2	3	4
Дарья шести лет Написанной в бывшую ревизию Дмитрий Ники- тин сын Сургуц[к]ов У него жена Федора Иванова тридцети девяти лет оного яму ямщицья дочь <i>Дети ево после ревизии рожденные</i> Иван Семен Петр	25		43 14 9 5
Парасковья осмнатцети лет Мать ево вдова Акилина Семенова шестидеся- ти лет ямщицья дочь Написанной в бывшую ревизию Иван Лаврен- тьев сын Погадаев	27	Умре в 749 году	
Написанной в бывшую ревизию Козма Дмитре- ев сын Карманов	9		27
Написанной в бывшую ревизию Петр Петров сын Еголдаев	26		44
Дети ево в бывшую ревизию написанной Иван <i>После ревизии рожденные</i> Семен Андрей	5		23 12 9
Фекла дватцети лет (Л. 18) Написанной в бывшую ревизию Максим Иванов сын Змановской	31	Умре в 762 году	
Написанной в бывшую ревизию Леонтей Сидо- ров сын Росохин Жена ево Анна Иванова сорока пяти лет ямщи- цья дочь <i>После ревизии рожденные ево дети</i> Василей	31		49 8
Федосья девятнатцети лет Написанной в бывшую ревизию Алексей Леон- тьев сын Кайгородов Жена ево вдова Акилина Логинова сорока осми лет ямщицья дочь Дети ево в бывшую ревизию написанные Иван Егор Федор после ревизии рожденной Дарья четырнатцети лет	30 5 2	Умре в 761 году Умре в 759 году	24 10

Третья ревизская сказка (ревизия душ) по Самаровскому яму. 1763 год

1	2	3	4
Брат ево в бывшую ревизию написанной Александр	18	Умре в 760 году	
Написанной в бывшую ревизию Макар Семенов сын Брыснин	60		78
Сын ево в бывшую ревизию написанной Василей	21	Умре в 759 году	
Жена Марфа Петрова тридцети осми лет города Березова разночинска дочь <i>Дети его после переписи рожденные</i>			14
Михайло			
Федора тринадцети лет			
Написанной в бывшую ревизию Сидор Григорьев сын Панских	60	Умре в 756 году	
(Л. 18 об.) Написанной в бывшую ревизию Максим Яковлев сын Шаламов	46	Умре в 755 году	
Сын ево в бывшую ревизию написанной Яков	16		34
Написанной в бывшую ревизию Герасим Дмитриев сын Власов	15	Умре в 750 году	
Написанной в бывшую ревизию Степан Кондратьев сын Онофрев	25	Умре в 749 году	
Написанной в бывшую ревизию Алексей Дмитриев сын Богатинкин	33	Определен в Самаровскую канцелярию копеистом	
Написанной в бывшую ревизию Михайло Романов	51		70
Жена ево Фекла Федорова шестидесяти пяти лет оного яму ямщицьа дочь			
Написанной в бывшую ревизию Егор Губин	51	Умре в 749 году	
Написанной в бывшую ревизию Никита Кривошапкин	60	Умре в 751 году	
Сын ево в бывшую ревизию написанной Василей Кривошапкин	21		39
У него жена Овдотья Пахомова сорока лет ямщицьа дочь			
Дети ево в бывшую ревизию написанные			
Петр	1		20
Федосья шести лет			
Приемница Анисья Иванова семнатцети лет			
Написанной в бывшую ревизию Лазарь Поров	61	Умре в 748 году	

1	2	3	4
Написанной в бывшую ревизию Дмитрией Кирсанов сын Егишев (Л. 19) У него жена Овдотья Иванова пятидесяти осми лет оного яму ямщицьа дочь Сын ево в бывшую ревизию написанной Иван	33 12	Отдан в рекруты в 758 г.	51
Написанной в бывшую ревизию Иван Екимов сын Глухов Жена ево Парасковья Нефедова шестидесяти дву лет ямщицьа дочь У него дети в бывшую ревизию написанные Семен Петр У Семена жена Настасья Андреева дватцети девяти лет ямщицьа дочь Дочь ево Агафья пяти лет	41 13 11		60 32 30
Написанной в бывшую ревизию Астафей Денисов сын Глухов Жена ево Федосья Иванова тритцети трех лет города Тоболска разночинска дочь Написанной в бывшую ревизию Дмитрией Алексеев сын Мухин У него дети в бывшую ревизию написанные	13		32
Конан Алексей Иван Михайло	59 34 24 18 4	Умре в 759 году Умре в 748 году Умре в 759 году Умре в 760 году Умре в 761 году	
Написанный в бывшую ревизию Алексей Федосеев сын Досадинов (Л. 19 об.) Жена ево Ефимия Андреева дватцети девяти лет ямщицьа дочь Дочь ево Матрона осми лет Мать ево вдова Пелагия Екимова шестидесяти пяти лет ямщицьа дочь	10		28
Написанной в бывшую ревизию Михайло Михайлов сын Мухин Написанной в бывшую ревизию Иван Семенов сын Мухин У него дети в бывшую ревизию написанные	33 65	Умре в 759 году Умре в 749 году	
Иван Иван же	20 1	Умре в 750 году	39

Третья ревизская сказка (ревизия душ) по Самаровскому яму. 1763 год

1	2	3	4
Иванова жена Фекла Евдокимова тридцати осми лет ямщичья дочь <i>После ревизии рожденные ево дети</i> Иван Ирина четырнатцети лет Марья десяти лет Агафья полугоду Написанной в бывшую ревизию Петр Иванов сын Мухин			3
Жена ево Наталья Иванова дватцети трех лет оного яму ямщиच्या дочь Мать ево вдова Парасковья Иванова шестиде- сяти пяти лет ямщиच्या дочь Написанной в бывшую ревизию Василей Яков- лев сын Самсонов	9		27
Жена ево Ульяна Иванова тридцети трех лет Троицкого Кюдинского монастыря разночинска дочь (Л. 20) Написанной в бывшую ревизию Афана- сей Иванов сын Поромов	31		50
Жена ево Марья Иванова тридцети трех лет города Томска разночинска дочь Написанной в бывшую ревизию Григорей Фе- досеев сын Скрыпунов	12		31
Жена ево Федосья Данилова тридцети осми лет города Тоболска разночинска дочь Сын ево Егор Племянник ево в бывшую ревизию написанной Петр Филипов сын Скрыпунов	25		43
Вновь записавшиеся в силу указа 1733 г. Си- бирского приказу: <i>После ревизии рожденные</i> Егор Яковлев сын Конев Яков Дмитриев сын Карманов Семен Гаврилов сын Сумкин Николай Иванов сын Мухин Мать ево вдова Овдотья Никифорова тридцети семи лет города Сургута разночинска дочь Сестры Николаевы Парасковья тринатцети лет Парасковья же пяти лет	3	Умре в 751 году	8
			18
			14
			17
			8

1	2	3	4
(Л. 20 об.) Яви[в]шиеся при нынешней ревизии незаконно рожденные причисленные после указу правительствующаго сената «1744» году и Генеральной инструкции о ревизии «16» пункта Парфен Федоров сын Соскин Сысой Прокопьев сын Конанов			17 10

РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2901. Лл. 1–20 об.

Тропа жизни

Геолог-большевик

С апреля 2004 года на страницах окружной газеты «Новости Югры» реализуется проект «Западная Сибирь: история поиска», участниками которого, помимо редакции газеты, являются Музей геологии, нефти и газа (Ханты-Мансийск) и Государственный архив Ханты-Мансийского округа — Югры. В рамках проекта уже напечатано около сотни статей, посвященных истории геологического поиска на территории автономного округа, начиная с XIX века.

За это время удалось отыскать материалы и рассказать на страницах газеты «Новости Югры» и сборника «Кристалл» (издание Музея геологии, нефти и газа) о таких малоизвестных фактах, как организация экспедиции треста «Востокнефть» в середине 30-х годов в район села Юган Сургутского района, а также о большой геофизической экспедиции в Западную Сибирь (1939–1943 гг.).

Достаточно подробно освещались события, связанные с бурением скважины в Березово и открытием в 1953 году первого в Западной Сибири месторождения газа, а также последовавшие за этим решения партии и правительства. В рамках проекта удалось собрать данные по бурению опорных скважин на территории округа, которые помогли геологам в познании недр. Освещались и другие темы.

В ходе подготовки публикаций приходилось обращаться к документам, которые хранятся в архивах Ханты-Мансийска, Тюмени, Омска, Самары, Москвы, в Росгеолфонде. Так, в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ) были обнаружены до недавнего времени засекреченные материалы о том, как была организована на Приполярном Урале, начиная с 1935 года, добыча пьезокварца — сырья для оборонной промышленности страны.

В рамках проекта удалось вернуть из забвения имена известных в прошлом геологов Н.А. Сирина, А.Н. Алешкова, В.Г. Васильева,

В.М. Сенюкова... И вот недавно открыто еще одно имя: Борис Владимирович Дидковский, известный в 20–30-е годы прошлого века геолог. С 1921 года Б.В. Дидковский возглавлял Горный и Геологический комитеты Урала. Одновременно он был одним из руководителей Уралплана и стоял у истоков создания Уральского государственного университета, одно время даже был его ректором. С 1930 по 1936 год Б.В. Дидковский стоял во главе Уральского геологоразведочного управления, он был организатором первых экспедиций на Приполярный Урал.

В судьбе Бориса Владимировича Дидковского отразились все противоречия ушедшей эпохи. Беззаветно преданный советской власти, он же стал и ее жертвой: был репрессирован и расстрелян в 1938 году. В Государственном архиве Свердловской области (ГАСО) имеется фонд Р-1946, посвященный Б.В. Дидковскому. Все документы собрала и передала на хранение жена Бориса Владимировича Мария Николаевна Букина. Как жена врага народа, она шесть с половиной лет провела в ссылке.

Работу по сбору документов Мария Николаевна, геолог по профессии, начала в 60-е годы, когда еще были живы те, кто знал и помнил Бориса Владимировича. Она написала воспоминания о муже, и сегодня, благодаря М.Н. Букиной, мы имеем возможность прикоснуться к судьбе выдающегося геолога и удивительного человека. Огромная заслуга Б.В. Дидковского в том, что он, выполняя решения партии и правительства по созданию на Урале второй, после Украины, угольно-металлургической базы страны, смог в невероятно трудных условиях дефицита кадров, оборудования, материалов развернуть масштабные работы по поиску сырья для промышленных предприятий.

Помимо решения производственных вопросов, Дидковский занимался и научной работой, читал лекции студентам, а в последний год жизни возглавил кафедру в Свердловском горном институте. Даже будучи отлученным от любимой работы, Борис Владимирович продолжал подготовку к XVII Международному геологическому конгрессу, который состоялся в Москве летом 1937 года.

Вокруг Бориса Владимировича Дидковского всегда было много людей, он воспитал плеяду талантливых геологов, которые продолжили его дело. «Подорожник» предлагает вниманию читателей воспоми-

нения тех, кто хорошо знал Бориса Владимировича. Они помогут лучше понять и оценить масштаб личности человека, чьим именем названа улица в поселке городского типа Павда Свердловской области и гора на территории Ханты-Мансийского автономного округа.

Валентина Патранова

Тропа жизни

Материалы к биографии Бориса Владимировича Дидковского

Доклад М.Н. Букиной на областной краеведческой конференции
22 декабря 1963 года в г. Свердловске

Борис Владимирович Дидковский, один из крупных общественных и политических деятелей Урала, прожил относительно короткую (55 лет), но яркую жизнь, отдав всю свою неиссякаемую энергию делу рабочего класса. В едином строю с лучшими сынами коммунистической партии он сражался в годы Октябрьской революции и Гражданской войны, участвовал в социалистическом строительстве и индустриализации Урала.

Жизненный путь Бориса Владимировича был не совсем обычным. Он родился в семье офицера (2 мая 1883 года в г. Житомире). Родители, мечтая о военной карьере сына, отдали его в Киевский кадетский корпус. Окончив его в 1900 году, Борис не захотел продолжать военное образование и поступил в Петербургский энергетический институт. Кроме увлечения математическими науками, его глубоко волновали социальные проблемы. В 1902 году он вступил в члены РСДРП, а в 1905-м за активное участие в революционном студенческом движении был уволен из университета (куда перешел в 1903 г. из энергетического института). Двери высшей школы России для него были закрыты навсегда. Борис Владимирович эмигрировал в Швейцарию, где и окончил Женевский университет в 1913 году по геологической специальности, получив звание бакалавра наук.

С 18 лет Дидковский жил самостоятельно, не получая никакой материальной поддержки от родителей, волю которых он не выполнил: он не стал военным и не захотел служить царю. Ему приходилось заниматься перепиской, давать уроки, а в Женеве работать в конторе по сортировке каменного материала и по составлению минералогических

коллекций. За границей он поддерживал связь с политическими эмигрантами, принимал участие в революционном рабочем движении. В Женеве в начале 1907 года во время уличной демонстрации рабочих он был жестоко избит жандармерией. В автобиографии Борис Владимирович писал, что он состоял в партии РСДРП с 1902-го по 1905 год (включительно), затем с 1906 года — с перерывами — до 1917 г., а в марте 1917 года вступил в члены РКП(б). После окончания Женевского университета вместе со своим учителем профессором Л. Дюпарком приехал на Урал и занимался с ним геологической съемкой в Николае-Павдинском горном округе. Позднее он служил здесь в должности производителя работ, занимаясь геологической съемкой и разведкой платины, железа, угля и других полезных ископаемых района.

Известие о Февральской революции послужило толчком к активным политическим действиям, и Дидковский сразу же включился в революционную борьбу. Под его руководством рабочими была разоружена местная полиция и проведены волостные съезды, на которых в марте 1917 года он был избран членом Павдинского и Кытлымского Совета рабочих депутатов. Позднее от Павды Борис Владимирович был направлен делегатом на первый областной съезд в Пермь и от Надеждинского уезда участвовал делегатом (будучи единственным не меньшевиком от Пермской губернии на Первом Всероссийском съезде в Петрограде¹. В апреле 1917 г. за организацию рабочих забастовок (с требованием о сокращении рабочего дня) Дидковский был уволен администрацией округа, и с этих пор он целиком перешел на партийную работу². Вместе с другими коммунистами Урала он стремился сплотить рабочих вокруг Советов, воспитывал их революционное сознание и вел борьбу с социал-оборонцами, поддерживающими политику продолжения империалистической войны.

В мае Борис Владимирович был избран в Верхотурье председателем продовольственной управы: проблема снабжения рабочих продовольствием в условиях надвигающегося голода была одной из основных проблем, стоящих перед большевиками в 1917 году³. В июне—октябре Дидковский вошел в состав исполкома Екатеринбургского окружного Совета,

¹ ГАСО. Ф. 241. Оп. 2. Д. 3230. Л. 11.

² СПА. Ф 241. Оп. 1. Д. 396. Л. 1–7. — Вероятно, Свердловский партархив.

³ Большевики Екатеринбурга во главе масс. Свердловск, 1962. С. 193.

одной из задач которого была организация рабочего контроля над производством и борьба за национализацию промышленности (в первую очередь предприятий наиболее злостных саботажников)⁴. Одновременно Дидковский являлся уполномоченным обкома партии по Совету Верхотурского уезда (Кытлым, Н. Ляля, Верхотурье, Надеждинск). Ему было поручено партией готовить рабочих к революционной борьбе за установление советской власти, в частности, в Верхотурском уезде.

В августе—октябре 1917 года, несмотря на малочисленность верхотурской партийной организации, при поддержке трудового населения и с помощью вооруженных отрядов, вызванных Дидковским с ближайших заводов Урала, в Верхотурье была установлена советская власть.

Борис Владимирович, избранный еще в августе председателем горсовета, в октябре стал председателем Верхотурского уездного исполнительного комитета⁵.

В конце 1917 года Дидковский был отозван обкомом партии из Верхотурья в Екатеринбург, где в январе 1918 года на Третьем объединенном областном съезде был введен в состав президиума областного Совета Урала, а с февраля этого года стал заместителем председателя президиума А.Г. Белобородова⁶. Из состава областного Совета были выделены ответственные комиссары для руководства различными отраслями работ на Урале, и Борис Владимирович был назначен товарищем областного комиссара по производству А.А. Кузьмина⁷.

Дидковский сразу же активно включился в работу по восстановлению и национализации уральской промышленности, которая в начале 1918 года находилась в катастрофическом состоянии. Национализация протекала в условиях острой классовой борьбы и саботажа со стороны предпринимателей и техперсонала. Впрочем, это только ускорило ее темпы. В конце июня национализация на Урале, в основном, была завершена. В этой работе принимали участие В.Н. Андронников, А.А. Кузьмин, А.Г. Белобородов, П.Л. Войков, Д.Г. Сулимов, Л.А. Ларионов, Ф.Ф. Сыромолотов, И.М. Малышев (убит в конце июня), а также А. Андреев и Разенталь.

⁴ Уральский рабочий. 1917. 18 окт.

⁵ СПА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 25. Л. 56–57.

⁶ Уральский рабочий. 1923. 11 дек. ГАСО. Ф. 241. Оп. 2. Д. 3230. Л. 11.

⁷ Уральский рабочий. 1918. 11 янв.

В докладной записке Дидковского, адресованной 8 июля 1918 года в ВСНХ, дается довольно полное описание того, как проходила национализация на Урале. В первую очередь национализировались те предприятия, которые не были убыточными, и где рабочие уже были способны управлять производством. Исключение составляла платиновая промышленность, где медлить было нельзя, так как Урал был единственным поставщиком платины на мировом рынке⁸.

Как уполномоченный представитель Урала в Москве (в мае—сентябре 1918 года) Борис Владимирович принял участие в двух исторических решениях ВСНХ:

1. Утверждение национализированных предприятий Урала (список № 1, включающий все национализированные предприятия, был составлен и утвержден, судя по автографу Дидковского, 22—24 сентября 1918 года).

2. Постановление от 4.09.1918 года о роспуске, закрытии совета съезда горнопромышленников Урала. Ликвидация совета съезда была поручена комиссии в составе Бегге, Дидковского и Егорова⁹.

В области политической деятельности Уралоблсовета следует отметить историческое решение по ликвидации царизма. Дидковскому как заместителю председателя облсовета было поручено обкомом партии вместе с Голощекиным и Войковым организовать перевод Н. Романова и его семьи из Тобольска в Екатеринбург. Эта операция была успешно завершена, и замысел монархистов организовать побег царя из Тобольска за границу был сорван¹⁰.

Подводя итоги работы по национализации, Дидковский, выступая на втором съезде по управлению национализированными предприятиями (22 мая 1918 г.), сказал: «Скоро мы будем уже больше давать, чем просить. У нас появилось железо, уголь, золото, платина и другие товары, которые понадобятся для организации товарообмена. Ценностей у нас уже порядочно. Заметно уменьшилось и число безработных. Самый тяжелый период для уральской промышленности уже прошел. Если и наступит другой, такой же, то мы уже достаточно приспособились¹¹.

<...>

⁸ СПА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 621. Л. 230.

⁹ ЦГАНХ. Ф. 3429. Оп. 1. Д. 602–615. Л. 56.

¹⁰ Рабочая революция на Урале. Екатеринбург, 1921. С. 6.

¹¹ СПА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 612. Л. 222–224.

* * *

Осенью 1918 года Гражданская война на Урале обострилась: регулярные войска Колчака, обтекая левый фланг третьей армии, заняли Надеждинск и Богословск. Дидковский, прервав свою работу в Москве, срочно выехал на Урал. Когда стало известно о взятии белыми Верхотурья, Борис Владимирович указал в Перми на возникшую для Кизела-Усолья опасность со стороны Павды, где в то время не было никакого отряда¹². Обком партии и реввоенсовет третьей армии командировали Дидковского в район Верхотурья для выяснения положения. Учитывая тяжелую военную обстановку, Борис Владимирович по договоренности с командиром второй бригады 29-й дивизии М.Б. Васильевым сформировал в Н-Туринском районе отряд добровольцев в 70 человек, которые с боями заняли Старую Лялю. <...>

К началу 1920 года был завершен разгром армии Колчака. Наступил период восстановления разрушенного войной народного хозяйства. Согласно декрету Совнаркома и решению Горного Совета ВСНХ, Дидковский был отозван из армии и направлен 8 марта 1920 года на восстановление уральской промышленности. Назначенный на должность председателя Райруды (районного рудного управления), Борис Владимирович осуществил объединение уральских рудников и горных разработок¹³. Тем самым он положил начало организации горного дела на Урале.

Для проведения геологоразведочных работ Дидковский по поручению Уралпромбюро сформировал Уральский горный комитет. В задачу этого учреждения входило руководство не только геологоразведкой, но и маркшейдерией, горной инспекцией, деятельностью угольных предприятий и отделом земмашин. Дидковский был переведен из Райруды на должность заведующего Уралгоркомом, а В.М. Быков назначен его заместителем¹⁴. Организация Уралгоркома в июле 1920 г. явилась началом государственной геологической службы на Урале. Приблизительно через год Уралгорком был реорганизован, и геологическая служба была сосредоточена в горном подотделе Уралпромбюро (Уралпромразведка). Дидковский продолжал возглавлять разведочные работы, которые проводились в основных промышленных районах горнозаводского Урала.

¹² ЦГСА. Ф. 1334. Оп. 2. Д. 354. Л. 328.

¹³ СПА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1209. Л. 70.

¹⁴ ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 67, 26.

Несмотря на острый недостаток кадров, голод, тяжелые жилищные условия, удалось за эти годы (1920—1922) выявить остродефицитное сырье: железо, уголь, марганец, никель — и тем самым обеспечить работу металлургических заводов и железнодорожного транспорта; разведенное химическое сырье (фосфориты) позволило улучшить положение сельского хозяйства¹⁵.

Как краевед, Дидковский много внимания уделял музейным и архивным работам. Он считал, что своевременное изучение архивных материалов может сэкономить государству большие средства и позволит избежать повторных работ на уже известных участках. Кроме того, это изучение может оказать огромную услугу в раскрытии новых богатств Урала. Поэтому Дидковский заботливо относился к музейным экспонатам, в частности, к геологическим коллекциям. Он перевел на положение геологической партии в Уралгорком Верхисетский музей, влачивший до этого жалкое существование¹⁶. После ликвидации Уралпромразведки музей вместе с имуществом и кадрами был передан в Уральское бюро геологического комитета (Уралгеолком).

Геологоразведочные работы, проведенные в 1920—1922 годах под общим руководством Дидковского и при участии геологов (впоследствии широко известных на Урале) Ф.И. Кандыкина и М.И. Липовского, а также техников-братьев Вайполиных, коллектора Г.Г. Китаева, профессоров из Москвы и Петрограда Е.А. Кузнецова, А.Н. Заварицкого и Болдырева, получили высокую оценку в отчетной информации Уралгеолкома¹⁷. В тот ранний период геологической службы на Урале были поставлены основные вехи, по которым впоследствии была проложена широкая дорога геологоразведочных работ, позволивших увеличить сырьевую базу уже известных месторождений, а также открыть новые и чрезвычайно важные для страны полезные ископаемые.

* * *

Одновременно с организацией горного дела и геологической службы Дидковскому была поручена работа по созданию высшей школы на

¹⁵ Доклад Дидковского о положении разведочного дела на Урале // Горное дело / 1921. № 4/5. Т. 2. С. 226—229.

¹⁶ ГАСО. Ф. 1090. Оп. 1. Д. 69. Л. 45; Ф. 3. Оп. 1. Д. 25. Л. 5.

¹⁷ Материалы Ур. геол. комитета. 1929. Изд. Уралгеолкома. Свердловск. Вып. 1.

Урале. Существовавший в Екатеринбурге с 1915 года горный институт, пять лет находившийся в стадии организации, а в 1919 году частично эвакуированный с Колчаком во Владивосток, не удовлетворял новый социалистический Урал ни своим профессорско-студенческим составом, ни своей учебной работой: не было лабораторий, учебников, институт занимал несколько случайных помещений, разбросанных в разных частях города. Институт фактически не имел и руководства. «Все видели уже, так жить не стоит и нельзя...», — так освещал на своих страницах журнал «Тов. Терентий» предысторию университета¹⁸.

Летом 1920 года Екатеринбургский губисполком занялся вопросами образования и организовал университетскую комиссию (председатель Дидковский). Одновременно был создан организационный комитет университета и назначено временное правление в смешанном составе: из желающих работать профессуры, студенчества и представителей заинтересованных государственных органов (Дидковский вошел в управление от Уралпромбюро и являлся заместителем ректора А.Н. Пинкевича)¹⁹. Общими усилиями этих организаций Уральский государственный университет был открыт осенью 1920 года, а в ноябре того же года утвержден декретом Совнаркома.

Первый период строительства носил бурный, стихийный характер, разворот факультетов не соответствовал материальным возможностям университета. И вскоре наступил второй период (1921–1922 гг.), решавший судьбу высшей школы в Екатеринбурге.

Хозяйственный кризис на Урале и беспрецедентный по силе неурожай (а вследствие этого и голод) поставили университет через год после его открытия в тяжелое, казалось, безвыходное положение²⁰. В статье «Как помочь университету» говорилось, что тяжелые материальные условия, граничащие с крахом, отразились и на учебной жизни и вызвали отлив научных работников в 1921 году (в том числе и А.Н. Пинкевича) из Екатеринбурга в Москву. Студенты жили в холодных, неотопливаемых, переполненных общежитиях, а некоторых из них приходилось выселять и из таких «палат» чуть ли не на улицу²¹.

¹⁸ Тов. Терентий. 1923. № 19, 12 авг. С. 6, 7. — прилож. к «Уральскому рабочему».

¹⁹ Там же; см.: Екатеринбург 1723–1923. Уралкнига, 1923. С. 206, 207, 215, 217.

²⁰ Уральский рабочий. 1923. 24 мая.

²¹ Уральский рабочий. 1921. 15 дек.; см.: Екатеринбург 1723–1923. С. 217.

Наибольшего напряжения борьба за университет достигла летом 1922 года, когда с бюджета был снят медфак, закрыт педагогический и переведен в Пермь сельскохозяйственный факультет и был резко поставлен вопрос: быть или не быть университету в Екатеринбурге? Твердая линия правления во главе с Дидковским, ставшим ректором в 1921 году, была направлена на сохранение университета путем сокращения, сжатия и стягивания всех разбросанных частей учебного заведения в единый университетский центр на бывшей Щепной (ныне Университетской) площади²².

В статье «Разрушители университета» говорилось, что, воспользовавшись тяжелым положением университета, часть профессуры технических факультетов, а вместе с ними и студенчество выступили с ультимативным требованием: ликвидировать все, кроме горного образования. Они надеялись, что вместе с университетом ликвидируют и правление во главе с коммунистами, создав свое профессорское, беспартийное²³.

Потребовалась известная выдержка, чтобы пережить этот тяжелый период. Дидковский, связанный тесными узами с партийными и советскими организациями, обращался к ним за поддержкой. Это помогло улучшить материальное положение университета и выйти из той страшной нужды, которая грозила высшей школе полным развалом. При поддержке уральской промышленности удалось не только сохранить университет, но и укрепить его, наладив учебную жизнь. По общему признанию, 1922–1923 год был первым нормальным учебным годом²⁴.

Тяжелую борьбу пришлось вести ректору-коммунисту по внешнему устройству университета — борьбу за здания (в этом университете помогал В.И. Ленин), за средства, кредиты, за учебно-лабораторные работы (было получено ценное оборудование из-за границы)... Но еще трудней была внутренняя борьба за советизацию высшей школы против реакционно настроенной части профессуры и студенчества.

Проведенная зимой 1922–1923 гг. профсоюзная чистка помогла частично освободиться от непролетарского студенчества. После этого профсоюзные ячейки снова заполнились, но уже свежей пролетарской молодежью, будущими красными специалистами и организаторами. В

²² Уральский рабочий. 1923. 19 окт.

²³ Уральский рабочий. 1922. 24 мая.

²⁴ Уральский рабочий. 1923. 19 окт.

результате этих мероприятий, проводимых под руководством правления, профячейки, объединенные в общеуниверситетском масштабе в исполбюро (где руководителями были рабфаковцы), охватили к лету 1923 года все стороны политической и учебной жизни университета²⁵. Среди студентов, активных общественников того времени, следует отметить Н. Морозова, Н. Попова, М. Селяничева, А.А. Борецкого, С.Д. Постнова, Липковича и других. В числе наиболее передовых профессоров были проректор по учебной части Н.П. Горин, декан медицинского факультета Новиков, С.А. Тягунов, заведующий кафедрой обогащения полезных ископаемых Ортин и проректор по административной части Лазарев, работавший с Дидковским еще в период национализации Урала.

Борьба за новую советскую школу окончилась победой, что и было отмечено в день празднования трехлетнего юбилея университета 19 октября 1923 года. Осенью 1923 года состоялся второй выпуск врачей и первый выпуск инженеров²⁶.

* * *

Особенностью Бориса Владимировича было умение выполнять одновременно несколько работ, разнородных по содержанию, но одинаково трудных и ответственных. Так, занимаясь в 20-е годы созданием и укреплением высшей школы на Урале, он вместе с тем осуществлял общее руководство всеми геологоразведочными работами, и в то же время им была начата работа по районированию Урала, в которой он принимал самое активное участие вплоть до полного ее завершения в 1925–1926 гг.

Смысл районирования состоял в том, чтобы упорядочить хозяйственную жизнь Урала, а также приблизить аппарат управления к населению.

Подготовительный период районирования Урала охватывает несколько лет (1921–1923). Началом практического осуществления районирования на Урале можно считать февраль 1923 года. В это время были составлены проекты положений об органах власти и выработаны правила ликвидации губернских учреждений и имущества. Тогда же было начато описание 15 округов. В основном районирование Уральской области было закончено к 10 декабря 1923 года, когда на 4-м Ураль-

²⁵ Тов. Терентий. 1923. № 19, 12 авг. С. 6–7.

²⁶ ГАСО. Ф. 277. Оп. 1. Д. 170. Л. 48, 61.

ском областном съезде был организован областной исполнительный комитет, а губисполкомы ликвидированы²⁷.

Постановление ВЦИК о введении в действие положения об Уральской области было вынесено 3 ноября 1923 года. Область была разделена на 15 округов, которые, в свою очередь, делились на районы (200). Организация районов и перестройка сельсоветов, в основном, были закончены в течение трех месяцев — к марту 1924 года.

Внутреннее районирование (определение состава каждого из районов и округов) — тяжелая и длительная работа: она требовала массового участия сознательных советских работников на местах. «Надо подобрать, трижды проверив, основные кадры работников района»²⁸. Внутреннее районирование было завершено в течение 1924 года.

Удался ли опыт районирования? В своей статье Дидковский отвечает на этот вопрос положительно: развитие и укрепление административно-хозяйственного строительства области в целом и ее частей должно дальше идти по тому же пути²⁹. Работа по районированию была положительно оценена на пленуме обкома (17–19.03.1924)³⁰ и на пятом областном съезде Советов. В решении съезда указано, что «районирование сыграло колоссальную роль и в хозяйственном отношении. Это дало качественное улучшение советского аппарата, количественное сокращение его и укрепило связь с массами»³¹. На Всесоюзном съезде госпланов говорилось о том, что районирование создало гибкую и простую систему управления областью... Опыт районирования Урала был рекомендован для использования при предстоящем экономическом районировании всего Союза³².

Работа по районированию — это большой коллективный труд, в котором участвовали Сулимов (председатель Уралэкосо), Штейнберг (член президиума Уралэкосо), Жилин (секретарь админкомиссии при Уралэкосо), Немчинов, проф. Грум-Гржимайло, Саухат, Семченко, Те-

²⁷ ЦГАНХ. Ф. 4372. Оп. 15. Д. 140. Л. 259, 40, 32.

²⁸ Дидковский Б.В. Положение об Уральской области // Уральский рабочий. 1923. 11 дек.

²⁹ Дидковский Б.В. Два года после районирования // Хозяйство Урала. 1925. № 7.

³⁰ Уральский рабочий. 1924. 1 апр.

³¹ Уральский рабочий. 1925. 24 марта.

³² Уральский рабочий. 1926. 25 марта.

удмина, Васильева, Клименко и другие члены комиссий Уралплана. На долю Дидковского выпала такая работа, как составление проекта положения об Уральской области и защита его на сессиях ВЦИК и Совнаркома, составление и редактирование материалов по районированию, составление карт области и большая работа по проведению реформы в жизнь с участием крайкомов Урала и Сибири, а также Башкирии.

С 1922-го по 1929 год Дидковский занимал должность заместителя председателя Уралплана, а в 1929–1930 гг. возглавлял Уралплан. Вместе с руководящим ядром Уралплана (Л.Е. Гольдич, В.Н. Андроников, Я.М. Истомин) он принимал участие в составлении: 1) генерального плана реконструкции народного хозяйства Урала на энергетической базе на 10–15 лет; 2) перспективного плана индустриализации Урала на ближайшее пятилетие (постройка шести индустриальных первенцев, заводов-гигантов); 3) контрольных цифр на ближайший год³³.

На пленарном заседании Госплана (под председательством Г.М. Кржижановского) 19 января 1929 года по докладу Дидковского «Урал как промышленный комбинат и мероприятия первого пятилетия» было принято решение признать правильным путь организации комбинированного промышленного хозяйства Урала.

Постоянное внимание Уралплан уделял развитию химической промышленности, в частности, по его рекомендации была пробурена в 1924 году первая глубокая скважина в Соликамске, открывшая калийные соли, запасы которой имеют теперь мировое значение.

Неустанной заботой Уралплана, в том числе и Дидковского, было улучшение жилищных и бытовых условий в городах и населенных пунктах Урала, в частности Свердловска. Кстати, вопрос о переименовании Екатеринбурга в Свердловск впервые был поставлен по инициативе Дидковского на заседании президиума горсовета 7 марта 1924 года, ему же поручалось возглавить комиссию по сбору предложений, а также проведение обсуждения на рабочих собраниях вопроса о переименовании города³⁴.

В постановлении Госплана 15.11.1926 г. указывается, что Уралплан достиг значительного укрепления своего аппарата, стал сильным органом общего планирования хозяйства и активного воздействия на ход хозяйственной жизни Урала. Кроме того, отмечена высокая квалифи-

³³ ЦГАНХ. Ф. 4372. Оп. 15. Д. 578. Л. 26. 22; Уральский рабочий. 1930. 6 авг.

³⁴ ГАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 29. Л. 5, 27, 28.

кация руководящего ядра и секций Уралплана и правильная общая линия в текущем перспективном планировании Урала³⁵.

* * *

В связи с историческим решением XIV съезда партии о создании на Востоке новой мощной угольно-металлургической базы и форсированного развития других отраслей промышленности, Дидковский был назначен в октябре 1930 г. на должность начальника Уральского геологического управления. Темпы и объемы геологоразведочных работ, проводимых до этого времени управлением, совершенно не соответствовали бурному строительству большого индустриального Урала³⁶. Оценка неудовлетворительной работы бывшего Уралгеолкома была дана на заседании Уралсовнархоза и в постановлении Уралобисполкома³⁷.

Перед Геологическим управлением стояла боевая задача — выявление сырьевой базы в возможно кратчайшие сроки для обеспечения бесперебойной работы новых и реконструируемых старых уральских заводов. Первоочередной задачей была также постановка геологической съемки.

Многочисленные документы, сохранившиеся в архивах Уральского геологического управления, отражают деятельность управления за 1931–1936 годы. Они показывают, каким путем были достигнуты коренные изменения в содержании, темпах и масштабах работ этого учреждения после 1930 года.

Путем организации курсов среднетехнического персонала были подготовлены кадры техников-геологов, коллекторов, буровых мастеров и химиков-лаборантов. Инженеры-геологи повышали квалификацию на долгосрочных курсах в Ленинграде.

Вторая проблема — недостаток оборудования — была разрешена путем размещения заказов на уральских заводах и благодаря строительству нового специального завода для изготовления бурового оборудования. В результате внутренней реорганизации управления все полевые партии были объединены десятью базами, сосредоточенными в крупных промышленных районах Урала³⁸.

³⁵ ГАСО. Ф. 241. Оп. 1. Д. 105. Л. 13.

³⁶ Уральский рабочий. 1930. 6 авг.

³⁷ ГАСО. Ф. 241. Оп. 1. Д. 744. Л. 10, 200; Архив УГУ. Приказ н-ка ГГРУ № 334 от 16.10.1930.

³⁸ Архив УГУ. Приказ № 136 от 8.06.1931.

Дидковский в статье «За недра Урала», подводя итоги, пишет, что за 1931–1934 гг. на местах и в Свердловске созданы и окрепли постоянные геологоразведочные организации, в составе которых работают квалифицированные геологи, хотя недостаток кадров еще ощущается. Значительно возросла техническая оснащенность геологоразведочных работ в связи с необходимостью освоить проходку 700 тысяч погонных метров, которые были пробурены за эти годы на Урале механическими станками.

Говоря о геологической съемке, Дидковский отмечает, что в 1930 году могла быть составлена только миллионная геологическая карта (изданная ЦНИГРИ в 1931 г.). Поздней геологической съемкой была покрыта почти вся горная полоса Урала в пределах Свердловской и Челябинской областей в масштабе 1:200000, отчасти 1:100000 и 1:50000, и уже появилась возможность подготовить к изданию новую полумиллионную карту Урала³⁹.

В 1934 г. начаты крупномасштабные съемки на Севере — в районе бокситовых месторождений (открыты в 1932 г.), на юге — в районе Байкала, Сатки и Полтаво-Брединского месторождения, на Среднем Урале — в полосе колчеданных месторождений, а также на западном склоне Урала — в районе распространения Нижнесергинских железорудных месторождений. Эти съемки, выполненные высококвалифицированными геологами, до сих пор являются золотым фондом Уральского геологического управления. В 1935 г. была окончена геологическая съемка в масштабе 1:10000 и 1:25000 территории города Свердловска и его окрестностей.

В конце 1933 — начале 1934 гг. после второй общесоюзной реорганизации геологической службы Дидковский возглавил не только геологоразведочные, но и аэрогеодезические, гидрогеологические работы на всей территории Урала, включая Башкирию. Ему же было поручено руководство научно-исследовательским институтом (УРАЛНИГРИ).

Борис Владимирович вместе с партийной и общественными организациями управления сумел мобилизовать коллектив на выполнение важнейшей задачи — выявление сырьевой базы Урала. В этой очень трудной и сложной работе ему помогли коммунисты Белоусов (замначальника управления) и Покровский (завкадрами и секретарь партор-

³⁹ За недра Урала: сб. ст. / под ред. Б.В. Дидковского, М.И. Гараня и др. Изд. Уралгеологоразведка. УралНИГРИ, 1934.

ганизации). Среди передовых геологов следует отметить П.М. Есипова (ныне лауреата Ленинской премии), Н.И. Архангельского (под руководством которого были выявлены запасы бокситовых руд), Г.Я. Попова (успешно организовавшего буровые работы в условиях острой нехватки оборудования и кадров), С.В. Горюнова (с именем которого связано открытие и разведка нового угольного бассейна на юге Урала), М.И. Гараня (возглавлявшего геологическую съемку в управлении) и многих других.

За период деятельности Б.В. Дидковского, как указывается в постановлении главка, достигнуты значительные успехи в области разведки хромитов и бокситов на Урале⁴⁰. За эти годы не только возросли запасы основных полезных ископаемых Урала, но также были освоены практически новые для Урала полезные ископаемые (бокситы, нефть, редкие элементы, а также титано-магнетиты, марганец и др.).

В воспоминаниях старых геологов отмечается, что под руководством Дидковского «карликовое учреждение превратилось в крупную производственную и научную организацию» (Н.И. Архангельский). Г.Я. Попов пишет, что Борис Владимирович, несмотря на свою занятость в обкоме и облисполкоме, активно руководил геологическими исследованиями. П.М. Есипов отмечает в числе лучших личных и деловых качеств Бориса Владимировича его принципиальность и глубокую преданность партии. Проф. Е.А. Кузнецов пишет о полной кипучей энергии жизни Дидковского, о его способности смотреть далеко вперед, об умении ставить и решать большие геологические проблемы, что способствовало, по его мнению, открытию новых месторождений, в частности бокситов. «За период его деятельности была создана геологическая организация, ведущая грандиозные по масштабам работы, немногим уступающие современному состоянию этого учреждения».

В 1936 г. Дидковскому была поручена подготовительная работа к сессии Международного геологического конгресса. Вместе с Г.Г. Китаевым он организовал выставочные коллекции, характеризующие геологическое строение и полезные ископаемые всего Урала. Размещенные в здании на углу улиц Хохрякова и Куйбышева, они впоследствии явились базой для создания Геологического музея. Кроме того, вместе с геологами Урала Борис Владимирович разработал маршруты походов

⁴⁰ Архив УГУ. Приказ н-ка главка 25.04.1936.

по наиболее геологически интересным местам Урала для посещения их иностранными геологами конгресса. Эти маршруты были одобрены академиком А.Е. Ферсманом.

В начале 1937 года оборвалась полезная деятельность Бориса Владимировича Дидковского: он был арестован по ложному обвинению. Через год (24 февраля 1938 года) прекратилась и жизнь этого замечательного человека.

В 1956 году он был посмертно реабилитирован, а в 1960 году восстановлен в рядах коммунистической партии.

Многие уральцы старого поколения помнят и ценят Бориса Владимировича и как незаурядного человека, и как неутомимого борца за социализм.

ГАСО. Ф. Р-1946. О. 1. Д. 4. Л. 65а-85.

Воспоминания коллег

Некоторые черты Б.В. Дидковского

Первая пятилетка определила непроторенные, неизведанные пути индустриализации молодой Страны Советов. Для развития индустрии необходимы минерально-сырьевые ресурсы. Ими богата наша страна. Нет ни одного горно-геологического региона краше нашего Урала. Возрождение промышленности и развитие минерально-сырьевой базы требовало подготовки своей инженерно-технической интеллигенции. И мы, люди из рабфаковского племени, пришли на геологоразведочный факультет Уральского политехнического института, чтобы научиться отыскивать кладовые полезных ископаемых, хранящихся в недрах. Вошли в институт с благоговением, нерешительно. Нас, пришедших от станка и сохи, мучил вопрос: справимся ли?

Звонок оповестил о начале лекции. Мы, будущие искатели горных богатств, вошли в аудиторию. Заняли места за столами. Счастливые, жадные до знаний, мы с напряженным вниманием смотрели на дверь. Ждали появления преподавателя. Дверь открылась. Вошел человек выше среднего роста. С несколько широкими плечами. Гладко стриженный. Одет очень просто: в серой толстовке. Это было в сентябре 1930 года. Он поздравил нас с поступлением в храм науки. Мы, зачарованные, сидели, ловили каждое слово преподавателя. Но он сказал, что пришел к нам не как преподаватель. Что он сотрудник Уральского отделения геологического комитета (он нам не сказал, что был директором Уральского геолкома). Что он собирается побеседовать о том, что представляет собой специальность и каковы наши задачи. Он говорил доходчиво, просто, спокойно, размеренно, не торопясь. Голос мягкий, с южно-русским акцентом. Мы осмелели, задавали много вопросов. Беседа была непринужденной. Прозвенели звонки — на перерыв, после перерыва, после лекции, —

а разговор продолжался. В аудиторию стали проникать и негеологи. И они с интересом подключались к нашей беседе.

Беседа открылила нас. Вот чего нам не хватало и с чего нужно было начинать! С беседы о специальности. А проводил ее один из лучших знатоков геологии Урала, руководитель геологической службы Урала, член ВЦИКа, бывший красный партизан, видный политический деятель Урала Борис Владимирович Дидковский.

Перед студентами института на собраниях выступали в те годы крупные работники. Например, секретарь обкома партии И.Д. Кабаков, председатель облисполкома В. Головин и др. Но мы, студенты-геологи, были связаны органически с Б.В. Дидковским и Геолкомом. И по зову Геолкома (потом реорганизованного в Уральское геологическое управление) мы в случае надобности и в меру знаний своих помогали Геолкому в его работе. Например, создавались бригады с выездом непосредственно в геологоразведочные партии для обработки керн буровых скважин и для петрографического и минераграфического описания.

В 1932 году остро встала задача о развитии угольной промышленности, о подготовке специалистов для нее. Специальности по геологии углей в институте не было. В этой связи Б.В. Дидковский командировал в Москву к И.М. Губкину начальника кадров Покровского с просьбой о выделении специальных средств для подготовки геологов-угольщиков. Средства были выделены, и в институте была создана группа из восьми студентов, которая была командирована в Ленинград на один год для прохождения специальных дисциплин (в Свердловском горном институте специалистов не было). В дальнейшем из этой группы два человека защитили кандидатские и докторские диссертации — это А.Я. Виссарионова (Хомякова) и автор этих строк.

Б.В. Дидковский значительную часть времени проводил в командировках. Геологи полевых геологоразведочных партий комитета (позднее Геологического управления) нуждались в помощи. И эту помощь они ждали прежде всего от Б.В. Дидковского, который очень хорошо знал геологическое строение Урала, умело координировал и направлял геологоразведочные работы. Так, например, с 30-ми годами связывается открытие по инициативе и, в сущности, под руководством Б.В. Дидковского многих угольных месторождений Урала (например, Коркинского района Челябинского бассейна, Буланшского угленосно-

го района, ряда месторождений Кизеловского бассейна и т.д.). В то время, когда я еще был студентом, мне довелось работать в Коркинском районе. Работы в нем осуществлялись под неослабным руководством Б.В. Дидковского. Когда одна из первых буровых скважин подсекла угольную залежь небывалой мощности, местные геологи стали высказывать различные предположения. Одни говорили, что скважина прошла по «голове» пласта (при крутом падении), иные считали, что она врезалась в тектоническое нарушение, в силу которого угольная залежь оказалась сдвоенной. Б.В. Дидковский немедленно приехал, просмотрел керн скважины, высказал мнение, что здесь угольная залежь может иметь ту мощность, которая вскрыта скважиной, и для подтверждения задал новую скважину на месте двигателя, а двигатель перенес на место пробуренной скважины. Таким образом было доказано, что в Коркинском районе одна из угольных залежей достигает мощности 250 метров. Эта самая высокая мощность, какую мы знаем на угольных месторождениях мира. Коркинский район стал родиной открытой угледобычи.

После окончания института я был направлен для работы в Уральское геологическое управление. Старшего геолога по углям в управлении не оказалось, и мне некоторое время пришлось заниматься углями всего Урала. Вполне естественно, что эта работа для меня, молодого специалиста, была непосильной. И здесь всегда мне помогал Б.В. Дидковский. Если я с горячностью начинал «рубить с плеча», он останавливал меня, если я медлил, то поторапливал. Всегда спокойно, без окрика. В каждое его слово была вложена огромная сила убеждения. Это был учитель и руководитель высокой культуры. Такой стиль может быть у людей больших знаний, опыта, ясности цели.

Бориса Владимировича не стало. Со времени его гибели прошло много времени. С тех пор Урал стал лучше изучен. Он щедрее отдает свои богатства нашей Родине. И в этом — воплощение Б.В. Дидковского.

Я.М. Черноусов,
*заведующий кафедрой геологии и разведки месторождений
полезных ископаемых Свердловского горного института,
доктор геолого-минералогических наук, профессор.*

23 сентября 1964 г.

ГАСО. Ф. Р-1946. Оп. 1. Д. 4. Л. 50-53.

Борис Владимирович Дидковский

Мне привелось с ним работать три с половиной года в бывшем УралГРУ. Помню, весной 1931 года собрал он нас, работников УралГРУ, и рассказал всю важность работы по разведке полезных ископаемых и особенно подчеркнул вопрос о кадрах (ученые, инженеры и геологи), которые будут выполнять все работы. Об отношении к этим кадрам (рабочим, инженерам, ученым, коллекторам, к рабочим буровых вышек) и создании им условий.

Он говорил о заботе, снабжении и финансировании... Об учете всех кадров, а они должны приехать почти со всего Советского Союза (в особенности из Ленинграда и Москвы).

Борис Владимирович был большой талантливый геолог и умный организатор... Когда мы проводили учет и комплектование геологических и разведочных партий, то он по памяти называл район и полезное ископаемое, которое должно быть разведано, и тут же называл геолога (фамилию, имя, отчество), начальника партии, количественный состав партии. Меня поражало, как хорошо он всегда знал всех работников управления от геологов до рядового коллектора и бурового мастера. Здесь же при его непосредственном участии решались вопросы снабжения, оборудования, питания и финансирования каждой партии.

Помню, когда прибывали кадры, а их было столько, что этот дом на ул. Хохрякова, где сейчас находится Геологический музей, был буквально забит людьми... И по утрам, когда мы приходили на работу, мы вынуждены перешагивать через спящих товарищей. Похоже было на подготовку армии геологов, и больших и малых, к мирному бою. И я бы сказал: в то время Б.В. Дидковский был действительно полководцем на мирных полях геологии.

И в течение нескольких дней вся эта армия (вместе со студентами нашего Уральского горного института и техникума) была направлена в Кизел, Губаху, гору Благодать, Магнитогорск, Каменск-Уральский и т.д. Словом, эта армия начала работать с самого Крайнего Севера и кончая югом Урала.

Дело это было весной, и он всех торопил, советовал, помогал, организовывал, говоря, что за лето геолог должен собрать весь материал с тем, чтобы за зиму суметь провести камеральную обработку.

Кроме того, он развернул организацию курсов по подготовке кадров (ускоренным путем): химиков-аналитиков, буровых мастеров, коллекторов из числа молодежи, оканчивающей средние школы. Причем готовили кадры не только в Свердловске, но и на местах: при базах, техникумах и в институте.

Да, действительно Дидковский был и крупным геологом, и организатором, и человеком с большим талантом. Ведь кроме всех этих дел и забот он составлял план текущих разведочных и геологических работ, а также намечал перспективы развития геологоразведочных работ и ясно представлял, в каком направлении и в будущем должны развиваться эти работы, чтобы бесперебойно обеспечить сырьем бурно растущие потребности индустриального Урала.

Себя он не жалел: неизвестно, когда он спал и отдыхал. Он был искренним, преданным делу партии коммунистом-ленинцем.

После проделанной организационной работы он объезжал базы и особенно большие и важные (правительственное задание) партии.

Помню: он взял меня на Челябинскую базу, а потом на машине мы проехали в Каменск-Уральск: проверяли буровые партии на бокситы (теперь УАЗ). Он тщательно проверял геологическую документацию, просматривал керн вынудой породы и руды. В случае ошибок или неточностей в записях буровых журналов или в организации буровых работ рассказывал, исправлял, помогал, кого нужно и учил. Но, кроме геологии, он внимательно знакомился с бытовыми условиями жизни, и, в частности, узнавал, как, нормально ли питаются рабочие и геологи, имеют ли спальные принадлежности, вовремя ли получают зарплату и т.д.

Когда наступала ночь, мы снова (Дидковский, я и начальник базы) отправлялись в следующую партию. И по дороге он шофера заставлял отдыхать, а сам садился за руль.

Такие поездки он делал во все базы и обязательно брал с собой начальника одного из отделов управления. В случае обнаружения недостатков или трудностей он заставлял и на месте, на базе, принимать меры в помощь партии.

Всегда выдержанный, тактичный, простой в обращении с людьми, отзывчивый, сердечный, он принимал без доклада буквально всех и этого требовал и от своих помощников. Он был враг бюрократизму.

Мне хочется отметить умение подбирать нужных для работы людей. Это касалось не только крупных ученых или геологов. Он ценил и уважал работу и небольших рядовых людей, в частности, у него была опытная культурная секретарь-стенографистка. Единственная штатная единица в управлении при таком огромном развороте работ.

Его кабинет был музеем образцов всех полезных ископаемых Урала. Здесь же были собраны геологические карты разных масштабов. Это была большая рабочая комната, в которой были собраны огромные материалы: отчеты, документы по проводимым и проведенным работам.

Проходило лето, кончалась пора жарких геологических работ. Центральные партии, нагруженные материалами и коллекциями, уезжали на камеральную обработку в Ленинград и Москву, их возглавляли ученые «старого времени». Они неохотно делились на Урале, в Свердловске, результатами своих наблюдений, находок и т.д. Учитывая это, Дидковский организовывал полуофициальные совещания, но обязательно в присутствии своего секретаря-стенографистки. Он приглашал всех ученых, геологов, ведущих тему разведки, и в мирной беседе, в разговорах с геологическими картами на стене и столах, с чаем и даже с вином и закуской вызывал их на откровение. В горячем диспуте они высказывали свои суждения и выводы полевых наблюдений и рассказывали, какие материалы увозят с Урала. Все это стенографировалось и таким образом оставались на Урале следы — речи, по которым Б.В. в последующее время проверял, контролировал и требовал конкретных данных результатов полевых работ центральных геологов. Многие потом удивлялись: откуда он мог знать их затаенные мысли... Вот так он получал материал предварительный, который все эти приезжие специалисты-ученые никогда не желали давать. Одновременно он организовывал камеральную обработку в базах и в Свердловске при управлении.

Летом 1932 года (второй год моей работы с Б.В. Дидковским) он меня вызывает и говорит: «Тебе нужно срочно выехать в Кизел, а потом на молочную ферму и проверить, почему рабочим, занятым на бурении и разведке, дают кислое молоко. Нужно выяснить и принять меры, чтобы исправить это. Попутно посмотри кадры и особенно зава (Кобылин!) этой фермы. Он жуликоватый, его придется освободить, а с кадрами поработать, провести учет и наладить добросовестную работу». Вот один из штрихов его заботы о рабочих.

С продуктами было плоховато и особенно в Свердловске. Б.В. организовал через снабженца ловлю рыбы, и все работники УралГРУ стали иметь дополнительное питание. О работниках управления, и о геологах в частности, он заботился как-то особенно тепло, искренне. Нанимал квартиры, построил дом (по Сакко и Ванцетти), посылал на курорты. Беспокоился о семьях своих работников не только в управлении, но в базах и в партиях он был такой же.

Сам же был нетребователен в быту. Одевался очень просто: простой пиджак, косоворотка и ходил и зимой в легком пальто, в ботинках без галош. Я его как-то спросил, почему он так одет, а он ответил, улыбаясь: «Надо закаляться».

Его уважали не только в управлении, но и в горном институте, особенно студенты. Ведь Б.В. успевал бывать у них. Он знал многих из них персонально. Посылал в партию на практику, проявлял к ним особую заботу, давал указания начальникам базы и партии о создании им условий для работы, для роста.

В конце моей работы в УралГРУ он дал список шести студентов, оканчивающих горный институт, и смету, и послал меня с ними в Москву к И.М. Губкину для утверждения. Список и смета были Губкиным утверждены, и шесть человек были направлены в Ленинград для углубления и повышения знаний. Из этого числа Я.М. Черноусов, ныне профессор, доктор геологических наук, который работает сейчас в горном институте.

Это тоже заслуга Б.В., он видел вперед, что нужно для родины, для разведки и использования недр земли, — нужны кадры, и он их готовил умело, отбирая нужных и способных для дела людей.

В.А. Покровский,

29 августа 1964 г., г. Свердловск.

ГАСО. Ф. Р-1946. Оп. 1. Д. 4. Л. 38-47

Стол находок

«Красный туземец»

(Из истории местной печати)

Находка начальника отдела информации Государственного архива общественных и политических объединений Тюменской области Майи Андреевны Смирновой была неслучайной. В то время несколько районов отмечали 80-летие со дня образования, среди них и Сургутский.

— Руководителям районных администраций, — рассказывает Майя Андреевна, — мы разослали письма с сообщениями о том, какими документами располагает архив. Я внимательно изучила фонд Сургутского райкома партии и обнаружила в нем 12 номеров неизвестной нам ранее газеты. Издавалась она в Сургуте с 13 марта 1933 года под названием «Вырты кантыко», что с хантыйского переводится как «Красный туземец».

Газета писалась от руки печатными буквами — грамотно, четко, красиво — и размножалась на стеклографе*. Заметки написаны хорошим языком, доступно и понятно, не грешат длиннотами. Стиль подкупает искренностью. Видно, что делали «Вырты кантыко» люди, знавшие толк в газетном деле.

Очень интересно газета иллюстрирована. Рисунки выполнены профессионально, но изображают не столько сельскую жизнь, сколько городскую. Если идет речь о демонстрации, то колонка на рисунке шагает не по узкой улочке с деревянными домами, а среди многоэтажных домов, над которыми высятся башенные краны. Подобные иллюстрации встречаются в разных номерах газеты. Возможно, они выполнялись и не в Сургуте, а в каком-нибудь городе. Но постепенно прорисовывается и сельская жизнь. Ведь Сургут был тогда именно селом. Художнику,

* Стеклограф — прибор для печатания, состоящий из смачиваемого светочувствительной жидкостью стекла, на котором делают оттиски с оригиналов.

видимо, постепенно становилась более понятной жизнь местного населения, и если речь в газете шла о рыбаках, «ловцах», как написано в газете, то текст сопровождал изображение лодки, на дне которой трепетала только что добытая рыба, и «ловец» держал большого осетра.

Знакомство с «Вырты кантыко» заставило меня задуматься о значении наших газет, о том, как много они могут донести до следующих поколений. Вот как обозначены некоторые из тем в заголовках: «Большевистской готовностью встретим путину!», «Ударная борьба за рыбу — борьба за социализм», «За лучшие образцы подготовки к первой весне второй пятилетки», «Наша задача — сделать всех колхозников зажиточными», «Дадим Большому Уралу лес».

Наступил рыболовный сезон. Как раскрывается эта тема? «Бороться за рыбу надо так, как борется бригада Тетюцкого», — утверждает газета. Бригада объявила себя ударной, определила план на каждый день, на каждого рыбака, взяла «на буксир» бригаду коммуниста Бычкова. 11 октября «в течение пятичасового героического лова» бригада добилась перевыполнения суточного плана, выловила по 33 килограмма рыбы вместо 30 на каждого ловца. Наряду с ударниками в коллективе были и не очень добросовестные работники, например, комсомолец Тренин, который вместо образцовой работы «играл в прятки», под разными предлогами не выезжал на промысел. «Исключить из комсомола этого дезорганизатора и лентяя», — предлагает газета. Нерадивому Тренину газета противопоставляет туземца Каркатеева, семидесятилетнего старика, заключившего договор на добычу двух тонн рыбы и выполнившего его на 107 процентов.

По газете видно, что перед Сургутским районом ставилась задача отказаться от ввоза овощей. Выращиванием овощей занимались переселенцы, имевшие земледельческий опыт. Было распахано более пяти гектаров земли. В проведении этой кампании важное значение придавалось школам, при каждой из них создавались овощные участки. Ход полевых работ регулярно освещался, в газете была заведена сельскохозяйственная колонка, в которой настойчиво подчеркивалась политическая значимость темы.

В это время в районе уже действовали колхозы. Дело новое, многое в нем было непонятно, и газета давала советы, например, о страховании колхозной собственности.

Еще один момент, который обращает на себя внимание. Вышло постановление Совнаркома об оказании помощи семьям, не имевшим коров, и в одной из заметок сообщалось, что ударнице Бычковой выделили телочку. Тут же был помещен рисунок, на котором новоиспеченная хозяйка поила телочку водой.

Не остался без внимания газеты и призыв в Красную армию. Неграмотных и малограмотных не призывали, и, чтобы подготовить их к службе, создавали пункты по ликвидации неграмотности. В газете рассказывалось о работе таких пунктов и об оздоровлении будущих призывников.

После чтения газеты жизнь Сургута предстала передо мной широко и емко. Думаю, что и сургутянам 30-х годов, которые ее читали, интересно было узнавать о себе, о товарищах, о стране. Потребность в газете росла, это видно из того, что тираж увеличивался и дошел до 400 экземпляров. В 1934 году вместо «Вырты кантыко» в Сургуте начала выходить газета «Организатор», которая печаталась уже типографским способом.

Записала *Любовь Луцкай*

Источник

Кондо-Сосвинский заповедник

Для характеристики недостаточности практикуемых ныне мер по охране диких животных от истребления и в связи с этим общим упадком промыслов лесной зоны Тобольского округа необходимо привести ряд статистических данных.

Точных статистических материалов до 1924 года не имеется, а материалы дореволюционного периода явно неверны. Сводка заготовки пушнины за 1926/27 гг. для нас нехарактерна из-за отсутствия данных о соболе в связи с прекращением его заготовки. Поэтому мы, главным образом, остановимся на материалах, относящихся к периоду его промыслов, т.е. на данных 1924/25 и 1925/26 годов.

Ассортимент пушнины	Количество	1924/25		Количество	1925/26 г.		1924/25 по ценам 25/26 г. в тыс. руб.
		средн. заготовит. цена в руб.	сумма в тыс. руб.		средн. заготовит. цена в руб.	сумма в тыс. руб.	
Белка	984,400	0,82	807,3	605,634	1,02	618,2	1004,1
Песец	9,061	26,20	237,4	17,194	25,1	432,0	311,7
Лисица	2,306	15,50	25,7	3,370	20,7	69,9	47,7
Соболь	1,622	33,30	54,0	1,334	39,4	52,7	64,0
Горностай	17,663	2,01	35,5	15,448	2,58	40,0	45,6
Колонок	9,520	3,00	28,5	14,732	3,56	52,6	33,8
Прочих*	—	—	25,3	—	—	52,9	35,5
Всего	—	—	1213,7	—	—	1318,3	1542,4

* В прочей пушнине учтены: выдра, заяц, барсук, волк, кидус, куница, ласка, медведь, росомаха, рысь.

Оценка относительно значения отдельных пород зверя в общем ассортименте тобольской пушнины видна из таблицы № 2 по ценам заготовок 1925/26 года.

Таблица 2

Ассортимент пушнины	Средн. товар. выход 1924/25 и 1925/26 гг., кол.	Средн. загот. цена в 1925/26 году, руб.	Сумма, тыс. руб.	Удельный вес в %	Примеч.
Белка	795,000	1,02	811,6	56,7	
Песец	13,128	28,02	371,9	26,0	
Лисица	2,838	20,7	58,8	4,1	
Соболь	1,478	39,4	58,4	4,1	
Горностай	16,555	2,58	42,8	3,0	
Колонок	12,126	3,55	43,2	3,0	
Прочие	—	—	44,2	3,1	
Всего			1430,9	100%	

Из этих таблиц видно значение лесоболотной зоны для Тобольского округа, давшей до 70% всей вышедшей пушнины. Тундровая зона дала $\frac{1}{4}$ стоимости. Лесостепная зона имеет весьма малое значение, правда, возросшее в 1926/27 г. в связи с исключительным размножением водяной крысы, совпадавшим с заготовкой ее шкурки пушнозаготовителями. В 1926/27 г. крысы принято на 77780 руб., а по самым последним данным за весь период приемки, т.е. до весны текущего года — почти на 600 тысяч руб., из которых 40% падает на лесостепную зону. Но явление это перманентное.

Эти же таблицы указывают на увеличение цен на пушнину за год на 27% в общем, отчего увеличилась общая сумма заготовок на 8,6%, в то время как количественно промысел понизился на 14,5%. Промысел белки сократился на 38%, и все попытки объяснить это явление ее откочевкой в соседние районы не увенчались успехом. В 1926/27 году белки заготовлено только 257,854 штуки, т.е. промысел ее сел еще на 57,5% и, несмотря на небывалый выход песка, давшего 144% прошлогоднего, и увеличение заготовок за счет крысы и др. видов пушнины на 144,1 тыс. руб., общая сумма заготовок уменьшилась на 13,1%. Уменьшилась количественно заготовка горностая, колонка и лисицы. Промысел соболя и приемка его шкурок в 1926/27 в пределах Тобольского округа были воспрещены, иначе мы с цифрами в руках были бы свидетелями полного его краха.

Здесь будет уместным привести историческую документальную выдержку из работы Л.Р. Шульца «Очерк Кондинского края»: «В 1586 г. государь наложил ясаку на Сибирское царство и на Конду Большую, и на Конду Меньшую, и на Пелымское государство, и на реку Туру, и на Иртыш, и на Ирғизское государство, и на Обь великую, и на все городки на

Обские 200000 соболей, 10000 лисиц черных и 50000 белок». К сожалению, нельзя установить, какой процент ясака падал на пределы нынешнего Тобольского округа, но несомненно одно, что падал он на лесоболотную зону, и центр тяжести его ложился на соболя. По данным же, приведенным проф. М. Завадовским в его статье «Проблема соболя» (№ 4 «Пушное дело» 1928 г.), в довоенное время выбивалось ежегодно по всей империи до 80000 соболей. Очевидно, что в довоенное время вся империя давала в 2,5 раза меньше соболя, чем 325 лет тому назад $\frac{1}{7}$ или $\frac{1}{8}$ часть общей территории его распространения. По тем же данным от Наркомторга, общий выход соболя в послевоенное время падает весьма значительно: 23/24 г. — 18794 шт., 24/25 г. — 20342 шт., 25/26 г. — 12474 шт., 26/27 г. — 11118 шт. В Сургутском районе Тобольского округа соболь исчез еще в довоенное время. Такая же участь постигла его и на р. Демьянке, и лишь в количестве нескольких экземпляров он уцелел до наших дней на р. Туртасе, правом притоке р. Иртыша. Можно считать, что по правую сторону р. Иртыша и дальше на север по р. Оби соболя нет. И все-таки в 1925/26 году Тобольский округ дал 10,6% общего количества выхода собольих шкурок. Как дал — об этом изложено в соответствующем месте, как равно освещены причины упадка всяких промыслов. Часть этих причин возможна к устранению, как, например: наплыв сезонных промышленников, чем уменьшается чрезмерная эксплуатационная нагрузка охотугодий; уменьшение количества отбоя пушного зверя за счет приемки пушно-заготовителями только полнозрелых видов пушнины; упорядочение производства промыслов путем сдачи в аренду охотугодий и т.д. Часть причин возможна к частичному устранению: своевременность производства всяких промыслов; прекращение массового производства промысла; замена части ловушек более рентабельным способом, т.е. снабжение промыслового населения лучшим охоторужием и др. Но есть причины, устранение которых совершенно невозможно. К числу последних надо отнести: увеличение части промышленников за счет прироста населения, колонизирующего край, и как следствие — уничтожение лесов, т.е. сокращение площади охотугодий; лесные пожары от самовозгораний (трение деревьев) и молнии, а также (по крайней мере, в ближайшее время) применение таких ловушек тузнаселением, кои огнестрельным оружием заменены быть не могут, но без которых существовать в северных условиях невозможно до коренного изменения эконо-

мического положения: лосиные и олени огороды, пленки и др. Причины и следствия тесно сплетены между собой, но одни и те же причины при разных условиях рождают и разные последствия, и, наоборот, данное явление бывает следствием разных причин. В таком округе, как Тобольский, имеющем до 1000000 кв. километров территории, расположенной между 57° и 72°54' сев. широты, малозаселенной 7 национальностями (русские, татары, остяки, самоеды, вогулы, зыряне и тунгусы) в количестве до 175000 душ, с пестротой и разнообразием форм и методов хозяйства — от трактора до северного оленя — не может быть иначе.

Общим же итогом является несомненное исчезновение наиболее ценных пород зверя. До тех пор, пока не будут изучены детально и причины, и следствия, до тех пор нельзя построить стройной системы настоящего, наиболее рентабельного охотничьего хозяйства всего округа как вполне целой единицы. Но пока, в зависимости от реальных возможностей, необходимо на наиболее опасных местах этого фронта народного хозяйства создавать укрепленные участки. Одним из таких участков, имеющим республиканское значение, должен явиться Государственный заповедник на кондо-сосвинском водоразделе.

Как уже выше указывалось, лесная зона в Тобольском округе дает до 70% всей продукции пушнины. Эта продукция является исключительно следствием производства промыслов дикого зверя, так как в настоящее время «кортмное» докармливание лисьего молодняка для умерщвления по достижении пушной зрелости, практиковавшееся в больших размерах до 1926 года, воспрещено. Единственная лисья ферма гр-на И.В. Малмина на р. Конде в счет не идет, так как, находясь в периоде укрепления, продукции не дает, да и в ближайшее время будет давать только живой племенной материал. Естественно поэтому, что наше внимание в первую очередь заострено именно на лесоболотной зоне. По количеству и разнообразию пород зверя и ценности их наилучшими угожьями этой зоны с исстари считаются угожья, лежащие по верховьям рек Конды и Малой Сосвы. Этот район до самого последнего времени служил рассадником всякого зверя, и особенно соболя, имея большое значение в пушной продукции округа и еще большее в экономике проживающего на его периферии тузнаселения. С окончательным истощением прииртышных и обских районов сюда стали концентрироваться лучшие и более сильные промышленники всего округа и приез-

жие извне, грозя уже поголовным уничтожением бобра и соболя. Надо было решительно, без промедления, оградить этот район от непомерной эксплуатации, что и было выполнено в 1927 году путем сдачи в аренду местному тузнаселению не только этого района, но и прилежащих к нему площадей, долженствующих играть пока роль буферов.

Прямого задания при производстве обследования 1926/27 года для целей учреждения заповедника получено не было. Положение об учреждении заповедника как неизбежное встало само по себе еще в процессе производства обследования, и на первом же отчетном докладе перед Тобольской окружной плановой комиссией было единогласно принято. В дальнейшем этот вопрос получил очень быстрое движение по инстанциям вверх, каждый раз утверждаясь. Актуальность организации и учреждения заповедника признали Тобокрисполком, Уралобл-исполком, Управление лесами Н.К.З. и Госкомитет по охране природы (19.06.27 г.) и потому дообследование верховий реки Конды 27/28 года уже предусматривало выявление соответствующих материалов.

Эта форма охотничьего хозяйства исчерпывающе разработана Д.К. Соловьевым в специальном труде по отчету Саянской экспедиции, и нам приходится только воспользоваться его материалами на практике, взяв из них наиболее подходящие по условиям здешнего края с соответствующими изменениям и добавлениями.

I

Основные положения об охотничьих заповедниках должны и здесь лечь в основу в отличие от заповедников общих и абсолютных. Но предполагается, что в дальнейшем одной из серьезных работ заповедника станет поставка соответствующим учреждениям и организациям как диких, так и одомашненных видов животных, выращенных на его территории. В данном случае имеется в виду более рентабельный способ использования части излишков бобрового, собольего и выдрового приростов, могущих скопляться в заповеднике в количествах больших, чем это требуется биологическими процессами. Приводимые ниже материалы подтверждают полную реальность выдвигаемого положения. Также допустимо в дальнейшем на территории заповедника развитие и лесного хозяйства в целях улучшения обитания животного мира. Следовательно, к учреждаемому Кондо-Сосвинскому промыслово-охотничьему заповеднику должны быть предъявлены следующие требования:

1. Заповедник должен оградить от исчезновения и сохранения по- томству исчезающие виды животных в естественной обстановке, т.е. должен явиться культурным «памятником природы».

2. Заповедник должен питать окружающую его периферию запове- данными в нем видами животных для целей эксплуатации до тех пор, пока сама эта периферия допускает их пребывание на своей территории.

3. Заповедник должен питать окружающую его периферию в боль- шем количестве теми видами заповеданных в нем животных, кои име- ют большую ценность.

Кроме этих основных требований организация заповедника должна способствовать и предусматривать совершенно необходимое производ- ство работ по:

1. Изучению флоры и фауны края.

2. Изучению биологии животных и птиц в состоянии свободы и неволи.

3. Систематические работы по одомашниванию соболей и бобров для целей получения приплода в условиях примитивного содержания.

4. Метеорологические и фенологические наблюдения.

5. Выделение и учреждение охотэксплуатационных участков на при- лежащей к заповеднику периферии с наблюдением за правильным ве- дением на них промыслов.

6. Организация и создание питомника чистокровной вогульской лайки для целей получения лучших по качеству промысловых собак.

7. Представлять из себя культурно-агитационную базу охотхозяй- ства для туземного населения.

8. Являться источником просвещения в этом глухом краю для под- растающего поколения нацменства.

Данный комплекс требований будет пополняться работами, необхо- димость к производству которых несомненна, например, геологически- ми, гидрологическими и др. Программа научных работ, конечно, не мо- жет быть выполнена силами штата заповедника, и здесь надо иметь в виду коллективную работу квалифицированных научных работников путем специальных командировок в заповедник.

Большая часть выдвинутых требований очевидна сама по себе и не нуждается в комментариях. Единственное, пожалуй, возражение может встретить организация питомника чистокровной вогульской лайки.

На первый взгляд, нет ничего общего между заповедником на промысловых животных и питомником промысловых собак. Но как это ни парадоксально, практика доказывает, что как хорошее ружье в руках промышленника в некоторых случаях исключит надобность пользования ловушкой, так и настоящая промысловая собака исключит в большинстве целую серию ловушек. Например, в собольих районах раньше промышленник, не имеющий хорошей собаки, вынужден был в силу необходимости прибегать (кроме случаев обогащения) к помыслу соболя кулемкой по углублению снегов и капканами на сбежках во время течки. Хорошая лосиная собака, идущая за «душным» лосем осенью, исключает надобность устройства огородов. То же можно сказать и по отношению к выдре, горностаю и т.д. Вогулы и остяки, имеющие хороших лосино-собольих собак, всегда экономически крепче остальных. Штату заповедника легче будет достать приплод от выдающихся по полевым качествам чистокровных экземпляров собак и на месте путем натаски и отсортировки вывести породу действительно ценных. О рентабельности от своевременного производства промыслов с собаками, с точки зрения охотхозяйства, говорить не приходится.

Пункт 8 также может вызвать некоторое недоумение. Но я лично на основании моей совместной жизни среди самой толщи остяков на р. Демьянке в течение пяти лет и дальнейшего соприкосновения с остяками и вогулами осенью 1926 и 1927 годов со всей категоричностью утверждаю, что умелое влияние на туземное население порождает в нем не простое любопытство, как склонны утверждать многие авторы, бывающие в их среде наездами, а подлинную любознательность, граничащую с желанием научиться. Это одно. Ограничить учреждение заповедника в таком, поистине диком, углу простым отводом охотугодий с насаждением охраны на них для устрашающего эффекта было бы действительно не додуманным. Это другое.

Я абсолютно не согласен с точкой зрения, изложенной В.И. Белосовым на 60 странице его хорошей работы «Опыт обследования соболяного промысла», где говорится: «Так как Матвеевская парма (отстоящая на запад на 200 км от проектируемого заповедника. — В.В.) очень дикое и глухое место, то страже не только придется сохранять заповедник, но, наверное, придется защищать с оружием в руках свою жизнь и имущество от посягательств местных инородцев и бродяг, живущих в

изобилии в том краю» — и там же дальше: «Кордон, барак и все прочие хозяйственные постройки (баня, конюшни, погреб и т.п.) в защиту от хищных зверей и от недобрых людей лучше всего будет обнести высоким (3–4 саж.) палисадом из толстых бревен. Иначе страже будет трудно бороться за свое благополучие с окружающей средой». Организация заповедника с таким подходом не выдерживала бы никакой критики. Никакие «палисады» при случае не в состоянии уберечь штат заповедника от мстительной пули. Но мстить может человек только озлобленный за что-нибудь. И вот этого озлобления в самый острый момент при учреждении заповедника, т.е. в момент отчуждения промысловых угодий под заповедник, надо уметь избежать. Дальнейшим внимательным отношением ко всем вместе и к каждому в отдельности с постоянным желанием помочь и действительной помощью надо сгладить шероховатость совершившегося факта. Гостеприимство, помощь в нужде, иногда пустяком, лечение, консультация по всевозможным вопросам, защита прав туземцев при постоянных насилиях со стороны русских, при взаимоотношениях — платформа равного с равным и сообщение возможно большего количества разнообразных сведений, с исходной точкой близкого и повседневного, создадут вокруг заповедника и его работ атмосферу симпатии. Когда будет достигнуто дружеское взаимоотношение и заинтересованность работами и целями заповедника, начнется определенная тяга к нему. С этого периода на тузнаселение можно рассчитывать как на союзников и приступить к конкретным целям воспитательного значения. Конечно, возможность эксцессов, как и везде, не исключена, и для охраны заповедника, главным образом, от пришлых сезонных промышленников — русских, растлевающее влияние которых в производстве промыслов на тузнаселение, несомненно, сказывается, учреждение института стражи необходимо. С этой группой русских промышленников 1–2 столкновения неизбежны и притом в самой острой форме.

II

В район границ Кондо-Сосвинского заповедника должны отойти охотпромысловые угодья, лежащие у западной границы округа, между верховьями рек М. Сосвы и Конды, в пределах 61°–62° с.ш. и 32,5° в.д. от Пулкова. Площадь, занимаемая этими угодьями, делится административной границей Березовского и Кондинского районов, почти параллельно 61 градусу с.ш., на две неравные части, на которых большая относится к

району Березовскому. С учреждением заповедника административную границу нужно будет перенести с таким расчетом, чтобы вся площадь заповедника входила в состав какого-либо одного района — удобнее Кондинского. Граница лесничества шла по административной и в зависимости от этого большая — северная — часть лесов числилась за Березовским лесничеством и южная — за Демьянским, отстоя от первого примерно в 700 и от второго в 1000–1200 километрах водного лодочного пути. Естественно поэтому, что район водораздела до сих пор избежал посещения обследователей. Известный исследователь Тобольского округа А.А. Дунин-Горкавич (ныне покойный) был зимой проездом на оленях в юртах Тунзинкуртских на р. М. Сосве со стороны Березова, но вглубь не поехал. Ныне здравствующий доктор Э.М. Сенкевич, при его работах в этом крае, был в самых северных юртах в то время (1905–1907 гг.) со стороны р. Конды — Немнельских. Путешественник К.Д. Носилов, пройдя пешком в летнее время из юрт Орунтурских вверх по р. Конде до устья р. Лемья (в 40 километров), спустился вниз по течению. Иностранцы-лингвисты, о которых упоминает Б.Н. Городков в своей работе «Река Конда» (издание Географ. отдела И.О.Л.Е.А. и Э. 1912 г., кн. III и IV «Землеведение»), Папай, Альквист, Мункачи, Карьялайнен, насколько удалось выяснить из расспросов старожилов, в этом районе не были, как не были и наши научные работники, посетившие р. Конду в последнее время, Городков, Шульц, Теплоухов и др.

Леса этого района числились дачами V разряда и фактически перешли в казну с населявшими их вогулами и остяками еще в XVI веке. Накладывавшийся ясак с конца XVI века или часть его можно рассматривать и как налог за право пользования промысловыми угодьями. Правовое ограждение интересов тузнаселения в законодательном порядке надо отнести к началу XIX века, когда был издан «устав об инородцах»; устав, между прочим, признавал за «инородцами» право пользования занимаемыми ими землями и запрещал русским селиться среди них; это ограничение имело силу вплоть до революции, и все русские, проживающие в прикондинских селениях, могли это делать только с согласия и разрешения инородцев, уплачивая им за это арендную плату (Л.Р. Шульц «Очерк Кондинского края», сборник «Уральский север», выпуск 8).

Среди тузнаселения площадь водораздела на $\frac{3}{4}$ в ее северной части с исстари числилась за малососвинскими остяками и использовалась ими

на правах «вотчинного права», переходя из рода в род. По вотчинам проложены промысловые тропы с построенными на них промысловыми избушками. Кондинские вогулы имели вхождение в пределы водораздела с южной и юго-западной его части на $\frac{1}{4}$, и в пользовании угодий между ними и остяками разногласий не встречалось. Тапсуйские вогулы на промысловых угодьях — элемент новый, появившийся с западной стороны в связи с вымиранием кондинских вогулов и малососьвинских остяков. Лет 30 тому назад заброшенные и малопосещаемые вотчины этой части водораздела вогулы Дунаевы, проживающие ныне на р. Тапсуе, захватили силой, убив на промыслах наследника их, остяка Алексева. Будучи в Березове, за взятки, судом оправданы, они грозились такой же расправой остальным остякам, и последние этот угол совсем забросили. В настоящее время, имея возможность быстро и легко передвигаться по угодьям на оленях, они фактически охватили своей эксплуатацией весь район водораздела, построив в разных местах свои промысловые избушки.

Границы заповедника должны проходить по следующим речкам и угодьям: с севера с истоков реки М. Сосвы вниз по ее течению до устья правого притока речки Ем-еган, с востока — от устья р. Ем-еган вверх по течению до устья его правого притока Тург и дальше вверх по нему до истока и через водораздельное болото на вершину р. Конды (остяцкое Хантанта); с юга — вниз по течению р. Конды до устья правого притока речки Есса (он же Немелка); с запада от устья р. Есс вверх по течению до устья его правого притока Него-сапр-ега и по последнему вверх по течению до вершины и с нее через водораздельное болото между правыми притоками р. М. Сосвы и правыми же притоками Б. Сосвы на вершину реки М. Сосвы. Таким образом, изображая графически границы прямыми линиями, будем иметь протяжением: северную границу до 70 километров, восточную — до 80, южную — до 100 и западную — до 110. Всего протяжение границы до 360 километров. В натуре, благодаря тому, что почти все границы идут вдоль речек, а эти последние чрезвычайно извилисты, протяжение границ будет в $2\frac{1}{2}$ –3 раза больше. Площадь, заключенная в указанные границы, беря округло, равна 8000 кв. километрам, или 800000 гектарам. По форме площадь водораздела напоминает два почти равнобедренных треугольника, сложенных одинаковыми основаниями, на которых один имеет большую высоту. Острый угол этой фигуры приходится на устье р. Есс, противоположный на

устье р. Ем-еган. В летнее время болота водораздела для продвижения на лошадях непригодны. На оленях же, запряженных в нарты, тапсуйские вогулы ездят по трем направлениям.

Площадь проектируемого заповедника представляет из себя участок Западно-Сибирской низменности, причем северо-западный район этого заповедника имеет уклон на юго-восток и юго-восточный на юго-запад. В северной ее части проходит материк, имеющий в начале направление с запада на восток, но у р. М. Сосвы разбивающийся на отроги, идущие в разные стороны. Более крупные высокие увалы отворачивают на юг к развилке истоков р. Конды и ее правому притоку р. Нюруху. В дальнейшем направлении эти увалы сливаются с обским материком так называемой Полуденной горой через вершину рек Супры и Мулымьи, впадающей в р. Конду значительно ниже. Материк входит в район водораздела со стороны Урала, придерживаясь левого берега реки Тапсуя. Отдельные высокие холмы и узкие гривы, местами прерывающиеся, можно встретить иногда на несколько десятков километров вдоль большинства речек. Наиболее высокие увалы, из виденных нами, под остяцким названием Тунгуеш, достигают высоты 40–50 метров и находятся в начале луки р. М. Сосвы, в том месте, где она круто поворачивает на север и выше этого места под названием Теускорт, где лет 30–40 назад были расположены вымершие остяцкие юрты того же названия. Значительной высоты достигают увалы, идущие и вдоль истоков р. Конды по ее левой стороне.

С района водораздела берут начало 9 речек, впадающих в р. Сосву с ее правой стороны, под названием (по порядку сверху вниз: 1) сама М. Сосва, 2) Акрыш-еган, 3) Татыпандын-еган, 4) Порх-еган, 5) Тать-еган, 6) Потлох-еган, 7) Негасапр-еган, 8) Онжас и 9) Ем-еган, и речек, впадающих в р. Конду тоже с правой стороны, под названием: 1) сама р. Конда, 2) Ай-еган, 3) Монон-еган, 4) Пурдан, 5) Нюрух, 6) Ух и 7) Есс.

Все эти речки, впитывая, в свою очередь, бесконечное количество ручьев и притоков, покрывают густой сетью всю площадь проектируемого заповедника. Большинство речек этого района не подвержено порче воды, обычной для Обского бассейна, что очень важно для обитания по ним бобра.

Из озер, виденных нами, можно отметить два, лежащих на вершине р. Есса, Усть-тор и Есс-тор, являющихся ее истоками. Озера небольшие, продолговатой формы, площадью от 1,5 до 4 кв. километров. Есть озеро на вершине р. М. Сосвы — Ем-тор (Святое озеро), на вершине р. Конды —

Хонтанта-тор и на вершине речки Ньюрух. Водораздельная граница между истоками притоков р. Конды и р. М. Сосвы проходит преимущественно по топким болотам и открытым лывам и затем по болотам ряновым, заросшим низкорослой сосной. Местами она пересекает мокрые чистокедровые, иногда с подмесью ели и лиственницы, глухие, никогда не тронутые огнем острова. Через такие острова подчас невозможно пройти на лыжах и в глубокий снег, так она завалена огромными стволами отмерших великанов. Встречаются еще и сейчас на корню по 110–120 сантиметров в диаметре. Остяки М.А. Маремьянин (юрты Хангакуртские) и С.Р. Марцинов (юрты Нагакуртские) уверяли меня, что есть кедровое болото (нюрм) около речки Ем-еган, на котором растут кедры (ногорьюх) и лиственницы (нанг) толщиной в 3–3,5 обхвата, т.е., судя по росту Маремьянина, до 5 метров в окружности, или до 160 сантиметров в диаметре. Характеристика лесных массивов, с точки зрения кормовых возможностей для охотхозяйства, самая благоприятная. Кедр, ель, сосна, лиственница, береза и осина, служащие, прямо или косвенно, кормом обитающим представителям фауны, произрастают здесь в достаточном количестве, группируясь в зависимости от почвенных условий. Северо-восточная часть проектируемого заповедника несколько отлична от юго-западной. По притокам р. М. Сосвы, у самого уреза воды, в большинстве растет смешанный лес в пропорции: береза 5–6, ель 2–2, кедр 2–1 и кустарники (тал) 1–1, иногда переходящий в чистый березняк или ельник. Осина в этом районе вообще отсутствует и свойственна притокам кондинским. Вдоль бровок притоков идут еловые гривы с подмесью кедра и лиственницы. Иногда такие гривы переходят в массивы со внутренними болотами. Местами встречаются чистые, исключительно густые ельники, возможно с запасом до 50–60 кубов. В таких местах собаки бросают преследование соболя. Сосновые бора в большинстве беломошнные, редки и группируются на песчаных холмах и гривах. Ягодных боров очень мало. Площадь бассейна р. М. Сосвы покрыта на 40–50% болотами с присущей им сосной, 30–40%; чернолесьем, остальные 20% падают на боровой сосняк, редкую пихту и березу с кустарниковыми. Гарей в этом углу меньше, чем в юго-западном, так как там тапсуйские вогулы и русские кондинцы с целью привлечения в подросты лосей и оленьей леса выжигают умышленно. Да и для целей оленеводческих, как и для брусничников, ниже по р. Конде этот способ практикуется. В южной и юго-западных частях бассейна р. Конды болот значительно больше и здесь

процент их достигает 60. На гари падает процентов 10, на урманы — 10 и на сосновые бора и лиственные породы — 30. Отсюда вполне понятно, почему вблизи поймы р. Конды гораздо меньше соболя, чем по вершинам ее притоков и на сосвинской стороне. На зато здесь гораздо больше держится оленей. Учению «шиманистов», к которым относятся и вогулы, и остяки, мы обязаны существованием бобра, а может быть, и соболя, до наших дней. По этому учению лучшие в настоящее время лесные насаждения сохранились в ем-тахе (святое место). Ем-тахе учреждены в глубокой древности и являются собственными промысловыми угодьями шайтана. Вход в район ем-тахе для каких бы то ни было целей, кроме религиозных, воспрещался. Ем-тахе расположены в трех пунктах водораздела: 1) на вершине р. М. Сосвы площадью до 26000 гектаров, в северо-западном углу проектируемого заповедника; 2) в центре водораздела на речке Наг, до 16000 гектаров, и 3) по правому притоку р. М. Сосвы Ем-егану (святой речке), до 49000 гектаров, в северо-восточном углу проектируемого заповедника. По преданию и верованию остяков, угодьями Ем-тахе можно будет пользоваться только тогда, когда наступит повсеместное исчезновение рыбы, птицы и зверя и когда люди начнут умирать от голода. Продукты промыслов с этих угодий должны идти только на личное потребление — продавать ничего нельзя (А. Маремьянин, С. Марцинов). Такое воззрение также, как нельзя лучше, импонирует целям охотхозяйства.

Район проектируемого заповедника, как мы уже упоминали, пересечен системой промысловых тесов (остяцкое — юш, вогульское — яча). Остяцкие юши имеют, в основном, направление с севера на юг. Вне восточной границы остается первый тес под названием Уляен-юш, идущий от юрт Хангакуртских на р. М. Сосве по направлению вершины р. Мулымьи. Второй тес, Ханганта-юш, идет от тех же юрт, но через р. М. Сосву с западной стороны святого места, имея направление на вершину р. Конды. Третий тес, Вай-юш, идет с высокой горы на р. М. Сосве — Теускурт (вымершие юрты) на вершину р. Вай, Пудан и Хаш с выходом на р. Конду. Четвертый тес, Нюрух-юш, берет начало там же, где и третий, и идет через вершину р. Нюрух с переходом через р. Конду на левый берег километров на 5–10. Пятый тес, Ух-юш, идет из юрт Ханлазинских на вершину р. Ух и, дойдя до р. Нюрух, кончается. Шестой тес, Усть-юш, идет из юрт Емункуртских на озеро Усть-тор. Вогульских два теса, пересекающие, в основном, проектируемый заповедник с запада на восток, берут начало от Верхнетапсуйс-

ких юрт и в 15–18 километрах от них к востоку расходятся. Более северный тес идет через озеро Усть-тор и вершины речек Него-сапр-еган и Большой Онжас на Нюрух-юш. Южный тес, самый длинный на водоразделе, пересекает последовательно речки Б. Леплю, Есс и Б. и М. Вай, вершину Ух, Канан, Нюрух, Наг, Пурдан и выходит к вершине р. М. Конды. Оба эти теса имеют внутри угодий много ответвлений. Со стороны р. Конды в район проектируемого заповедника войдет только один, ныне заброшенный, тес Кана-яча. Свое начало он берет от юрт Орунтурских и, пересекая р. Конду у устья р. Нюрух, выходит к устью р. Канан. Со стороны р. Мулымьи также есть тес русских промышленников, но он на площади водораздела переходит на остяцкий тес Хантанга-юш. На всех тесах имеются промысловые избушки, останавливаясь в которых, промышленники выходят на ежедневные промысла. Все тесы непригодны для продвижения на лошадях. По своим тесам вогулы ездят на оленях. По остяцким тесам попасть и на оленях нельзя. Кроме тесов, северо-западную часть района водораздела пересекает гужевая дорога, учрежденная несколько лет тому назад для вывозки мороженой рыбы с р. Оби из Чемашево-Шеркальского района на Никито-Ивдель. Дорога эта функционирует не каждый год, в зависимости от промыслов, и только три зимних месяца — декабрь, январь и февраль. Будучи транзитной, существенной роли в организации заповедника сыграть не может. Входит она в проектируемый заповедник у устья р. Татьеган на М. Сосве, где имеется зимовка, и дальше выходит на северный вогульский тес, идущий через Усть-тор. Кроме этой дороги была попытка проложить новую с указанной зимовки на юрты Орунтурские с выходом на с. Шаим, но ввиду слишком большого протяжения по глухим местам ее так и не установили.

К промысловой фауне заповедника надо отнести бобра, соболя, лося, оленя, выдру, лисицу, зайца, горностая, белку, росомаху, рысь, медведя, волка и бурундука. Из птиц: глухаря, тетерева, рябчика, куропатку и уток разных пород. Из рыб: карася, щуку, язя, окуня, плотву, ельца, налима и ерша. Таймень, обычный для низовья р. Тапсуя и Ворьи, очень редко заходит по р. М. Сосве. По р. Конде его нет совершенно. Хариус, встречающийся в горных притоках Б. Сосвы, здесь также отсутствует, хотя остяки сообщали о какой-то рыбе, водящейся в некоторых речках притока Оби Нянын-еган, по описанию подходящей к нему, называя ее «тохтенгут», видеть же ее не пришлось. Нельма и осетровые сюда не заходят.

Бобер водится на площади проектируемого заповедника по 16 речкам р. М. Сосвы и 18 — р. Конды, т.е. на 34 речках. Всего же обитание его установлено на 45 речках, т.е. еще на 11, не включаемых в площадь заповедника. Последнего сделать нельзя, так как совершенно пришлось бы лишить, главным образом, остояков их промысловых угодий. Факт наличия бобров в наши дни по левым притокам р. М. Сосвы, протекающим в непосредственной близости между шестью населенными остоячками пунктами, подтверждаемый отсутствием специальных промыслов на них у остояков, может служить известной гарантией и в дальнейшем. Этого нельзя сказать о левых пяти притоках р. Конды, хотя там единичные экземпляры бобров и уцелели, что надо отнести за счет дальности расстояния и неудобства производства промыслов. Промысел же бобров со стороны р. Конды и вогулами, и русскими и со стороны р. Тапсуя вогулами производится в самом широком размере. Ежегодный отбой бобров, как выяснили обследования, надо считать не ниже 50 штук, из которых в сторону р. Конды надо отнести 50%. К этой цифре надо добавить еще процентов 25–50 на гибнущих без пользы. При практикуемой стрельбе бобров из ружья на воле очень много их тонет.

Теоретический подсчет наличия бобров по всем 45 речкам дает цифру 788 штук. Подсчет сделан на основании указаний остояков и вогулов, считающих на каждой речке, в зависимости от протяжения и кормовых запасов, от одного до шести гнезд и в каждом гнезде от 2 до 8 особей. Может быть, он был бы и близок к истине, если бы не существовало, особенно интенсифицирующих за последнее время, промыслов. Наши опасения подтверждаются виденными нами заброшенными гнездами. Так, из пяти гнезд нижнего течения р. Уха в средних числах января месяца сего 28 года было обитаемо только два с 4 бобрами в них. Но если бы мы стали строить расчеты, в свою очередь, базируясь на последних цифрах, то также впали бы в ошибку и получили бы заведомо неверное количество наличия бобров в 126 штук. Неверное потому, что по речке Уху, как и по Ессу, Нюруху с их притоками и самой р. Конде промысел бобров производится регулярно, каждый год, и потому здесь бобры подвержены наибольшему отбою. Надо принять во внимание также, что по некоторым речкам, например Ченчеру, Айшошу, Турье и др., живут единичные особи. Комбинируя арифметические подсчеты, мы склонны остановиться на получаемой средней — в 300 голов — наличия бобрового запаса, как на

наиболее правдоподобной. По среднерыночной оценке бобровой струи и шкурки в среднем в 300 рублей стоимость 300 голов должна быть определена не ниже 90000 рублей. Условия обитания бобров в районе водораздела самые благоприятные как по обилию кормовых пород леса вдоль речек (осина, тал, береза), так и по большому числу самих речек. Учреждение заповедника даст возможность следить за промыслами на периферии в весьма значительном расстоянии от него, что, несомненно, скажется на расселении бобров по недавно еще занимаемым ими речкам. Например, лет 10–15 назад бобры проживали по речкам Послу и Екуталке, южнее нынешнего распространения бобров по р. Конде километров на 130 и с. Шаима — на 20–25; лет 40 назад бобры обитали по притокам р. Тапсуя и Ворьи, и восстановление их там, несомненно, благодаря истокам речек системы р. Конды (Него-сапр-еган и Яны Лепля) и р. Тапсуя, берущим начало с одного болота. То же можно сказать и о реке Пелыме. Его левый приток Атымья берет начало с одного болота с правым притоком р. Конды Еготьей, куда бобры постоянно заходят.

Излишки бобрового приплода, вредные для нормального обитания в заповеднике, в дальнейшем, как результат учреждения его, могут быть использованы для расселения и искусственным путем — путем вылова и пересылки. Во всяком случае, количество бобров в заповеднике на 34 речках, известных нам, и количество неизвестных, судя по общему протяжению их и обилию кормов по берегам, может быть, как нам кажется, увеличено раз в пять против ныне предполагаемого, т.е. до 1500 голов, без всякого ущерба кому и чему-нибудь, принимая во внимание отсутствие лесного хозяйства. Стоимость бобрового заповедника в 1500 голов должна определяться к тому времени не ниже 300000 рублей.

К числу коренных обитателей проектируемого заповедника относится также и соболь. Излюбленные места его пребывания здесь сосредотачиваются по кедровым островам среди болот, но и по урманам, т.е. чернолесью, он еще в 25-м году гнездовался повсеместно. Значение проектируемого заповедника в отношении соболя, как основной базы для периферии, чрезвычайно велико. Этот район является центральным, наиболее удаленным и защищенным от эксплуатации пришлых промышленников, в собольей полосе угодий, перекинувшейся по водоразделу системы рек Иртыша и Оби с запада на восток с вершины Урала (от Матвеевской пармы) до слияния их.

Количество соболя, добываемого на площади проектируемого отвода лет 25–30 назад (до Японской войны), как удалось установить из расспросов на месте старожилов-остяков (А.Д. Марцинова, Т.И. Лырщикова и др.), вогулов тапсуйских (А.К. и В.К. Дунаевых, Н.Т. Пеликова и др.) и кондинских (С.П. и И.П. Соскуновых и др.) и русских, занимавшихся скупкой пушнины с этого района в сторону с. Шеркал на р. Оби, с. Шаима на р. Конде, с. Няксимволя на Б. Сосве и Бурмантовой, доходило до 1000 штук ежегодно. Приводимая ниже таблица, характеризующая вообще значение, колебание и продукцию промыслов района проектируемого заповедника по главным видам промысла зверя, указывает, в частности, и на добычу соболя по группам населения и самый упадок этого промысла за 25-летний период.

Эта таблица составлена на основании тщательных расспросов и проверки получаемых сведений везде, где только к этому представлялась возможность.

Наименование	Русские				
	Разные		Сумма		Процентное отношение добычи 26-го года к добыче 1901 года
	1901 г.	1926 г.	1901 г.	1926 г.	
Соболь	100	17	900	126*	15,22
Лось	120	9	470	227	48,34
Белка	1000	120	3000	530	17,67**
Олень	150	12	375	253	67,47
Бобр	–	12	25	50	200

Наименование	Остяки				Вогулы			
	малососвинск.		обские		тапсуйск.		кондинск.	
	1901 г.	1926 г.	1901 г.	1926 г.	1901 г.	1926 г.	1901 г.	1926 г.
Соболь	300	26	150	50	100	36	250	7
Лось	150	100	50	–	50	100	200	18
Белка	500	150	200	–	300	160	1000	100
Олень	100	120	25	–	50	100	150	21
Бобр	5	2	5	–	5	25	10	11

Примечание: * 50 шт. соболей добыто весной нарымскими и васьеганскими остяками в период течи и стрихнином.

** Белка в 1926 году отсутствовала вследствие неурожая сосновой и еловой шишки.

Цифры добычи зверей 1926 года взяты из материалов по хозяйственной переписи, производимой нами в 1925 и 1927 годах со специальной целью — выявления экономического значения пушно-зверовых промыслов в бюджете заинтересованных групп населения. Цифры 1901 года — распросные. В то время, как в 1900 году остяки малососвинские и их совладельцы вотчин — выселившиеся отсюда на Обь остяки обские, вогулы тапсуйские и часть кондинских (включая сюда живущих по р. Супре и Мулымье), т.е. большое количество промышленников, производивших соболей промысел, — производили его только осенью с собаками, т.е. 3–4 недели в году, и добыли 900 штук; в 1926 году все промышленники, занимавшиеся этим промыслом, производили его всеми способами (за исключением тапсуйских вогулов): с собаками, кулемками, черканами, капканами, обметом (сетью) и даже стрихнином — в течение 5–5,5 месяца и добыли только 136 штук. Отбой соболей 25 лет назад в 800–1000 штук ежегодно говорит за то, что основной кадр производителей района для этого количества продукции не был затрагиваем. Промысел 1926 года показывает максимум напряжения, затрачиваемого на окончательное уничтожение производителей. Число промышленников, занимавшихся собольим промыслом в 1926 году, осталось почти без изменения, которое произошло за счет национального состава. Анализ собольего промысла, произведенный нами осенью 1926 года, исключительно благоприятный по метеорологическим условиям, на лучших собольих угодьях проектируемого заповедника у Ем-тахе дал следующие цифры: всего на соболиный промысел малососвинскими остяками было затрачено 383 человеко-дня, за которые убито 26 соболей, т.е. на добычу одного соболя потребовалось 14,7 человеко-дней, что при существовавшей цене на соболя в среднем в 40 руб. дает заработок промышленнику 2 руб. с небольшим в день. На этих же самых угодьях раньше каждый соболятник убивал в среднем по 2–3 соболя в день. Бывали случаи добычи по 6 штук (Марцинов Сидор). Такое положение собольих промыслов в настоящем надо признать катастрофическим, а собольи запасы совершенно истощенными. Если обратиться к арифметическим подсчетам, можно, до известной степени, составить представление о собольих запасах района. Осенью 1926 года нами лично в сопровождении наилучших соболятников водораздела остяков А. Маремьянина и С. Марцинова для этой цели обследована площадь до 2000 кв. километров, на которой отмечено по

следам присутствия 12 пар соболей. Следы тщательно разбирались и анализировались с участием остяков. Отсюда можно заключить, что на каждые 83 кв. километра угодий приходилась одна пара соболей. Но надо иметь в виду, что эта цифра приходится, преимущественно, на уголья чернолесья, т.е. лучшие, составляющие там 30–40% общей площади. Тот же опыт осенью 1927 года на угодьях Прикондинского района дал три пары следов почти на ту же площадь в 2000 кв. километров, т.е. одна пара соболей приходилась на каждые 667 кв. километров. Здесь площадь урманов составляет 10%. Взяв средние цифры обследований двух осеней, что, конечно, не точно по целому ряду причин, мы будем иметь одну пару соболей на 325 кв. километров всяких угодий, или на всю площадь в 8000 кв. километров 25 пар соболей. Неточность в сторону преуменьшения может колебаться на 15–20%. Арифметические выкладки, касающиеся примерной насыщенности этих же угодий соболями в 1901 году, приняв отстрел в 900 штук за нормальный, дают к началу промыслового сезона пару соболей на 11,43 кв. километров. А чтобы иметь ежегодный отбой с угодий в 900 штук, надо довести состав производителей до 500 штук, принимая во внимание полигамию соболей и считая достижение зрелости из помета трех соболей. Такой теоретический подсчет о насыщенности угодий в прошлом грешит скорее преуменьшением против аналогичных друг другу рассказов вогулов и остяков. Если бы иметь возможность абсолютной охраны предполагаемых нами 25 пар соболей и последующего приплода, то при известных и благоприятных естественных условиях к их дальнейшему размножению, принимая за 60% из них соболюшек и приплод с первого года, можно было бы к концу третьего года иметь производителей в два раза большем количестве, чем это надо для отстрела в 900 штук. Не подлежит никакому сомнению, что из всех известных нам способов разрешения проблемы соболя, о которой так усиленно говорят в нынешнем году, способ «реальная охрана соболя в заповедниках и правильная охота» (журнал «Пушное дело», № 4, с. 23 «Проблема соболя», статья проф. Завадовского) на ближайшее 10-летие есть самый действительнейший.

Непроходимые чащи ельника и кедра, обилие отдельных сырых островов среди смешанных пород леса и болот, обилие кормов: птицы, белки, мыши, кедрового ореха и всяких ягод — обеспечивает быстрое восстановление былых запасов соболя. Необходимо отметить, что у

Ем-тахе добываются соболя темные, так называемые воротниковые, лучшие по качеству среди западносибирских соболей. К концу пятилетия по учреждении заповедника насыщенность его собольим составом поднялась бы до предела, допускаемого естественными условиями угодий, дав излишек на периферию, где ими можно было бы располагать по усмотрению. Количество соболей к концу пятилетия должно превышать 7000 штук, что по скромной оценке будет составлять капитализированной ценности на 300000 рублей.

Лось также является коренным обитателем проектируемого заповедника и служит весьма значительным фактором в жизни остяков и вогулов. Особое значение его промысел имеет для малососвинских остяков, как дающий главный продукт питания. А для тапсуйских вогулов, кроме того, дает возможность увеличивать свои олени стада. Для уральских оленеводов, имеющих большое количество оленей, представляется более выгодным выменивать лосиное мясо у тапсуйцев, нежели бить для этой цели своих оленей. Поэтому в декабре каждого года к тапсуйским вогулам вершинных юрт Верхне-Тапсуйские (Дунаев и Тимка-пауль) съезжаются крупные оленеводы. Здесь окончательно договариваются о заключенных сделках и уральцы сами едут на место промысла за мясом. За полную лосиную тушу весом в 12–14 пудов мяса тапсуйские вогулы получают живого оленя. Убитый же олень, в лучшем случае, весит до семи пудов. Средняя годовая добыча лосей на одного хорошего лосятника колеблется от 20 до 40 штук. Большое значение, конечно, имеют лосиные огороды, протяжение которых в общей сложности вокруг проектируемого заповедника и в нем самом превышает 200 километров. В 1926 году с площади проектируемого заповедника добыто 227 лосей, причем год по промыслу считался средним. Последнее утверждение как бы характеризует постоянство лосиных стад, что же касается цифры отбоя лосей в 1901 году, превышающей результаты промысла их в 1926 году на 51,66%, то так как она вызывает некоторые сомнения, мы к ней вернемся в своем месте.

Несомненно, состав лосиных стад также уменьшается, но не так резко, как это замечается на зверях, служащих объектом пушного промысла. На количественный состав лосиных стад может решающе повлиять только одна весна с образованием крепкого наста (ледяной корки, образующейся на снегу), когда лосей загоняют и буквально бьют в ухо и

даже режут. В такие вёсны промышляют их все кто может и, обозартившись, бьют свыше всякой потребности, не в состоянии впоследствии вывезти мясо. После таких весен продуктивность лосиных промыслов лет на пять падает совершенно.

Если принять за нормальную цифру ежегодного отбоя 200 голов лосей всяких возрастов и обоего пола, то на площади заповедника должно быть стадо не менее 800 голов, включая в эту цифру и подрост, оцениваемое в 40000 рублей. В районе проектируемого заповедника лось держится круглый год, находя пристанище и корм в любое время. Условия для его пребывания здесь надо признать самыми благоприятными.

Второй вид копытного, водящегося здесь в количестве большем, чем лось, — олень; удобные пастбища по ягельным борам являются их любимым местопребыванием. Зимой на лыжах трудно бывает пройти таким бором — до того перемешан на нем весь снег. Большое количество оленей сосредоточивается в южной части проектируемого заповедника вдоль р. Конды и ее притоков. Определить состав оленьих стад нет возможности. Судя же по обилию свежих следов их, встречаемых одновременно во многих пунктах, и так на протяжении нескольких дней пути, надо полагать, что оленей в районе заповедника несколько тысяч голов (2000—3000). Стадо в сто или больше голов встретить не редкость. Общая стоимость их, по существующим ценам на оленину и мясо, может быть определена в 30—45 тысяч рублей. Все, что сказано выше о значении лосиного промысла в бюджете тузнаселения, в полной мере может быть отнесено к оленю.

Белка также обычна для района проектируемого заповедника, но чрезмерная погоня за ее шкуркой сделала свое дело и здесь. Беличий промысел, как таковой, существовал раньше только для подростков, не доросших еще до трудностей соболевания, а взрослые, если ее и били, то между делом и по пути. Настоящие промышленники, т.е. соболятники и лосятники района, имеют и сейчас собак, не обращающих при встрече никакого внимания на белку, — результат соответствующей выучки и натаски.

В районе проектируемого заповедника в прежнее время белка к весне почти поголовно выедалась соболями, являясь для него объектом постоянного преследования. Определить в настоящее время запасы производителей на площади водораздела совершенно невозможно, главным образом, из-за бывшего неурожая сосновой и еловой шишки в 1925 году и исключительно холодной и затяжной весны 1926 года, повлиявшей на

прирост приплода. Можно предполагать, что при совершившемся акте заповедания, при благоприятных естественных условиях ее запасы восстанавливаются здесь гораздо быстрее соболей и успеют оказать весьма существенное влияние на прирост ее по периферии. В дальнейшем своеобразная жизнь заповедника будет по-своему регулировать ее количество.

Приобретшая за последние два года небывалую ценность выдра здесь водится в исключительно большом количестве. Объяснение этому находится, прежде всего, в удобстве угодий, достаточном количестве кормов и в отсутствии специальных выдровых промыслов. Раньше ее били при случае, но уже к осени 1927 года на р. Конде некоторые промышленники сумели притравить собак и добыли по 6–7 штук на человека. Приемочная коммиссионная цена на выдровую мерную шкурку стояла в 100 рублей. При случайных встречах и в рыболовных ловушках с района проектируемого заповедника добывалось выдры до 20 штук ежегодно. Принимая же во внимание склонность ее к большим переходам в поисках более рыбных мест, надо будет согласиться с мнением остяков и вогулов, характеризующих район водораздела как источник выдровых запасов для р. М. Сосвы и верховий Конды.

Горноста́й есть повсеместно, в меньшем количестве по бассейну р. М. Сосвы и в значительно большем по р. Конде. Промысла на него не существует, и единичные шкурки, сдаваемые в организации, есть результат случайных встреч.

Черканы, практиковавшиеся здесь раньше, почти вывелись.

Заяц после полного его повсеместного исчезновения начинает появляться и здесь.

Бурундук никакого промыслового значения не имеет. Колонка нет совершенно, как и куницы. Кидус (кидас), помесь соболя и куницы, иногда бьется около юго-западной границы проектируемого заповедника кондинскими промышленниками, и его здесь знают. Промышленники же северной и северо-восточной части кидусов никогда, как и куницы, не добывали. Лисица, как и рысь, спорадична. Росомаха водится в значительном количестве и, состоя на самом плохом счету у промышленников как зверь пакостный (в понятии: вредит), добывается всеми возможными способами и преимущественно в настороженные у лосиного мяса ловушки. Медведя также много, но охотников до него маловато. Единичный волк заходит с юга и то не каждый год.

Боровой птицы очень много, и на ягодных борах в конце сентября – начале октября ее скопляется огромное количество. На ружье в день с такого бора можно взять 20–40 штук глухариных.

Утки: гоголи, свиязи, кряковые, чирки, чернедь, крохали и др. – водятся повсеместно. По лесным глухим озерам водится и лебедь. Гуся почти нет.

III

Население, тяготеющее к району проектируемого заповедника и заинтересованное в производстве промыслов на его площади и на площади периферии, прилежащей к нему с диаметром до 300 километров (с северо-запада на юго-восток), расселено по главным рекам водораздела.

Все население, в зависимости от его экономической подоплеки, должно быть разбито на шесть групп: 1) звероловы чистые, 2) звероловы-рыболовы, 3) звероловы-рыболовы-скотоводы, 4) звероловы-рыболовы-скотоводы-земледельцы, 5) звероловы-оленеводы и 6) звероловы-оленеводы-рыболовы.

К первой группе, когда-то самой богатой и независимой, относится почти все остяцкое население р. М. Сосвы. Эта группа влачит ныне самое жалкое, если не сказать нищенское, существование. В бюджете этой группы доход от звероловства составляет 90% общего.

Ко второй группе относятся остяки, проживающие между р. М. Сосвой и Обью, вогулы, проживающие в верхних юртах по р. Конде и верхнюю р. Супры и Мулымь. Бюджет этой группы устойчивее, нежели первой, и доход более обеспечен. В бюджете этой группы доход от звероловства дает 50%, а остальные 50% относятся за счет рыболовства и других.

К третьей группе относятся остяки, проживающие по р. Оби, вогулы, проживающие в нижних юртах верховой р. Конды, и то вкрапленные между туземцами русские промышленники, кои также претендуют на права пользования угодьями наравне со всеми остальными. Доход от звероловного промысла в этой группе составляет 10–30%, рыболовство – 20–60%, других промыслов: ягодного, скотоводства, извозного, огородничества и др. – остальные 30–50%. Эта группа населения уже вполне обеспечена, и всякие ограничения по охоте всегда могут быть компенсированы за счет большего развития сельского хозяйства или подсобных промыслов.

К четвертой группе относятся исключительно русские поселенцы, проживающие по р. Б. Сосве, р. Оби и Конде, в большинстве самые за-

житочные, для которых продукты охоты являются предметом наживы и спекуляции. Эта группа совершенно нежелательная и вредна по своим растлевающим принципам и агитации.

К пятой группе относятся вогулы, проживающие по р. Тапсую. Основное благополучие их покоится на оленеводстве. Охота для беднейших из них так же важна, как и для первой группы, так как рыболовство по р. Тапсую весьма незначительно.

К шестой группе относятся вогулы, проживающие по р. Ворье и остальным притокам р. Б. Сосвы, занимающиеся рыболовством и имеющие от него доход от 20 до 30%.

По р. М. Сосве население остяцкое, проживающее в семи юртах количеством 94 души обоого пола, из них 32 человека промышленников. Самые верхние по реке юрты Емункуртские расположены в черте проектируемого отвода. Наиболее заинтересованы в производстве промыслов на площади проектируемого заповедника остяки трех юрт: вышеуказанных двух, расположенных в непосредственной близости — Хангакуртских и Ханлазинских с общим населением в 31 человек. Ханлазинские юрты стоят на той стороне реки, т.е. на границе предполагаемого отвода, а юрты Хангакуртские ниже по р. М. Сосве, в 6–8 километрах. Настоящих промышленников в трех юртах 9 человек. Из них проживающий в юртах Емункуртских Н.А. Езин может промышленлять на угодьях, прилежащих к проектируемому заповеднику, но его надо компенсировать за выселение. Два промышленника из юрт Ханлазинских, А.Е. Езин и И.Г. Езин, должны быть компенсированы за отчуждаемые у них угодья, что можно сделать за счет привлечения их в число стражи заповедника. Двум подрастающим сыновьям И.Г. Езина можно отвести угодья в прилежащем районе по левую сторону р. М. Сосва. В Хангакуртских юртах четверо промышленников: старик А.Д. Маремьянин промышленляет лосей и оленей огородами вне границ проектируемого заповедника. Его сын М.А. Маремьянин может быть компенсирован включением в состав стражи. Для этих же целей пригоден и старший его племянник А.Н. Маремьянин, а младшему могут быть также отведены угодья, прилежащие к заповеднику вплотную. Что касается остальных малососвинских промышленников в количестве 23, то части их, наименее обеспеченной, на 100-километровом пространстве по обе стороны реки предоставляется полная возможность нарезать новые угодья, тем более что нарезка эксплуатационных участков в целях правильной эксплуатации все равно должна быть произведена. К тому

же остяки, проживающие в юртах Ныргинских, должны быть отнесены к группе звероловов-рыболовов.

По верховьям реки Конды проживает население смешанное: коренное вогульское и пришлое русское. Поселков семь с 22 хозяйствами, из которых 10 вогульских и 12 русских. Душ обоего пола 89, из них промышленников — 26. Непосредственно в угодьях, долженствующих отойти под заповедник, заинтересованы вогулы, проживающие в юртах Эссунтских и Орунтурских. Обе юрты расположены вне границ проектируемого заповедника. В юртах Эссунтских промышленников три. Все трое: Ф.Д. Чекатов, И.Д. Чекатов и И.П. Соскунов — могли бы быть компенсированы включением в состав стражи заповедника. Проживающий в юртах Орунтурских вогул С.П. Соскунов в настоящее время в район водораздела промышлять не ходит, а сын его Н.С. Соскунов сосредоточил все внимание на рыболовстве около юрт. Что касается русских, проживающих в юртах Орунтурских в количестве трех промышленников, то двое из них относятся к группе четвертой, один из них, Л.Н. Куренев, занимается к тому же регулярным спаиванием и эксплуатацией вогулов, а один, Ф.С. Анкин, хотя и не имеет угодий в отчуждаемом районе, но может быть также включен в состав стражи. Промышленники, проживающие в пяти нижележащих по р. Конде юртах, в район водораздела не ходят, за исключением занимающихся бобровым промыслом. Из последних наиболее злостными браконьерами являются двое русских: отец с сыном М.М. и В.М. Литовских, вообще растлевающих, действующих на психику вогулов, должны быть выселены по месту жительства в Гаринский район. Та же мера должна быть применена по отношению к русскому промышленнику А.Д. Кайдаулову, проживающему в юртах Умыгьинских, безрассудному и убежденному поджигателю лесов, сведшему не один десяток тысяч гектаров леса в этом районе, к тому же не занимающемуся земледелием. По вершине р. Мулымьи и впадающей в нее р. Супре заинтересованы в угодьях, прилежащих к проектируемому заповеднику, вогулы и русские, проживающие в трех юртах в количестве 54 душ с 18 промышленниками из них. В район предполагаемого заповедника они также промышлять не ходят.

По реке Тапсую и Ворье в восьми паулах проживают вогулы. Всего семейств 31 с населением в 135 душ обоего пола. Из них промышленников 45. Непосредственно заинтересованных в отводимых под заповедник угодьях пять промышленников. Все они проживают в пауле Верхне-Тапсуйском, отстоящем от западной границы проектируемого заповедника километрах в 30–35. Они из одного рода, трое из них братья — А.К., В.К. и Н.К. Дунаевы и

двое сыновей А.К. — К.А. и В.А. Дунаевы. Из них А.К. с сыновьями крупный и очень богатый оленевод. Все свои промысла эти пять вогулов сосредоточили в районе заповедника, хищнически выбивая бобра и уничтожая лося. У них насчитывается олене-лосиных огородов до 120 километров, и к тому же они являются проводниками для остальных вогулов, приглашая их на паях на лосиные промыслы по настам. А.К. Дунаеву с сыновьями доступ в уголья может быть прекращен без всякой компенсации с предложением производить промыслы на старых своих угольях. Что касается В.К. Дунаева, то он может быть компенсирован нарезкой прилежащих к заповеднику угодий. Н.К. Дунаева можно компенсировать включением в число стражи. Остальных же вогулов та обширная территория промысловых угодий, лежащая по водоразделу между р. Тапсуем и р. Пельмом, при правильном ее распределении между ними вполне может компенсировать.

Резюмируя изложенное, имеем промышленников, подлежащих компенсации за отчуждаемые у них промысловые уголья:

Таблица 4

№ п/п	Река	Наименование юрт	Фамилия, имя, отчество	Национальность	Состав семьи	Социальное состояние	Примечание
1	М. Сосва	Емункуртские	Езин Ник. Андреев.	Остяк	7	Бедняк	Подлежит переносу с правого берега реки М. Сосвы на левый юрты Емункуртские
2	М. Сосва	Ханлазинские	Езин Ал. Евсеев.	Остяк	3	Бедняк	
3	М. Сосва	Ханлазинские	Езин Ив. Гавр.	Остяк	5	Бедняк	
4	М. Сосва	Хангакуртск.	Маремьянин Мих. Ал.	Остяк	11	Бедняк	
5	М. Сосва	Хангакуртск. Алек. Ник.	Маремьянин	Остяк	3	Бедняк	
6	Конда	Ессунтские	Чекатов Фил. Данилов.	Вогул	5	Бедняк	
7	Конда	Ессунтские	Чекатов Ив. Данилов.	Вогул	4	Бедняк	
8	Конда	Ессунтские	Соскунов Ив. Петрович	Вогул	5	Бедняк	
9	Тапсуй	В. Тапсуйские	Дунаев Ник. Кирилл.	Вогул	2	Бедняк	
Всего			9		47		

Всего же промышленников, которых отчуждение промысловых угодий под заповедник так или иначе должно коснуться, — 121 с количеством душ в 372 человека обоего пола при 92 хозяйствах, расположенных в 25 поселках. В большинстве случаев организация заповедника отразится на сокращении размера площадей, находящихся в эксплуатации промышленников вокруг отчужденных угодий и внесет в производство промыслов, в некоторых случаях не без трений, здоровые начала. Что касается групп населения, проживающих в удаленном расстоянии от проектируемого заповедника (100–300 километров), ничем с ним не связанных, но претендующих на право пользования прилежащими охотугодиями наравне с проживающими в них, то таковые могут быть допускаемы впоследствии, возможно, за особую арендную плату на специально выделенные для этой цели эксплуатационные участки. То же может быть применено и по отношению ко всем прибывающим промышленникам со стороны.

Для наглядной характеристики значения района в экономике проживающего вокруг населения и его роли в восстановлении пушно-зверовых запасов с учреждением в нем заповедного района, долженствующего довести свою продукции до норм, недавно еще имевших место, мы воспользуемся таблицей № 3, проведя подсчет стоимости продукции по ценам 1927 года. Ни минуты не сомневаясь в точности цифр, в ней заключаемых, мы, тем не менее, не можем принять за нормальную цифру отбоя лосей. Анализируя ее, мы констатируем, что в нее вошли результаты всех видов промыслов, практикуемых на него, т.е. осенью с собаками, огородами (изгороди с настороженными луками), скрадом, по толстому снегу, по насту и в комарное время. Опрашиваемые промышленники утверждали, что в те весны очень много били лося. Последнее, зная значение настов и склонность к промыслу во время образования их вообще у всех промышленников, даст нам право полагать, что цифра эта случайная. В этом нас убеждают также следующие арифметические подсчеты. Для получения ежегодного отбоя в 470 лосиных голов потребовалось бы наличие основного постоянного стада производителей (примерно) в 2000 голов. А так как вся площадь равна 8000 кв. километрам, из которых к тому же 50% (в среднем) болот, то мы получаем к началу гона (сентябрь) насыщенность района лосями до одной головы на 3,24 кв. километра. Этого быть по естественным услови-

ям ежегодного пребывания в таком количестве, конечно, не могло. Поэтому на основании изложенного и данных личного обследования, подтверждаемых результатами промыслов позднейших годов (см. выше), мы склонны цифру в 200 голов ежегодного отбоя лосей с этого района считать нормальной и вводим ее в таблицу № 5. Что касается оленей, то благодаря исключительно большому количеству их по всему району, обнаруженному нами лично, цифра их отбоя в 375 голов может быть принята как средняя ежегодная. По утверждению остяков и вогулов, оленей стало даже больше, чем было раньше.

Таблица 5

Наименование	Количество	Стоимость		Общая сумма		Примечание
		руб.	коп.	руб.	коп.	
Соболь	900 шт.	40	—	36000	—	Цены взяты средние
Лось	200 шт.	12	—	2400	—	
Белка	3000 шт.	1	40	4200	—	* продукция и прирост бобров
Олень	375 шт.	5	—	1875	—	
Бобр	25*	100	—	2500	—	на первое время взяты без изменения
Мясо лосиное	32760 кило**	—	06	1965	60	
Мясо оленье	18428 кило	—	06	1105	68	** вес лосиной туши мяса взят средний в 163 килограмма
Кисы лосиные	800 шт.	—	75	600	—	
Кисы оленьи	1500 шт.	—	40	600	—	
Струя бобровая	25 мешков	150	—	3750	—	
Лапки соболя	1800 шт.	—	20	360	—	
Всего				55656	28	

К этой сумме должно быть прибавлено, беря очень скромно, процентов 15 на стоимость всех остальных продуктов промыслов: пушного, зверового и дичного, что при округлении составит общую цифру стоимости всей возможной ежегодной продукции района в 65000 рублей. Ограничившись этой цифрой стоимости ежегодного прироста, реализованного на площадях, прилежащих к заповеднику, мы не учли бы и другого, весьма важного значения заповедника. Прилежащие охотпромысловые угодья, во многом мало отличающиеся от заповедника, впитывая в себя постоянно излишки его продукции, в свою очередь, явятся угодьями производящими. При умелом регулировании эксплуатационными участками, нарезанным в них путем периодических заказов, можно развить их собственную продукцию до 50% от 100 заповеданных, считая территории

ально. А так как площадь угодий заповедника принята нами в 8000 кв. километров, то при ширине прилежащего к нему пояса угодий, намечаемых к нарезке в 50 километров, мы будем иметь площадь эксплуатационных угодий в три раза большую, т.е. до 24000 кв. километров, что дает своей продукции, по нашему подсчету, округляя, на 100000 рублей. Эти обе цифры в теоретической общей сумме 165000 рублей и будут составлять ежегодную продукцию комбината, как следствие учреждения заповедника. Не надо забывать, что отстрел — есть вид реализации прироста ценных пород в наше время наиболее дешевый.

Для получения ежегодного производственного эффекта на сумму в 165000 рублей необходимо иметь неприкосновенный основной кадр производителей на угодьях комбината по нормам и ценам, ранее указанным, на сумму.

Таблица 6

Наименование	Количество	Цена		Сумма		Примечание
		руб.	коп.	руб.	коп.	
Соболей	1250	50	—	62500	—	* стоимость бобра берется сравнительно высокая из-за особой ценности, которую здесь имеет его струя ** в число остальных включены все виды остальных зверей и птиц
Лосей	2000	50	—	100000	—	
Оленей	4000	15	—	60000	—	
Бобров	750	300*	—	225000	—	
Остальных**	—	—	—	100000	—	
Всего				547500	—	

Округляя эту цифру, будем иметь стоимость основного кадра производителей на площади в 32000 кв. километров в 550000 рублей. По нашему мнению, основанному на наблюдениях во время обследования, запасы некоторых видов животных могут достигнуть количеств, значительно больших, нежели это принято в расчетах, например, бобровые, беличьи и др. Идя дальше в арифметических подсчетах, будем иметь к началу каждого промыслового года капитализированных ценностей на всей площади комбината на сумму 715000 рублей, или на одном гектаре угодья на 22 коп. Доход от допустимого отстрела на эксплуатационных площадях (24000 кв. километров) при реализации прироста давал бы 6,5 коп. с гектара (считая всякие угодья), или почти 30% годовых на основной капитал. Если же считать только лесные площади, т.е. беря грубо 50% всех, то доход будет представлять из себя 59%, что надо счи-

тать исключительно по рентабельности; количество мяса, получаемого с одного гектара всяких угодий, только по двум видам животных — лосю и оленя, равно 53 граммам. Вероятно, что цифра эта при правильном отстреле и регулировке стад может быть увеличена.

Что касается правильного построения бюджета промышленников на доходах от охоты, то на одного промышленника-зверолова в среднем по данным, получаемым во время обследования, для разных годов, для разных групп населения, при существующих ценах на фабрикаты и т. д., он не должен быть ниже 500 руб. в год, считая стоимость всех продуктов промыслов и принимая во внимание полное отсутствие производящих элементов в их домашних хозяйствах. Допуская в дальнейшем доход всех заинтересованных групп промышленников в количестве 121 человека на общую сумму в 60000 руб., мы будем иметь еще свободной продукции на 100–105 тысяч руб., за счет которых сумеем удовлетворить еще до 200 человек.

Такова в общих чертах предполагаемая рентабельность проектируемого заповедника.

IV

Организация и расходы по заповеднику

I. Соответствующим постановлением законодательной власти площадь водораздела в границах, выше указанных нами, должна быть изъята из пользования населения и объявлена заповедной. Во всех случаях нарушения данного акта виновные должны привлекаться к ответственности по 86 ст. Уголовного кодекса. Необходимо также усилить репрессии за умышленное вредительство и непринятие мер по охране лесов.

II. Институт охраны заповедника и непосредственное руководство в нем должны быть выполнены путем поселения на его границах специальной стражи, находящейся в ведении заведующего, живущего там же.

Для осуществления действительной охраны заповедника, имеющего 360 километров границ протяжением, необходимо иметь стражи не менее 12 человек, считая на каждого в среднем по 30 километров. Принимая во внимание удаленность заповедника, его малую доступность весной, летом и осенью из-за окружающих болот и возможность доступа в его район промышленников только на лодках и вообще малую заселенность края, означенное количество стражи надо признать недостаточным.

По тем же соображениям расселение стражи должно быть сосредоточено вдоль водных артерий, что к тому же облегчает и доставку продовольствия. С выпадением снегов охрана заповедника чрезвычайно упрощается. Расселение стражи для удобства охраны и производства работ на участках заповедника должно быть произведено по двое. Местожительство заведующего в центре заповедника было бы идеальным, но это осложнит его наблюдение за стражей, охраняющей южные и западные участки, подверженные наибольшей угрозе со стороны браконьеров. Поэтому для постоянного местопребывания заведующего надо остановиться на постройке его дома у устья речки Нюрух по южной границе заповедника, на реке Конде, что километрах в 40 от юрт Орунтурских к северо-востоку. При нем же для охраны середины южной границы строится кордон № 1. Кордон № 2 должен находиться на реке Конде, на устье р. Есс, охраняя угловые юго-западные границы заповедника. Кордон № 3 строится на речке Него-сапр-еган километрах в 60 по ее западной границе от кордона № 2 для пресечения доступа в заповедник тапсуйских вогулов. Кордон № 4, охраняя северо-западные угловые границы, должен быть выстроен в юртах Емункуртских. Кордон № 5 должен охранять северо-восточный угол заповедника с прилежащими границами, а кордон № 6 — юго-восточный. Между кордонами по границе заповедника, как внутри его, в нужных пунктах, средствами и силами заповедника в порядке текущей работы должна быть построена система избушек промыслового типа. Кордоны вдоль границ должны быть соединены между собою расчищенными и благоустроенными для проезда просеками в ширину оленной нартовой дороги. К центру заповедника от кордонов также должны быть проложены просеки и в дальнейшем вся площадь заповедника разбита на кварталы, что необходимо для систематического учета зверей:

а) кордоны типа двухжилых, должны быть снабжены всеми соответствующими службами, необходимыми для проживания в полной изолированности, т.е. амбарами, навесами, баней, погребом и др., принимая во внимание поселение стражи семейной.

Исчисляя стоимость постройки одного кордона в 3000 руб., постройка всех кордонов обойдется в 18000 руб.;

б) дом заведующего заповедником, кроме прямой цели обслуживания его самого и конторы, должен обслуживать и тех лиц, кои заповедник будут посещать. В некоторых случаях, как, например, посещение

заповедника научными работниками, оно будет сопряжено с длительным их пребыванием (в несколько месяцев) и лабораторными работами. По этим соображениям необходимо дом заведующего построить соответствующих размеров с отдельными комнатами, назначение которых — служить научными кабинетами. Соответственно с изложенным и все усадебные постройки при нем должны быть расширены.

Кроме того, при доме заведующего должны быть сооружены амбары для хранения годового запаса продовольствия не только для стражи, но и для всех членов их семейств, т.е. человек на 60–70. К усадебным постройкам должны быть отнесены: амбары, бани, погреб с холодильником (для надобностей препарирования), двор для коров, конюшня и навесы.

Стоимость дома заведующего со всеми постройками при нем исчисляется в сумме 7000 руб.

Примечание. Относительно высокая стоимость постройки кордонов и дома заведующего обуславливается удаленностью района и в связи с этим повышенной стоимостью рабочих рук и доставки строительных материалов: кирпича, железа, рам и т.д.

в) оборудование кордонов и усадьбы заведующего соответствующим имуществом и инвентарем: 1) средства передвижения: лошади, олени, нарты, лодки, сбруя по 400 руб. на кордон и для заведующего на 600 руб., всего на 3000 руб.; 2) казенная меблировка: столы, скамейки, кровати, стулья, шкафы и т.д. — по 50 руб. на кордон и 200 руб. на дом заведующего, всего — 500 руб.; 3) наборы инструментов: кузнечный, плотничий, столярный, слесарный и т.д. — 500 руб.*; 4) простейшие сельскохозяйственные и огородные инструменты на 300 руб., 5) библиотека: а) популярная с литературой о соввласти, сельском хозяйстве, огородничестве, экономике, охотхозяйстве, буквари, общеобразовательные и т.д. — 300 руб., б) специальная: 1) по биологии (зоологии, экологии, зоопатологии и т.д.), охотхозяйству, пушно-звероводству и т.д.; 2) ботанике, лесоводству, орографии, гидрологии и другим отраслям науки — 500 руб.; 6) оборудование фотографической комнаты с приобретением двух фотоаппаратов, аппарата для увеличения снимков и т.д. — 1000 руб., г) приобретение и установка метеорологических инструментов, применительно станций 2 разряда при доме заведующего — 500

* Инструменты необходимы для постоянной текущей работы в заповеднике по его общему благоустройству.

руб., д) приобретение телефонной арматуры, проводов и т.д. для связи кордонов между собой и с домом заведующего и установка простейшего радиоприемника — 3000 руб., е) постройка 6 наблюдательских пожарных вышек в наиболее возвышенных точках рельефа вблизи кордонов по 150 руб., всего 900 руб.; ж) приобретение мелкосидящей моторной лодки с простейшим нефтяным или керосиновым двигателем для нужд заповедника и почтовой связи, а также большой крытой лодки грузоподъемностью в 500 пудов — 4000 рублей.

Примечание. В случаях возникновения пожара в заповеднике в южной или западной его половине моторная лодка благодаря системе рек сыграет решающее значение в смысле быстрой переброски штата стражи и рабочей силы из юрт Ессунтских и Орунтурских и весьма существенное в случае возникновения пожара в северо-восточной его части.

Кроме того, в течение пяти месяцев весенне-осеннего периода необходимо, хотя бы раз в месяц, получение почты из с. Шаима (отстоящего примерно в 350 километрах водного пути), что возможно только при наличии моторной лодки; з) для охраны заповедника в пожарном отношении необходим пропил завалов (лучпей), имеющих в изобилии по р. Конде. Означенные работы должны быть произведены в летнее время при самом низком уровне воды силами и средствами штата заповедника в порядке текущей работы. Первый же паводок прорвет их, а весенняя вода последующего года вынесет лес в озеро Турсунтское; и) для целей заповеднических и изучения биологии бобра и соболя необходимо приобретение решетки разных размеров для постройки вольер и клеток в количестве до 1000 кв. метров, что с доставкой обойдется в 1000 рублей.

Примечание. Постройка вольер и клеток должна быть произведена силами штата заповедника.

Таким образом, на организацию и учреждение заповедника, согласно предъявленных к нему требований, должно быть израсходовано 40500 руб., но, принимая во внимание необходимость известной затраты средств в самом начале организационных работ на:

1) составление смет, чертежей, планов и т.д.; 2) разъезды, сопряженные с наймом рабочих и доставкой их к месту работ, доставкой для них продовольствия и т.п.; 3) закупку инвентаря и имущества, относящегося к строительному периоду, например, брезентовых палаток, брезентов разной тары, плотничного инструмента, канатов, необходимых при

сплаве леса, лодок т.д., и непредвиденные расходы в этом нешаблонном деле, надо общую сумму увеличить на 10%, взяв округло 45000 рублей.

Из них в 1928/29 операционном году должно быть отпущено по пунктам «а» и «б» на заготовку леса, рубку срубов, заготовку пиленого материала, столярных работ (рамы, жилой инвентарь), закупку кирпича, печной, оконной и дверной арматуры, стекла, гвоздей и т.д. и доставку всего этого к месту работ 75%, т.е. 18750 рублей.

По пункту «в»:

1) на закупку лодок и выдачу задатков при заключении условий 25%, т.е. 750 руб.;

2) на заготовку казенной мебелировки полностью, т.е. 100% — 500 руб.;

3) на закупку инструментов полностью 100% — 500 руб.;

4) на закупку сельхозпринадлежностей 100% — 300 руб.;

5) на закупку библиотеки полностью 100% — 800 руб.;

6) на закупку фотоматериалов — 100–1000 руб.

По пункту «г», «е», «д», «ж», «и» — отпуск средств также необходим полностью на 100%, т.е. 9400 руб.

И на организационные и первоначальные работы — 4500 руб.

Всего к получению в 1928/29 операционном году подлежит 36500 руб.

Остальные 8500 руб. — в 1929/30 операционном году.

2. Ежегодные операционные расходы по заповеднику в течение ближайшего пятилетия должны выразиться в следующих цифрах:

1) содержание заведующего заповедником по 250 руб. в месяц (250x12) — 3000 руб.;

2) содержание 12 человек стражи по 35 руб. в месяц (35x12x12) — 5040 руб.;

3) страховые и проч. отчисления со штата — 945 руб.;

4) освещение кордонов и дома заведующего, отопление — 100 руб.;

5) канцелярские, почтовые расходы и фотоматериалы — 250 руб.;

6) выписка газет и пополнение библиотеки литературой — 100 руб.;

7) расходы на топливо и смазку моторной лодки — 300 руб.;

8) на фураж (овес) 8 лошадей по 50 руб. в год — 400 руб.

Всего, следовательно, ежегодные операционные расходы заповедника потребуют, беря округло, 10–11 тысяч рублей.

В 1928/29 году на операционные расходы потребуются следующие суммы:

- По пункту 1 полностью, т.е. 100% — 3000 руб.;
- 2 — в размере 50%, так как нанять весь штат стражи и расселить его в нужных пунктах не представится возможным — 2520 руб.;
- 3 — в сумме 648 руб.;
- 4 — в размере 25% — 25 руб.;
- 5 — полностью 100% — 250 руб.;
- 6 — в размере 50% — 50 руб.;
- 7 — полностью 100% — 300 руб.;
- по пункту 8 — не надо.

В дальнейшем, по учреждении вокруг заповедника эксплуатационных участков и сдачи их в аренду, у заповедника будет иметься свой постоянный доход (примерно до 5000 руб.), которым и будет компенсироваться часть операционных расходов. Кроме этого, при умелой постановке звероводческого дела при заповеднике оно, несомненно, должно развиваться в весьма и весьма доходное предприятие, с лихвой окупающее все операционные и амортизационные расходы.

В заключение, сопоставив схематически цифру общих расходов на капитальные затраты по заповеднику в сумме 45000 рублей и ежегодные операционные расходы на ближайшее пятилетие в размере 50–55 тысяч, а всего в сумме 100000 рублей с предполагаемой рентабельностью в форме капитализированных постоянных ценностей на 700000 рублей и ежегодного отстрела приплода на 160–170 тысяч рублей, мы должны признать за актом учреждения заповедника чрезвычайно высокую коммерческую эффективность. Учтя же все значение учреждения заповедника по линии поднятия экономического благосостояния, главным образом тузнаселения, его культурно-просветительскую роль с общественной стороны и агитационную со стороны правильного ведения охотхозяйств, оно должно быть признано мероприятием актуальнейшим исключительной важности.

Охотовед Тобольского округа **Васильев**

С подлинным верно.

Источник

Опережая время...

Рукопись «Кондо-Сосвинский заповедник» представляет собой главу из отчета охотоведа Тобольского округа Василия Владимировича Васильева по обследованию Кондо-Сосьвинского района с описанием проекта боброво-соболиного заповедника. Отчет подготовлен по результатам двух экспедиций в верховья рр. Конды и Сосьвы, совершенных Васильевым в 1926 и 1927 годах. Объем рукописи — 41 страница машинописи с таблицами. Рукопись состоит из введения и четырех разделов, из которых только последний озаглавлен.

По современным канонам заповедного дела рукопись является эколого-экономическим обоснованием выделяемой особо охраняемой природной территории федерального значения. Она содержит обоснование необходимости организации заповедника, данное во введении, требования к заповеднику, описание его границ и площади, растительности и промысловой фауны, характеристику туземного населения, проживающего в районе будущего заповедника, и, в заключение, организационные меры и расходы по содержанию заповедника.

Необходимость организации заповедника на водоразделе рр. Конды и Сосьвы мотивируется, главным образом, полным упадком промысла соболя в Тобольском округе в период после окончания Гражданской войны 1918–1922 гг. При организации заповедника первоочередное внимание уделялось именно соболю в связи с большим значением дикой пушнины в экономике советского государства в то время. Значение бобра, как вида, подлежащего безусловному сохранению, на начальном этапе организации заповедника держалось на втором плане.

К началу обследования угодий водораздела рр. Конды и Сосьвы (1926 год) соболь в лесной зоне Тобольского округа был практически истреблен. В Сургутском же районе соболь исчез еще в довоенное время (до 1918 года). Если в 1901 году на площади проектиру-

емого заповедника было добыто 900 соболей, то в 1926 году — только 136. Положение соболиных промыслов В. Васильев определял как катастрофическое, а запасы соболя оценивал как совершенно истощенные. Плотность соболя в угодьях водораздела Конды и Сосьвы определена В. Васильевым с помощью лучших соболятников — остяков А. Маремьянина и С. Марцинова — в 0,24 особи на тысячу гектаров угодий. По современным нормам охотпользования промысел соболя подлежит прекращению при снижении плотности его популяции до 0,4 особи на тысячу гектаров угодий. Поэтому промысел соболя в сезоне 1926–1927 гг. в Тобольском округе был запрещен [1].

Говоря об основных причинах исчезновения соболя и упадка его промысла, В. Васильев указывал на необходимость «устранения наплыва сезонных промышленников», что ведет к неумеренному истребительному промыслу. Нужно было оградить район верховий Конды и Сосьвы от непомерной эксплуатации. Это и было выполнено в 1927 году путем сдачи угодий района в аренду местному тузнаселению. Также В. Васильев приходит к заключению, что для исправления положения с промыслами «необходимо создавать укрепленные участки. Одним из них должен был быть государственный заповедник на кондо-сосьвинском водоразделе, имеющий республиканское значение» [1].

Здесь следует отметить, что В. Васильев не отделял заповедники от охотничьего хозяйства, видел заповедные территории и охотничье-промысловые угодья как единое целое. Это уже в наше время (70-е годы XX столетия) в охотпользовании появилась односторонняя и, в общем, неверная точка зрения, декларирующая ненужность заповедников в правильно организованном охотничьем хозяйстве.

Интересно и другое: прямого задания по обоснованию учреждения заповедника при обследовании в 1926–1927 годах В. Васильевым получено не было. «Положение об учреждении заповедника как неизбежное встало само по себе еще в процессе производства обследования и на первом же отчетном докладе перед Тобольской окружной плановой комиссией было единогласно принято» [1]. Миссия В. Васильева первоначально носила поисковый, разведывательный характер.

Результаты обследования В. Васильевым водораздела рр. Конды и Сосьвы были убедительны и для других вышестоящих инстанций. Проект организации заповедника был рассмотрен и одобрен, в частности,

президиумом Тобольского окрисполкома, Уральским областным комитетом по охране природы, комитетом по охране природы Главнауки. Как отмечалось в письме Уральского областного земельного управления к управляющему делами Уралоблисполкома от 22 февраля 1929 года, «...проект постановления Народного комиссариата земледелия «Об организации Северо-Уральского государственного боброво-соболиного охотничьего заповедника»... каких-либо возражений не вызывает. Организация государственного заповедника в верховьях рек Конды и Северной Сосьвы является делом важным и неотложным». Сам же автор проекта организации заповедника, кроме признания высокой коммерческой эффективности его учреждения, обращал внимание на значение заповедника для поднятия экономического благосостояния туземного населения, отмечал культурно-просветительную, а также агитационную роль заповедника в деле правильного ведения охотничьего хозяйства. Вот с таких, значительно более широких и прогрессивных позиций, акт учреждения заповедника признавался В. Васильевым «мероприятием актуальнейшим, исключительной важности» [1].

Новаторской (и для настоящего времени) является форма заповедания намеченной к выделению территории: охотничий заповедник. По свидетельству В. Васильева, «эта форма охотничьего хозяйства разработана Д.К. Соловьевым по отчету Саянской экспедиции. Нам приходится только воспользоваться его материалами на практике» [1]. Васильев был в курсе передовых идей своего времени в той области, в которой трудился. Действительно, Д.К. Соловьев — один из основоположников охотоведения, автор пятитомного труда «Основы охотоведения» (1925) и «Краткого курса охотоведения» (1926), заведовал кафедрой охотоведения Ленинградского лесного института. В своих работах он приводит подробное описание территориального устройства Саянского заповедника [2, 3]. По утверждению Д.К. Соловьева, охотничьи заповедники учреждаются, главным образом, для сохранения и размножения наиболее редких и ценных животных (соболя, бобра и др.). В местностях, прилегающих к заповедникам, следует выделять эксплуатационные участки для производства охоты (промыслов). Саянский заповедник выделен в 1915 году для охраны соболя. По проекту с трех сторон к заповеднику должны прилегать эксплуатационные охотничьи участки (промыслово-охотничье хозяйство), а с четвертой сто-

роны — инородческий резерват. Данная схема организации территории с расположением заповедника в окружении охотничье-промысловых угодий и была принята Васильевым за основу при разработке проекта Кондо-Сосьвинского заповедника. В дальнейшем на территории эксплуатационных участков вокруг заповедника было образовано первое в регионе охотничье-промысловое хозяйство — охотничий совхоз Уралгосторга, а с 1934 по 1938-й — промыслово-охотничьи станции (ПОСы) государственной организации «Союзпушнина»: Шухтунгортская, Тимко-паульская, Супринская и Холодная.

В период до Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) и в послевоенный период охотничье хозяйство и заповедное дело в советской России развивались отдельно, параллельными курсами. Только к концу XX столетия наметилось их объединение в виде биосферных заповедников или резерватов. Концепция биосферного резервата была разработана в 1974 году рабочей группой программы «Человек и биосфера» (МАБ) ЮНЕСКО. В 1976 году началось создание Всемирной сети биосферных резерватов. В настоящее время в 105 странах мира выделен 531 биосферный резерват. В России 38 заповедников и национальных парков имеют статус биосферного резервата [4]. Цель образования биосферных резерватов — решение проблемы сохранения биологического разнообразия и биологических ресурсов в сочетании с их устойчивым использованием. При образовании биосферного резервата проводится зонирование территории с выделением заповедного ядра, буферной зоны, используемой для осуществления экологически безопасной деятельности (экологическое образование, рекреация, экологический туризм, ведение научных исследований) и переходной зоны или зоны сотрудничества, где ведется совместная хозяйственная деятельность и размещаются населенные пункты [5]. В настоящее время биосферные резерваты призваны обеспечивать устойчивое развитие прилегающих районов за счет стабилизации состояния окружающей среды, выполнения средообразующих функций и предоставления экосистемных услуг, например, климаторегулирующих, водорегулирующих, ассимиляционных, почвозащитных, ресурсных [6].

В 20-е годы прошлого столетия из всех перечисленных выше функций и услуг перед заповедными территориями ставилась задача выполнения только ресурсной функции. Поэтому заповедник, по В. Василье-

ву, должен был «оградить от исчезновения виды животных и питать окружающую периферию заповеданными видами животных» [1]. Это было основное требование к заповеднику. Дополнительные требования включают одомашнивание соболей и бобров, выделение охотэксплуатационных участков и создание питомника вогульской лайки. Важно, что эксплуатационные участки для ведения охотничьего промысла предлагалось выделять как обязательный составной элемент заповедника. Администрацией заповедника планировалось сдавать эксплуатационные участки в аренду промысловым охотникам для получения заповедником собственного постоянного дохода. Единство заповедной территории (площадью 800 тыс. га) и окружающих ее охотничье-промысловых эксплуатационных участков (площадью 2400 тыс. га) получило у Васильева и соответствующее название — «заповедно-охотничий комбинат».

Далее Васильевым была рассчитана ежегодная потенциальная биологическая (около 715 тыс. руб.) и хозяйственная (равная 165 тыс. руб.) продукция комбината, а также рентабельность проектируемого заповедника (составившая 30% годовых на основной капитал) и его коммерческая эффективность [1]. С позиций современных специальных знаний охотоведения, касающихся определения норм использования поголовья охотничьих животных в конкретном хозяйстве, вызывают восхищение безупречные и логически завершенные расчеты В. Васильева по оценке продуктивности охотничьих угодий комбината, выполненные не только в натуральном, но и в универсальном — стоимостном — выражении. Созданием проекта заповедно-охотничьего комбината и намерением его дальнейшего хозяйственного использования как единого целого В. Васильев практически предвосхищал реализацию современного «экосистемного подхода в сохранении биоразнообразия — охраны в процессе использования» [6].

Для специалиста, имеющего базовые знания, рукопись В. Васильева представляет обширный источник дополнительных интереснейших сведений о природе и хозяйстве края. Так, описание никогда не тронутых огнем кедровых островов представляет повышенный интерес для эколога в условиях угрозы окончательного исчезновения девственных, незатронутых хозяйственной деятельностью человека уголков дикой природы. О существовании примитивного клеточного звероводства у мес-

тного населения говорит приведенная Васильевым характеристика докармливания лисьего молодняка в домашних условиях. Свидетельством начала формирования наземной транспортной сети является функционирование гужевой дороги (по сути — зимника) для вывозки мороженой рыбы с р. Оби на Никито-Ивдель. Весьма информативно описание промысловой фауны заповедника, состоящее из видовых очерков их экологии и хозяйственного использования, особенно бобра, соболя, лося и северного оленя.

Для понимания личности В.В. Васильева очень важна правильная оценка его предложения по перспективам использования поголовья бобра после учреждения заповедника. Известно, что в ходе обследования им было установлено обитание бобров на 45 речках водораздела Конды и Сосьвы. В территорию же заповедника он предлагал включить только 34 речки с бобрами. Остальные 11 речек в заповедник включать было нельзя, так как «совсем пришлось бы лишить главным образом остяков их промысловых угодий» [1]. С образованием заповедника Васильев не намерен был ущемлять интересы промышленников и способствовать развитию браконьерства среди них. Он предлагал решить проблему организационным путем — территориальным разделением ресурса на охраняемую и используемую часть. Таким образом, с одной стороны, успешно решалась основная задача — сохранение поголовья бобра, а с другой — проявлялась забота о соблюдении интересов коренного населения. Вполне оправданы предложения Васильева об изъятии из пользования населения и объявлении заповедной площади водораздела в выбранных границах, а также строгое требование о привлечении виновных в нарушении заповедного режима к уголовной ответственности.

Актуальность рукописи В.В. Васильева заключается в ценности приводимых в ней сведений для решения современных экологических и хозяйственных проблем. Например, для решения проблемы восстановления и сохранения кондинской популяции лесного северного оленя важное значение имеют сведения о площади гарей и выжигании лесов в верховьях Конды и Сосьвы, а также о численности волка в данном районе. Сведения о численности лесного северного оленя в конце 20-х годов задают точку отсчета, то есть норму для исследования при сравнениях с данными хорошо известного современного периода.

Для решения проблемы формирования сети охраняемых природных территорий региона практически важны сведения о доле святых речек (туземных микрозаповедников) в охотничьем хозяйстве коренного населения (в условиях полного отсутствия промышленного воздействия на природу). В районе проектируемого заповедника общая площадь «ем-тахе» (святых речек) составляет 91 тыс. га [1] (около 11% от площади водораздела Конды и Сосьвы). Для сравнения: общая площадь особо охраняемых природных территорий всех категорий в Ханты-Мансийском автономном округе в настоящее время (в условиях сильного антропогенного воздействия на окружающую природную среду) составляет только 7% от его территории [7].

Очень важным для понимания истинного значения святых речек является засвидетельствование их практического (экологического) значения. По преданию и верованию остяков, ресурсы святых речек можно использовать, но только когда рыбы и дичи совсем не станет, и люди будут умирать с голоду [1]. «Ем-тахе» — это неприкосновенный запас биологических ресурсов на черный день. У святых мест охотники добывают темных соболей, лучших по качеству среди западносибирских. В.В. Васильев очень высоко оценивал экологическую (природоохранную) эффективность системы охотопользования коренных народов края. Он писал: «Ученью «шиманистов» мы обязаны существованием бобра, а может быть, и соболя, до наших дней» [1]. Этим подчеркивалось значение культа бобра, существовавшего у вогулов и остяков, для сохранения от истребления последнего кондо-сосьвинского очага речных бобров.

Для решения проблемы оптимизации охотопользования, то есть налаживания рационального использования фонда охотничьих животных Ханты-Мансийского автономного округа средствами промысловой, любительской охоты и охотничьего туризма несомненный интерес представляет экономическая классификация населения, выполненная для района проектируемого заповедника [1]. Данная классификация, между прочим, показывает не только экономическое значение охоты, но и отношение к ней у шести выделенных групп населения района, включая как туземное, так и русское.

О самоотверженном отношении В.В. Васильева к порученному делу свидетельствуют его предложения по организации охраны заповедни-

ка и нахождения местожительства руководителя: «Заведующий заповедником живет на его границе; местожительство заведующего в центре заповедника было бы идеальным» [1]. Точка зрения Васильева является полной альтернативой представлениям современных руководителей наших особо охраняемых природных территорий (например, природных парков «Сибирские увалы», «Нумто»), которые проживают в городах на удалении около 300 километров от своих охраняемых территорий.

Принципы работы В.В. Васильева с туземным населением, изложенные в первом разделе рукописи, могут быть образцом для любого современного менеджера. Среди этих принципов. — и внимательное отношение к людям, и помощь, и гостеприимство, и, конечно, защита прав, но мне наиболее импонирует его принцип равенства во взаимоотношениях.

Рукопись представляет единое, логически завершенное исследование, практически недоступное специалистам и заслуживающее публикации в полном объеме. Содержание ее будет интересно экологами и охотоведам, историкам заповедного дела и краеведам, всем исследователям и патриотам Югорского края.

В.П. Новиков,

доцент кафедры экологии

*Югорского государственного университета, биолог-охотовед, заслуженный
деятель науки Ханты-Мансийского автономного округа.*

Литература

1. Васильев В.В. Кондо-Сосвинский заповедник / Глава из отчета по обследованию Кондо-Сосьвинского района с описанием проекта боброво-соболиного заповедника. 1928 год. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. 695. Оп. 1. Д. 111. Л. 87–107.
2. Соловьев Д.К. Основы охотоведения. Ч. 3. М., 1925. С. 388.
3. Соловьев Д.К. Краткий курс охотоведения. Изд. журнала «Охотник». 1926. С. 119.
4. III Всемирный конгресс «Будущее биосферы. Биосферные резерваты ЮНЕСКО для устойчивого развития». — Заповедные новости. <http://kerzhenskiy.narod.ru/News/madrid08.htm>
5. Севильская стратегия для биосферных резерватов. Центр Охраны Дикой Природы. 2000–2008 гг. — <http://www.biodiversity.ru/programs/management/doc/sevstrategy/ss-pl.htm/>

6. Тишков А.А., Белоновская Е.А. Зоны биосферного резервата и вклад каждой из них в решение проблем сохранения биологического и этнокультурного разнообразия и устойчивого развития региона // Биосферные резерваты России в XXI веке. Вклад в устойчивое развитие и сохранение биологического и этнокультурного разнообразия в России в контексте глобальных изменений: Материалы Общероссийской научно-практической конференции (7–11 октября 2007 г., г. Ханты-Мансийск). Тюмень: РИФ «Колесо», 2007. С. 21–40.
7. Меркушина Т.П. Особо охраняемые природные территории // Обзор «О состоянии окружающей среды Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2005 году». Ханты-Мансийск, 2006. С. 47–55.

«...Я так привык еженедельно получать от вас письма»

(Письма Н.Л. Скалозубова к дочерям)

Погружаясь в местную историю, много раз испытывал горькие сожаления по поводу утраты ценных свидетельств жизни интересовавших меня лиц. Ведь был же документ, и вот досада — не дошел до наших дней, не уцелел. Причин гибели документов истории не счесть. Брошены при спешном отъезде (ведь «наш адрес — Советский Союз»). Уничтожены из опасения, что хранение их ненароком повредит близким. Понадобились в военное время школьникам, потому что не было тетрадей. Лежали на чердаке да сгнили... И, может быть, самая банальная: оказались ненужными наследникам. Если еще учесть, что с некоторых пор во многих семьях поселился обычай не вспоминать, особенно при детях (не дай бог где-нибудь проболтаются), о былом, о предках, то размах ревизии нашей родовой и общественной памяти российским XX веком предстанет еще более впечатляющим.

При этом естественная потребность помнить семейную, родовую, деревенскую и т.п. историю остается, но при скудости достоверных сведений находит компенсацию в домыслах, которые зачастую выдаются и принимаются за истину. Это серьезная помеха для познаний подлинной картины прошлого. И тем ценнее каждая документальная находка и большей благодарности достоин тот, кто сберег старые бумаги.

Вот свежий пример. Весной 2008 года проживающий в Тверской области бывший хантымансиец Евгений Ильич Пискунов передал в дар музею Природы и Человека часть архива семьи Скалозубовых. В 1950-е годы он работал на опытной сельскохозяйственной станции и здесь женился на дочери директора станции Ариадны Николаевны Скалозубовой-Голяновской Татьяне Георгиевне. После отъезда Пискуновых из Ханты-Мансийска с ними некоторое время жила вышедшая на

пенсию Ариадна Николаевна, и постепенно в их доме скопилась значительная часть документов семьи Скалозубовых: бывшего тобольского губернского агронома, крупного общественного деятеля и члена Государственной Думы Н.Л. Скалозубова, его жены Ариадны Васильевны, их дочерей, из которых двое были видными деятелями сибирской сельскохозяйственной науки, отца Ариадны Васильевны художника-передвижника В.М. Максимова и других членов семьи — письма, записки, фотографии, этюды и рисунки и пр.

Несколько десятилетий все это хранила семья Пискуновых до нынешнего года. После пересылки в Сибирь первой партии документов в начале ноября Евгений Ильич отправил еще одну, которая тоже поступила в музей Природы и Человека. В ней есть очень ценные документы, в частности, публикуемые письма Н.Л. Скалозубова 1911—1915 гг. к дочерям Надежде и Анне.

По письмам мы видим, насколько напряженной была внутренняя жизнь Н.Л. Скалозубова в эти годы. В 1912 г. заканчивался срок его думского мандата, и он был твердо намерен больше не баллотироваться. Мысленно он уже освобождался от бесчисленных депутатских хлопот, крайне редко доставлявших нравственное удовлетворение (выступая в последний раз с отчетом перед тобольскими избирателями, Николай Лукич говорил 10 сентября 1912 г.: «Мы, сибирские депутаты, посланные в Государственную Думу добиваться прав и возможностей материального и культурного развития сибирского населения, ничего этого добиться не смогли...»), и, имея твердое намерение посвятить себя теперь труду агронома-селекционера, обретал мир в душе. Еще предстояло совершить несколько деловых поездок, собрать под одной крышей разбросанную по разным городам семью, но все это делалось спокойно, когда была ясность относительно дальнейшего направления жизни.

В 1913 г. Николай Лукич уже посылал письма из-под Кургана, где разворачивалась деятельность частного сибирского семенного хозяйства Л.Д. Смолина и Н.Л. Скалозубова и благоустраивался дом для семьи. За интонацией писем угадывается ничем не замутненное, родниковое спокойствие деревенской жизни. Они здесь тоже были до отказа заполнены трудом, но он был не суетным, земным.

В заочном разговоре с дочерьми-школьницами Николай Лукич предстает как любящий отец, друг-воспитатель. В письмах нет строгих на-

Письма Н.Л. Скалозубова к дочерям

ставлений и требований; то, чего он хотел от девочек, высказывалось в виде пожеланий, ободрений, мягких напутствий. Нет в них и скучной принужденной бытописательской скороговорки. Это душевная беседа между родными не только по крови, но и по духу людьми. Поэтому Надежда Николаевна Скалозубова и сберегла письма до глубокой старости, и мы имеем возможность с волнением погрузиться в чтение чистых строк и отдаться потоку жизни, какой она была без малого столетие назад.

В. Белобородов

* * *

СПб., 26 сентября 1911 г.

Милая моя доченька Надюшенька, вчера, 24 сентября, я вместе с другими членами Думы приглашен был на торжество спуска в воду громадного морского военного корабля-броненосца, названного «Гангут».

На торжество съехалась масса народу. На р. Неве длинными рядами стояли красивые, как игрушки, суда-миноносцы, за ними — гигантские броненосцы «Севастополь» и «Петропавловск». Мачты разукрашены разноцветными флагами, как в царский день.

Вышиной этот «Гангут» в трехэтажный дом. В эллинге он стоял кормой к воде. Под кормой торчало 4 медных винта, посредством которых корабль движется.

Пол, на котором стояли подпорки, наклоном, как ледяная гора, спускается в воду, в р. Неву. Пол покрыт железными листами, а сверх них налит толстый слой сала, чтобы судну было легче скользить.

По бокам спуска с этой горы устроены были места для публики, с той и другой стороны.

Приехал морской министр, взошел на броненосец. Его встретили музыкой. Осмотрел. Затем спустился. На броненосце вверху осталась масса рабочих.

Министр подал знак, под кормой судна засуетились люди, застучали топоры — это выбивали подпорки; потом люди быстро отбежали в стороны, броненосец плавно, медленно пополз под гору в воду. Я стоял с фотографическим аппаратом. Эта громада проходила от нас в расстоянии, как от твоей кровати до маминой. Меня обрызгало водой. Еще

мгновение, и грозный броненосец уже весь в воде, зазвенели цепи от спускаемых якорей. На мачте взвился морской флаг, белый с косым синим крестом — Андреевский. С кораблей загрели пушечные выстрелы. Был сделан 31 выстрел. А рядом с нами военный оркестр играл народный гимн. Рабочие на броненосце кричали «ура» и махали шапками все время, как судно спускалось в воду. Публика им отвечала, махая шляпами.

Броненосец этот имеет в длину около 80 сажен.

Я снял несколько фотографий. Если они удадутся, я их тебе пришлю.

Крепко тебя целую, моя милая Надюшенька.

Так же, как и Нюсю¹, прошу тебя, если ты рисуешь, не бросать рисунков, а наклеивать их в тетради.

Твой папа.

* * *

20 апреля 1912 г.

Милая моя Надюшенька, я соскучился, не получая письма от тебя. Напиши мне, как идет твое ученье. Милая моя девочка, не сиди много за книгой, заставляй себя присаживаться за уроки. Позаймись, потом побегай, поиграй и снова поучись. Не запускай уроков.

Здесь погода стоит холодная.

Сегодня по улицам продают белую ромашку. То же и у вас. Посмотри, кто больше соберет: Кострома² или Петербург? В Костроме всего жителей... в Петербурге... [цифры не указаны]. Когда у вас сосчитают деньги, полученную сумму раздели на число жителей Костромы. Узнаешь, сколько на каждого пришлось сбора. А я это сделаю для Петербурга.

Пиши мне.

Целую тебя, Нюсиньку и Люсю³.

Твой папа.

¹ Дочь А.В. и Н.Л. Скалозубовых Анна Николаевна, будущий агроном-селекционер.

² Семья Н.Л. Скалозубова находилась в это время на его родине в Костроме.

³ Людмила Николаевна Скалозубова (в замужестве Багаева) — младшая из дочерей А.В. и Н.Л. Скалозубовых.

Письма Н.Л. Скалозубова к дочерям

* * *

30 сентября 1912 г.

Дорогая моя Надюшенька, вот я опять на Волге, в Костроме. Мамы нет, она уехала лечиться и живет у тети Лиды¹. Арюша, Коля и Люся² живут с Дуней³ в доме, где живет и тетя. Люся бегает к ней, скучает и мечтает, как она поедет в Тюмень поступать в коммерческое училище.

В Кострому приезжала Мариам, которая теперь будет жить в Уфе.

Я еду в Москву. У вас буду на Рождестве.

Здесь я отбираю ваши вещи, книги, отправлю их в Курган.

Рогдая отдала учителю в Пушкино. Он там чувствует себя хорошо. Сейчас у меня за спиной сидит Люся, жует калач и просит тебе и Люсе написать поклон. Арюша по карточке не узнала Олю и Валю⁴, так они выросли. Им кланяется, а также Марии Павловне.

Крепко целую тебя.

Твой папа.

Всем мой сердечный привет.

* * *

8 октября 1912 г.

Милая моя Надюшенька, меня очень опечалила твоя болезнь. Берегись, пожалуйста. Теплей одевайся.

Я жил почти неделю в Костроме. Мамы нет дома. Она живет у тети Лиды в Люблине, лечится. Коля и Арюша теперь живут очень дружно. Люся скучала. Я отдал ее в детский сад, который открыт какой-то гос-пожой в бывшей нашей квартире. Люся была этим очень довольна. Квартира наша в доме, где живет и тетя, Люся вечером влезает вверх к тете.

Коля и Арюша сделались вегетарианцами и совсем не едят мяса.

¹ Сестра А.В. Скалозубовой.

² Дети А.В. и Н.Л. Скалозубовых.

³ О многих упомянутых в письмах лицах не удалось найти каких-либо биографических сведений.

⁴ По-видимому, соученицы Надежды и Анны Скалозубовых по Тюменскому коммерческому училищу.

Твою коллекцию минералов и лоскутки разыщу, когда зимой буду возвращаться через Кострому в Сибирь. Сейчас я в матушке-Москве. Пасмурно, дождик, холодно.

Крепко тебя целую, моя дорогая. Будь здорова. Пиши мне в Кострому (Дворянская, д[ом] Перрота), там будут знать, куда мне направить письмо.

Мой сердечный привет всем.

Любящий тебя Н. Ск[алозубов].

* * *

27 октября 1912 г., Люблин

Милая моя Надюшенька, как-то вы поживаете? Как идет твое ученье? Все ли gut у немки получаешь?

Я приехал к маме в Люблин. Сегодня вместе едем в Варшаву, откуда мама поедет домой. Мама поправилась, лучше себя чувствует.

Я пожил у поляков в имении. Очень интересно было познакомиться со здешней жизнью. Зима здесь устанавливается в середине декабря, а сеять хлеб начинают в марте. Крестьяне-поляки очень бедны. Живут грязно. Бань совсем нет, и они никогда не моются. Разводят много свиней, гусей для продажи в Варшаву.

Пиши мне по такому адресу: Одесса, до востребования, Н.Л. Ск-ву.

Передай мои поклоны Марии Павловне, Анне Петровне¹ — им и мама кланяется низко. Петру Васильевичу², твоим товаркам — Оле и Вале.

Надежде Александровне мой привет, я буду просить ее написать мне открытку, как идут твои немецкий и природоведение.

Крепко тебя целую, моя дорогая.

Н. Скалозубов.

¹ Шалашникова Анна Петровна, учительница. В ее доме жили Надежда и Анна Скалозубовы в годы учебы в Тюменском коммерческом училище.

² Шалашников Петр Васильевич — бывший тюменский купец. В 1863 г. — березовский городской староста. Избирался членом правления Общества вспомоществования бедным учащимся Тобольской гимназии.

* * *

Милая моя Нюрасенька, когда я ехал в поезде из Иван-Города в Люблин, в вагон, полный евреями и поляками, вошли два музыканта — взрослый с мандолиной и маленький мальчик с гитарой. Мальчик был так мал, а гитара так велика, что он едва доставал кулачком струн. Играли «Шумна Марица» — болгарский марш. После игры он вынул из кармана ноты и обходил с ними пассажиров, собирая деньги. Деньги эти потом опустил в карман взрослого. Так он мне напомнил того маленького музыканта, о приключениях которого мы с вами читали в Плесе.

Напиши мне письмо. Клянюсь всем вашим котикам и собачкам. Крепко целую тебя.

Твой папа Н.С.

Мама вам будет писать особо.

Тебе и Надюше посылаю трафареты животных.

* * *

22 ноября 1912 г., пароход «Румянцев», Средиземное море

Дорогая моя Надюшенька, очень рад, что учење твое идет благополучно. Летом будем отдыхать.

Я пишу сейчас на пароходе, еду по Средиземному морю из Одессы в Херсон. Тепло, но туман, сыро. Когда выходили из одесского порта, на маяке ревела, как отбившаяся от стада корова, сирена: это звуком указывают морским пароходам, где входить в гавань. Сейчас мы в открытом море: кругом, кроме водной поверхности, ничего не видно. Пароход легонько качает. И вот я думаю о вас: здесь, на палубе я в осеннем пальто, а вы в теплых шубах. Я послал тебе из Одессы книжку об Египте, посмотри хоть картинки, если читать некогда.

В Одессе я любовался прибором волн на берегу моря. Жаль только погода пасмурная, море сердитое, темное.

Катаетесь ли вы на коньках? Есть ли они или привезти вам из Костромы? Напиши мне письмо в Харьков «до востребования».

На Рождестве, рано ли, поздно ли, я надеюсь проведать вас в Тюмени. Свой привет с моря шлю всем жителям дома — и живущим наверху — горе, и живущим внизу — под землёю.

Крепко тебя целую, моя милая доченька. Желаю тебе быть здоровой и победить твои науки.

Н. Ск[алозубов].

* * *

27 декабря 1912 г., Кострома

Милая моя Надюшенька, я приехал в Кострому. Здесь поживу до Нового года, потом поеду в Самару, Саратов, а затем заеду и к вам. Я очень запоздал в поездке и потому не успел исполнить свое обещание быть у вас на праздниках. Очень хотел бы, чтобы ты на праздниках отдохнула от занятий и повеселилась. Сейчас мы с мамой и Люсей собирали вам посылку, куда собрали разные ваши мелкие вещи.

Вот уже и половина зимы, скоро и весна. Я собираюсь в Курган. Там уже начали топить дом, где мы будем жить летом.

У нас гостит Юра¹. Он читает Люсе сказку. Да и сама Люся умеет и любит читать.

Я очень рад за тебя, что ученье у тебя идет [1 нрзб.] gut.

Крепко тебя целую.

Твой папа.

* * *

17 марта 1913 г., Артемьевское

Давно, мои милые девочки, я не писал вам большого письма. Сегодня воскресенье, 17 марта, хочу с вами побеседовать и рассказать вам о своей экскурсии на лыжах по березникам.

Сделалось очень тепло, ночью, говорит мой кучер, шел дождь. Снег сделался мягким, и мои узкие лыжи то и дело проваливались, но я решил идти вперед и осторожно, по старым следам лыж, пошел между березами.

Что-то за ночь случилось: еще вчера все было бело, и снег сверкал своей белизной и искрился на солнце цветами радуги; сегодня на снегу темными пятнами проявились следы зайцев и следы дорожек, оставленных моими лыжами. Помните, как проявляется рисунок на фотографической пластинке: она бела, но вот мы наливаем проявитель, качаем ванночку, и на белом фоне постепенно начинают выделяться силуэты пред-

¹ Юрий Николаевич — сын А.В. и Н.Л. Скалозубовых.

метов. Так и здесь: малозаметные на белом снегу следы проявились, сделались темными. В чем дело? Я нагнулся. Ба... знакомое явление.

Это березы почуяли весну и спешат посеять свои семена: сережки, висящие на ветках, отпустили порцию своих легоньких семечек. Масса их упала на снег, и ветром их смело со снега, и они скопились лишь в углублениях следов.

Вот вам эти семечки. Не правдали, они интересны? Маленькое семечко имеет крылышки. Ветром их поднимает кверху, и они могут далеко перелетать. Дивно устроено все в природе. Ничтожное, легкое, как пушинка, семечко березы вырастает в громадное дерево. У меня сейчас в комнате холодно. Топится камин. И я уже почти три часа беспрерывно подбрасываю в него поленья березовых дров, наколотых из одной березы.

Ничтожное семечко превратилось в мощное дерево. Откуда же все это взялось? Давно-давно один ученый задал себе этот вопрос и сделал опыт. Он насыпал в большой цветочный горшок 5 пудов сухой земли и посадил в нее ивовый черенок, весивший 5 фунтов. Землю поливал водой. Черенок скоро пустил корни и ветки. Выросла ива. Через 5 лет он ее выкопал и взвесил, она весила 4 пуда. Тогда он взвесил и землю, она весила те же 5 пудов без двух унций. Откуда же ива взяла свой вес? Этот ученый вывел заключение, что из воды, которою он поливал землю.. Так ли это?

Ты, Надюша, может быть, уже знаешь.

Я захватил с собою семечек березы, чтобы дома посмотреть их под микроскопом. Когда я увидел на снегу семена березы, я почему-то вспомнил Москву и парк Петровской Академии, где я по снегу уже бродил в ноябре, вспоминая время, когда я был там студентом. Почему вспомнил этот парк? Да потому, что тогда тоже была оттепель и тоже на снегу было много семян березы. Очевидно, она бросает свои семена не сразу, а порциями в разное время.

Ах... пока философ рассуждал, лыжа подвернулась, и я по пояс в снегу. Насилу выбрался и сел на отлогий ствол старой березы очистить от снега. Наклонился. Что это такое? По снегу прыгают какие-то черные точки. Рябит в глазах? Нет. Вот среди снежинок что-то чернеет, приближаю палец — эта точка прыгает. А, теперь понял. Это я опять встретил снеговую блоху, которую первый раз видел еще в Березове¹.

¹ Н.Л. Скалозубов находился в ссылке в г. Березове Тобольской губернии с марта по август 1906 г.

Я взял ком снегу и начал им собирать блох со снега. К мокрому кому блохи легко прилипали. Ком положил в карман меховой тужурки. Полюбовался еще на этих странных насекомых, живущих в снегу и, видимому, чувствующих себя там превесело, — и пошел домой.

Комок снегу положил в стакан. Когда снег растаял, на поверхности воды, не приликая к ней, лежали блохи. Я взял одну, положил на предметное стекло и стал рассматривать при малом увеличении под микроскопом. И вот что я увидел. Существо серо-черного цвета, гладкое, лоснящееся, как мокрица, но с тремя парами ног. Под микроскопом насекомое неуклюже переворачивалось с боку на бок, но лишь только становилось брюхом книзу — вдруг исчезало из поля зрения. Упрыгивало. Как оно прыгает? Ноги короткие. У блохи ведь задние ноги длинные, скакательные, как у лягушки. У этого нет. Смотрю дальше и замечаю на конце брюшка внизу отросток, направленный вперед, оканчивающийся вилочкой и прикрепленный задним концом к телу. В нем и секрет. Он служит блохе пружиной. Прикасаясь брюшком к земле, насекомое быстро откидывает отросток. Получается скачок. Отросток опять прижимается к телу.

Начал справляться в книгах, что это за насекомое. Сведений о нем мало. Оно принадлежит к самым простым насекомым, родственники его живут в сырости, под листвой, под камнями, в цветочных горшках. Один из родичей живет на альпийских ледниках, в трещинах. В первый раз в России их на снегу в феврале наблюдал один ученый в окрестностях Могилева.

Этой первой своей экскурсией я остался доволен. Кой-что, значит, интересное увидел.

Теперь у меня делается все веселей и веселей. Я занимаюсь в светёлке, где будете вы жить. Часто думаю, как это будет весело, когда вы тут будете бегать. Я послал вам семян сирени, собранных с наших, здесь, говорят, очень хорошие сирени. На днях ко мне приедет жить садовник. Нынче мы посадим и посеем массу цветов, овощей, посеем семян деревьев, кустарников. Завтра ставлю дождемер. Будем наблюдать, сколько дождя падает и снегу.

Шлю всем мой сердечный поклон — Петру Васильевичу и Анне Петровне, Марии Павловне и Надежде Александровне (вверху) и Оле, Вале и Насте (внизу).

Н. Скалозубов.

Письма Н.Л. Скалозубова к дочерям

Загрязнил, за это мне надо поставить двойку с минусом, а на пятерку переписывать некогда.

* * *

4 сентября 1913 г., Курган

Дорогая моя Надюшенька, очень рад за вас, что и уроки вам нравятся, и учителя. Учись, моя милая, не запускай уроков.

А у нас стоит превосходная погода. Я несколько раз видел в саду против своего окна твоего кролика, умывающего свою мордочку, вероятно, после вкусного обеда — он ест тыквы на грядках.

Летают еще бабочки, и особенно много их на оставшихся еще свежими астрах, резеде в саду.

Надеюсь, ты мою посылку с растениями получила. На всех ярлычках я написал название растений. Если бы у тебя было время, то следовало бы растения переложить в листы белой бумаги и приклеить к ней полосками бумаги. А бумагу проклеенную приготовить так. Взять листок бумаги, намазать его густо гуммиарабиком и оставить просохнуть. Тогда нарезать из листка узеньких полосок бумаги.

Недавно я ходил на большую экскурсию по Утяку до Крюковой. Жаль, мы не знали, что за прелесть там места. Будущим летом непременно туда будем путешествовать.

У меня в квартире большой ремонт: пристраивают кухню, скоро будут ломать печи, я перебираюсь жить на станцию в новое помещение. Мамы еще нет, она не может устроить Арюшу и Колю.

Володя уехал от отца и выдержал экзамен в Омское земледел[ьческое] училище. Летом будет приезжать к нам.

Пиши мне, как вы устроились. Кто живет вместо Оли?

Всем передай мой сердечный привет.

Крепко тебя целую, будь здорова, весела.

Н. Ск[алозубов].

* * *

26 сентября 1913 г.

Милая моя Надюшенька, мне грустно было читать твое письмо. Видимо, ты писала его, когда тебе было не по себе. Лучше в это время

писем не писать. Не всегда же ты бываешь такая всем недовольная. Ты не привыкаешь к коммерческому, Арюше надоела Костром[ская] гимназия. Живи, моя дорогая девочка, настоящим: у вас светит солнце, как и вере, солнцу все радуются, радуешься и ты.

Я очень рад, что ты учишься хорошо. А я и не знал, что коммерческое училище приготавливает тебя в торговки. На каком же это предмете обучают тебя торговать? Вот жаль, что с музыкой не устраиваются твои дела. Это ты бы мне раньше написала, надо бы поискать в городе учительницу музыки. Ты не отчаивайся. Учиться музыке еще не поздно для тебя.

Надюша, тебя как старшую я очень прошу почаще писать мне. Писать хоть немного, но писать. Вот если бы ты чаще писала мне, то не написала бы мне такого обидного упрека, какой мне сделала. Твоего кролика Вася поймал. Он жил под крыльцом. Там теперь завалили земель, ему негде жить. Пока взяли его в кухню.

У нас скотины увеличилось, есть еще собака Рекс, две кошки и ёж.

Надюша, если будешь писать письмо, не торопись и избегай ошибок.

Ну, милая моя девочка, бери себя в руки — ты здорова, исполняешь свои обязанности — значит, все хорошо.

Юра тебе кланяется. Передай мой поклон Марии Павловне и Анне Петровне.

Чем вы занимаетесь теперь по природоведению?

Крепко целую тебя.

Н. Ск[алозубов].

* * *

17 октября 1913 г.

Милая моя Надюшенька, очень ты порадовала меня своим письмом. Надеюсь, что к лету ты уже будешь мне играть «Чижика».

У нас в квартире полный разгром. Живем мы с Юрой в новом здании. К нашему дому пристроили кухню. Провели электричество, но еще не установлены машины, и свету нет.

От конопатки штукатурка вся осыпалась. А зимой пачкаться со штукатуркой не хочется, и мы будем жить в комнатах с облупившимися стенами.

Для работ в новом здании устроен большой зал: тридцать один шаг длиной и восемь шириной. Здесь у меня работают пока 4 девушки. Из

оставленных сжатых снопов пшеницы отбирают колос к колосу, чтобы получить чистый сорт пшеницы.

Разбирали кукурузу — получилось много спелых початков, очень красивых. День у нас распределен так. В половине седьмого приходят работницы. Мы с Юрой идем пить чай. В 7 часов Юра идет делать наблюдения по термометру и снимает дождемер. Теперь для метеорологических приборов построена будка прямо против окна станции, где я занимаюсь, между сиренями, на площадке. Затем до 11¹/₂ часов идут работы. В 11¹/₂ до 12 обед. Далее опять работа до 5 часов. Тогда темнеет. Огня не зажигаем. Работницы убирают и чистят помещение. Одна кормит кошек: на нашей службе состоят два кота Васьки — один глупый, другой умный. Настораживают на ночь ловушки и западни для крыс и мышей и уходят.

Мы с Юрой идем ужинать, пьем чай, а потом читаем. Прочитали Тимирязева «Жизнь растений». В 9 часов Юра идет снова наблюдать (да, забыл, второе наблюдение делается в час дня) и вскоре ложится спать, а я сажусь писать и занимаюсь часов до 11. И так изо дня в день.

Единственным утешением и развлечением служат письма. Вот почему я так рад их бывать от вас получать. Крепко тебя, моя дорогая, целую.

Н. Ск[алозубов].

* * *

29 октября 1913 г.

Милая моя Надюшенька, что-то давно нет писем от тебя. Напиши, что учите по природоведению.

Твой кролик сделался совсем ручным. Живет в кухне.

У нас сейчас ни зима, ни осень. То холодно и снег, то тепло и все растает. Мы перешли уже на зимнее положение: вставили окна. У меня работа в разгаре. Деревенские девушки разбирают пшеницы по колосьям, взвешивают, меряют. Юра делает мне подсчеты на счетной машинке, на которой научился прекрасно работать. Я пишу, пишу, пишу. По вечерам с Юрой читаем зоологию Полябера.

Никого не видим, никого не слышим. Из города к нам никто не приезжает, и мы в город ездим раз в неделю.

Маню я иногда вижу, она очень занята своими уроками и музыкой. Писать она ленива. Ее адрес: Курган, Береговая ул., дом П.П. Успенского, Марии Петровне Успенской.

От мамы давно не имею писем. У нее еще оказался воспитанник, мальчик.

Крепко тебя целую.

Н. Ск[алозубов].

* * *

8 ноября 1913 г.

Дорогая моя Надюшенька, что-то ты меня забыла. А я недавно вспоминал ваши летние занятия — из вашей комнаты все пришлось убирать, там проводили электричество и белили.

Третьего дня у нас зажгли электричество. Теперь уже будем говорить так: «Да, это было тогда, когда еще освещались лампами; это были такие сосуды с керосином, пламя закрывалось стеклом; при малейшей неосторожности лампы начинали коптить; тогда у всех в носу было черно».

Мы с Юрой собираем музей, у нас есть уже коллекция мышей, полевок, землероек, кобылок и др. насекомых; коллекция семян диких трав, гербарий, гнездо осы; запасы, сделанные хомяком на зиму из прутиков корневищ пырея и пр.

Юра научился хорошо считать на счетной машине и мне помогает. Он жалуется, что вы не пишете ему.

Крепко тебя целую. Передай мой сердечный привет всем.

Н. Скалозубов.

* * *

23 января 1914 г.

Милая моя Надюшенька, ты очень тронула меня своим письмом. Дорогая моя, зачем так думать о себе, что ты всех хуже: для меня ты дорога и мила, и я надеюсь, что ты работаешь сколько можешь. У тебя были сильно запущены первые годы ученья, вот тебе и трудно. Теперь ты начала правильно заниматься и постепенно овладеешь и математикой, и др. предметами. Не унывай, моя хорошая девочка.

В.К. Белобородов. «...Я так привык еженедельно получать от вас письма» (С. 107–129)

Семья
Скалозубовых

Н.Л. Скалозубов
и дети

И.Р. Ильин. Сибирь и Коктебель
(С. 256–267)

Р.С. Ильин
1928–1929 (?) г.

Мемориальная доска,
установленная на здании
Томского областного
краеведческого музея

Вероятно,
окраина
Обдорска.
1936 г.

Способности же у всех ведь разные: у одних к одному, у других к другому. У одних способности скорей развиваются, у других медленней. Ни огорчаться этим, ни завидовать другим не следует. Каждый ищет себе свою дорожку и по ней идет. Требуется от всех одно — добросовестность в труде.

Как идут твои дела с репетитором?

Мне так приятно было повидаться с вами, так люблю я вас. Мне хочется сделать все, чтобы сделать вас образованными и воспитанными.

Вот уже и зима перевалила на другую половину. На днях мы с Юрой заметили: начали весело щебетать какие-то птички. Солнышко дольше стало оставаться на небе. Не за горами и весна, а там и мои птички прилетят.

Очень радуюсь твоей дружбе с Нюрашей. Милая Надюшенька, напиши Юре письмо, его, бедняжку, точно все забыли — никто не пишет. Приходит почта, он обыкновенно спрашивает: а мне есть письма? Нет, нет и нет.

Пишешь ли ты маме? Т.к. вам трудно часто писать, то сделайте так: каждую неделю пишете письма поочередно: ты мне, Нюся маме, другую неделю Нюся мне, ты маме. О вас спрашивала бабушка, которая живет теперь в Киеве у вашей тети, у которой умер муж.

Прошлую неделю написал вам по открытке, но второпях оставил их в конторе и не знаю, отправили ли их.

Передай мой сердечный привет всем.

Крепко целую тебя.

Н. Скалозубов.

Мне предлагает Брант в Кургане купить пианино Карла Рёниша — перекрестные струны, 7 октав за 500 р. с рассрочкой платежа. Спроси, Надюшенька, Анну Петровну, не знает ли она, какова эта фабрика.

* * *

25 февраля 1914 г.¹

Милая моя Надюшенька, я так привык еженедельно получать от вас письма, что, не имея их в пятницу, заскучал. Здоровы ли вы?

Я остался один. Юра уехал в училище, собирается держать экзамены и приедет лишь к Пасхе.

¹ Письмо на листке со штампом: «Сибирское семенное хозяйство Л.Д. Смолина и Н.Л. Скалозубова».

У нас опять ремонт в доме: исправляют полы, и я вновь вышел из дома и поселился на станции.

Низко всем кланяюсь.

Крепко целую тебя.

Н. Скалозубов.

* * *

Нюрасенька, моя милая, что же это ты не написала мне письма? Как провела масленицу?

У нас уже весело начинают чирикать птички. Запахло весной.

Крепко целую тебя.

Н. Скалозубов.

* * *

18 марта 1914 г.

Милая моя Нюрашенька, как ты, март, не злился, как, апрель, не хмурься — все весною пахнет. На берегу Утыка на ивняхках распустились зайчики.

Вот скоро испортятся дороги, и я буду отрезан от мира. Рад бы на Пасхе с вами повидаться, но этого нельзя будет сделать. Мама собиралась ко мне приехать, но не знаю, соберется ли.

Не забывай, моя дорогая, писать мне.

Крепко целую тебя.

Н. Скалозубов.

Анна Петровна обещалась мне написать письмо, но забыла!..

* * *

18 марта 1914 г.

Милая моя Надюшенька, а чья была очередь писать в субботу? Вот уже и весна скоро: у нас появились грачи, в комнате ожили бабочки-крапивницы и павлиний глаз; днем нередко термометр поднимается выше 0°.

Юра приехал; выдержал экзамены, остается один по физике. У нас все еще продолжается ремонт дома, везде пыль и грязь.

Крепко тебя целую, моя доченька.

Мой привет всем.

Н. Скалозубов.

Письма Н.Л. Скалозубова к дочерям

* * *

27 марта 1914 г.

Милая моя Надюшенька, ты очень меня порадовала своим письмом; большое счастье учиться в училище, которым можно гордиться. От души приветствую твое желание быть достойной своего училища. Это заставит тебя поработать над собою, а это для человека всегда бывает полезно.

Могу тебе сообщить приятную новость: мама отказалась от мысли переезжать в Петербург, хочет пожить у меня, а Люлясю готовить в Тюменское коммерческое училище, если только Анна Петровна и Мария Павловна этого младенца примут.

Посылаю вам (имею в виду Марию Павловну) небольшую коллекцию семян цветов и др. растений. Цветочные семена из тех, что вы сами собрали — новых мы еще не получили. Можно уже и начинать сеять в плошки.

У нас прилетели скворцы, но тает снег еще медленно.

Тебя и Нюрашеньку крепко целую.

А еще кланяюсь Анне Петровне, и кланяюсь Петру Васильевичу, и кланяюсь Марии Павловне, а еще кланяюсь Надежде Александровне — вверху пребывающим. И кланяюсь внизу пребывающим — и Вале, и Анне, и Настиньке, и кучеру и пр. и пр.

Юра вам кланяется. Он у меня теперь за старшего помощника, им я очень доволен.

Н. Скалозубов.

Очень бы хотел посмотреть ваш журнал. А не принимают ли там корреспонденции из других городов?

* * *

16 мая 1914 г.

Милая моя Надюшенька, как рад я был, наконец, получить от тебя письмо. А я не писал, так как был крайне занят — встаем в 3¹/₂ часа утра, а ложимся в 11, к вечеру так устаю, что за перо не в силах взяться. Да и сообщение с городом по случаю наводнения прерывалось. Так же, как тебе хочется домой — мне хочется вас увидеть. У нас все цветет: яблони, сирени, вишни. Летают махаоны.

Хорошо, что у вас нет экзаменов.

Я очень рад, что с вами едет Мария Павловна. Число, когда предполагаете выехать, заблаговременно мне напишите, чтобы я мог выслать лошадей. Если же заранее это знать нельзя — не беда. Когда бы ни приехали, скажете, чтобы женщина, которая живет в доме Льва Дм[итриевича]¹, заказала лошадей ямщику, я распоряжусь об этом.

У нас теперь так здесь хорошо, что в комнату не хочется заходить. Твой калека кролик тебя ждет.

Итак, скоро, скоро Надюша и Нюся будут бегать по нашим полям и лугам, и лесам, а там и мама с Люлей приедут.

Крепко целую тебя и Нюрасю, а ей не пишу, т.к. она мне не написала, злодейка.

Мой сердечный привет всем и поздравление с весной.

Н. Скалозубов.

* * *

1 сентября 1914 г.

Милая моя Надюшенька, провожаю сегодня и Юрия. Остаюсь с Люлей. Она ведет себя прекрасно, не скучает, весела, про Кострому уж не говорит — и здесь хорошо.

У нас холодно, был сильный град.

Как-то вы доехали, намучились, вероятно; мысленно присутствую на вашем торжестве. Опиши мне его. Каков ваш класс.

К нам не раз приходили Надя и Толя, но без вас они уже не строят шалашей.

Поздравляю вас с началом учения. Желаю успехов. Не запускай уроков с самого начала.

Мой привет всем.

Крепко тебя целую.

Н. Скалозубов.

Как довезли гнездо? Не пострадали ли в дороге бабочки?

¹ Смолин Лев Дмитриевич — курганский купец. Успешно вел сельское хозяйство, в 1911 г. получил три большие золотые медали Омской выставки за представленные группы рогатого скота и свиней и за сыры. В 1913 г. совместно с Н.Л. Скалозубовым создал под Курганом сибирское семенное хозяйство.

Письма Н.Л. Скалозубова к дочерям

* * *

6 сентября 1914 г.

Милая Надюшенька, посылаю письмо Арюши. Мама благополучно возвратилась. Рассказывала о вашем училище. В восторге от Марии Николаевны.

Как пошли твои дела по математике? Учишься ли музыке?

Не скучай, моя милая Надюшенька. Впрочем, у вас столько дел в училище, что скучать и некогда.

Юра уехал.

У нас установилась хорошая погода, вот бы славно поехали на экскурсию, да время страдное: завтра воскресенье, я заказал уже с 5 часов рабочих — будем молотить.

Спасибо вам за письма, помните и впредь условие — раз в неделю писать.

Мой низкий поклон всем. Очень жалею, что ныне не был в Тюмени и не имел возможности попить в компании всех чайку.

Довезла ли тарантула Нюся, а ты осиное гнездо?

Крепко обеих вас целую.

Н. Ск[алозубов].

* * *

7 октября 1914 г.

Милая моя Надюшенька, ты не пишешь, чем ты была больна. Берегись, моя дорогая, простуды. К своим занятиям относись спокойно, не волнуйся, если немного отстанешь. Было бы желание добросовестно трудиться — знания придут постепенно.

Мы теперь с мамой остались одни. Мама занята приготовлениями к зиме. Вставляют рамы, готовят запасы. От Моти получили письмо, где он описывает, как его ранили. Копию этого письма мы вам пришлем. У Моти терялась способность речи, теперь он поправляется.

Очень рады за Люляшу, что привыкает к училищу. Как старшая, проявляй заботу к ней — она привыкнет относиться к тебе с уважением.

Мы с мамой постоянно вспоминаем вас. Пишите нам еженедельно. Анна Петровна уехал в Омск.

Крепко целую тебя, моя дорогая девочка.

Н. Ск[алозубов].

* * *

23 октября 1914 г.

Милая моя Надюшенька, посылаю письмо Моти, где он описывает бой. Не бросайте это письмо.

Учишься ли ты и Нюся музыке? Если нет, надо переговорить с Марией Николаевной. Дорогая моя, не отчаивайся, что не все понимаешь — постарайся только заниматься столько, сколько можешь. То, что теперь тебе кажется непонятым, в конце года сделается ясным.

Помогаете ли вы Люлясе? Ухаживаете ли за нею? Целую ее крепко, крепко.

Я тебе очень благодарен, Надюша, за письма. Передай мой привет Надежде Александровне.

Любящий тебя твой папа.

Милая Люляша, ау! Где ты? Не слышно твоего голоса.

* * *

6 ноября 1914 г.

Милая моя Надюшенька, очень рад за тебя, что учебные твои дела идут ладно и что ты начинаешь втягиваться в школьную жизнь. На Рождество нам очень хотелось бы привезти вас в Петровское; все дело в железной дороге — будет ли она к тому времени правильно доставлять поезда: сейчас приходится поездов ждать по суткам.

Мотя поправляется и снова собирается в действующую армию.

Коля перешел в частную гимназию в Ярославль и очень доволен. Таким образом, из Костромы мы все выбрались.

Юра усердно читает в школе сел[ьского] хоз[яйства] книги и тоже ждет, что достигших совершеннолетия скоро призовут на службу.

Мама была больна, теперь она совсем поправилась. Целые дни рисует. Ну, а как ваши занятия рисованием?

Дорогая моя девочка, старайся видеть около себя хорошее и не предъявляй к себе чрезмерных требований: каждый должен изучить себя, сосчитать свои силы и научиться всю ими пользоваться. Так, если замечаешь, что есть способности к музыке — усердно учиь ей; если есть способности к рисованию — рисуй. Никому не дано быть оди-

Письма Н.Л. Скалозубова к дочерям

наково талантливым на всех поприщах. Будь бодрой и деятельной. Интересно ли тебя естественная история? Что вы сейчас проходите?

Арюша пишет, что война выбила из колеи и ее, и ее подруг; хочет записаться в сестры милосердия. Тоскует.

Передай всем мой сердечный привет. Как чувствует себя Петр Васильевич?

Крепко целую тебя.

Н. Скалозубов.

Юра просит прислать ему письмо Моти. Возврати его мне.

* * *

13 ноября 1914 г.

Дорогая моя Надюшенька, зачем ты так пугливо извещаешь о «неуспешно». Неужели ты думаешь, [что] я или мама тебя будем упрекать или бранить? Ни у кого на свете все дела и всегда не идут успешно. Вот о чем мы хотели бы тебя просить — это чтобы ты спокойно относилась к делу. Работай, сколько можешь; то, что сейчас тебе кажется непонятным, поверь, через несколько месяцев будет совсем ясно. Что у вас проходят по физике? По естествоведению?

Колин адрес: Ярославль. Частная гимназия Щеголева, Николаю Никол. Скалозубову.

Маню Успенскую я давно не видал. При случае скажу ей, чтобы она писала тебе.

Мама поправилась. Она хочет заниматься рисованием в народной школе в Воинковой.

Крепко тебя, моя дорогая девочка, целую. Всем кланяюсь. Бывает ли у вас Надежда Александровна?

Н. Скалозубов.

* * *

Милая моя Нюрасинька, сообщаю тебе наши новости. Живет у нас кухаркой Агафья, замечательная тем, что выше всех живущих у нас людей. Кучером тот же Павел, которого чуть было не взяли на войну. Зато у нас новые животные: коровы, кошки с двумя котятками, один серенький, другой черненький — славные — и другая кошка с отмороженным ухом и хвостом; обе трехшерстные. Одна состоит на службе

селекционной станции и получает жалованье натурой — молоко с хлебом и немного мяса, другая дома — ест вволю. Собаки: Лапка и Слевка.

Передай мой привет всем в доме. Живет ли у вас кто из девочек, кроме вас? Где Валя?

Крепко тебя целую.

Н. Ск[алозубов].

Милой Люляше письмо. Нежный поцелуй от мамы и папы. А ну-ка, все ли у тебя успешно? Ждем письма.

Н. Скалозубов.

* * *

26 ноября 1914 г.

Дорогая Надюшенька, что-то давно нет от вас вестей, здоровы ли вы, как идут ваши дела? Вот уже скоро и Рождество, и мы с мамой обдумываем, как вас привезти сюда.

Как бы мне хотелось узнать, что вы учите, чем интересуетесь, какие затруднения встречаете и в чем. Что вы проходите по алгебре? Я бы с удовольствием с тобою занялся по алгебре, так как сам теперь понемногу повторяю курс математики.

У нас время идет однообразно: днем занимаемся, вечером во время чая читаем газеты, а потом опять занимаемся. Мама стала заниматься рисованием в Воинковской школе с деревенскими ребятами. Раз в неделю ездим в город.

Какие у вас новости в училище? Передай мой поклон Ник. Ник. Как здоровье Петра Васильевича и Федора Григорьевича? Всем мои приветы.

Крепко целую тебя.

Н. Скалозубов.

* * *

30 января 1915 г.

Милая моя Надюша, забыли вы о нас, а мы очень беспокоимся, здоровы ли вы.

Вот уже запахло и весной. Как-то идут твои дела? Мама собирается ехать в Москву посоветоваться с врачами и повидать Арюшу.

Я остаюсь один. Володя на Рождество поехал в Кострому и там захворал, сделался мрачен, придирчив, требователен. Живет у тети. Лечат его, и в школу он возвратится лишь в феврале.

Спроси, Надюшенька, у Виктора Ивановича, сколько я должен заплатить за музыку. Я позабыл, сколько платить за завтраки. Как справляешься ты с математикой и физикой?

Мне очень приятно было услышать о тебе одинаковый отзыв от всех преподавателей, что ты трудолюбива и добросовестна. Не смущайся, что с трудом усваиваешь некоторые предметы. То, что сегодня кажется трудным и непонятным, спустя некоторое время делается ясным. Старайся при чтении уроков понять мысль книжки, а не заучивай без понимания.

Арюша работает в лазарете с пленными немцами. По-видимому, очень устала.

Если тебе взгрустнется или явятся сомнения в своих силах — заходи к Марии Николаевне побеседовать, она охотно тебя выслушает.

Не утомляй себя, Надюша, лишней беготней. Впрочем, это я по себе сужу; может быть, эти беседы и чтения служат тебе тоже отдыхом. Только все-таки хотя раз в неделю надо хорошенько выспаться.

Как-то наша Люляся? Ты, Надюшенька, как старшая, позаботься о ней. Как бы там в школе опять ее не уронили с лестницы.

В этом конверте посылаю несколько семян [1 нрзб.] живого овса. Положи семя на стол и капни на него водой, следи — увидишь, как оно начнет поворачиваться и двигаться. Это злая сорная трава, родственная овсу.

Крепко целую тебя.

Н. Скалозубов.

Публикация Е.И. Пискунова.

Наследие

Жизнь на заимке и в селе в конце XIX века**(Из «Семейной хроники» *)****Переселение в Сибирь**

Сведения о своих предках я получил из рассказов деда Семена Егорыча Ларионова; они весьма скудны уже потому, что, будучи 11–12-летним мальчиком, я не умел поставить деду дополнительных вопросов для выяснения деталей, к тому же и воспоминания 75-летнего неграмотного старика не могли быть особенно яркими и подробными.

Мой прапрадед Афанасий переселился во второй половине XVIII века из Смоленской губернии в Западную Сибирь. В то время Сибирь была довольно пустынна и являлась обширным полем для колонизации. Переселенцы оседали, главным образом, вдоль тракта на сравнительно неширокой полосе, тянувшейся с запада на восток между 55° и 57° северной широты. По своим природным условиям эта полоса не резко отличалась от средней России, вследствие чего особенно охотно заселялась выходцами из этой последней. Кроме того, и правительство было заинтересовано в заселении указанной полосы, по которой пролегал путь, соединявший центр государства с Дальним Востоком. Поэтому оно предоставляло некоторые привилегии переселенцам.

Слухи о далекой окраине, доходившие до Афанасия Ларионова, были противоречивы; расстояние между западной Россией и Сибирью было так велико, что нечего было и думать при тогдашнем бездорожье о личной предварительной проверке этих слухов. Склад характера и убеж-

* Предыдущую публикацию отрывка из «Семейной хроники» сибирского учителя Ф.Ф. Ларионова см. в девятом выпуске «Подорожника».

дений у Афанасия был, однако же, таков, что мечты о привольной сибирской жизни, свободной от крепостного права, все больше и больше овладевали им. Трудно было расстаться с родными насиженными местами, с могилками предков, пугало также трехмесячное путешествие за свой счет и страх по колесным дорогам в неизвестную страну, однако же на семейном совете вопрос о переселении был решен в положительном смысле. После совершения всех необходимых формальностей Афанасий, погрузив свою семью и кое-какой скарб на телегу, запряженную одной лошадью, весной, когда подсохли дороги, покинул родную деревню, провожаемый до околицы родственниками и близкими знакомыми. Жена плакала, но Афанасий бодро шагал за телегой, превращенной при помощи бересты и половиков в подобие повозки. Предстояло пройти около 3000 километров с ночевками в поле, бережно расходуя накопленные после ликвидации имущества небольшие средства и пользуясь отчасти случайной помощью населения придорожных деревень. Ехать стало веселее, когда по дороге удалось присоединиться к маленькому обозу из телег и повозок отважных людей, также двигавшихся на восток в поисках новой родины.

Вот, простившись с членами сплотившегося за дорогу дружного коллектива, один из переселенцев свернул с большого тракта на проселочную дорогу с намерением поселиться в расположенной около озера деревеньке. Пример оказался заразительным: обоз начал постепенно таять. Иногда отделялось сразу несколько телег с тем, чтобы основать особую переселенческую деревеньку. В то время земля еще не была поделена между отдельными хозяйствами, поэтому каждый мог селиться, где хотел, и захватывать земли столько, сколько был в состоянии освоить. Прошагав за Уралом еще около 900 километров, Афанасий стал склоняться к мысли, что пришло время и ему бросить где-то якорь. Только 12-летний сын Егорушка, весь охваченный инстинктом путешественника, хотел бы двигаться все дальше и дальше на восток и открывать, таким образом, все новые и новые неведомые страны. Время сенокоса подходило к концу. По обеим сторонам дороги колосилась золотистая пшеница. Урожай нынче был прекрасный, и местное население очень нуждалось в рабочих руках. Вот дорогу преградила река Иртыш, более широкая и могучая, чем родной, оставшийся далеко позади Днепр. Переговорив кое с кем во время долгой переправы через реку на пароме,

Афанасий решил остановиться на жительство в первой после Омска большой деревне, расположенной среди обширных пространств тучного степного чернозема.

Жизнь на новых местах

Осиновые Колки представляли из себя довольно крупное село, и Афанасий не без тревоги думал о том, будет ли он принят сельским обществом в его среду, однако же полведра водки, купленные переселенцем на последние гроши, быстро привели решение вопроса на ближайшем сельском сходе в его пользу; Афанасий в качестве члена крестьянского общества получил равные со старожилками права на пользование земельными угодьями села Осиновые Колки. Но отсюда до прочного устройства на новом месте было еще далеко. Кончилось долгое путешествие, а вместе с ним и вынужденное безделье. Членам семьи предстоял тяжелый труд в качестве наемных рабочих в чужих хозяйствах. Правительство не давало переселенцам субсидий, и поэтому было нелегко пустить корни на новой почве.

Прежде всего необходимо было купить какой-нибудь домишко и обзавестись домашней утварью; в дальнейшем предстояло создать упорным трудом сельскохозяйственный инвентарь. Мечту о приближении полной хозяйственной самостоятельности приходилось откладывать из года в год. Обнаружились и кое-какие неудобные стороны избранного места жительства: мало было леса, который так необходим в хозяйстве и к которому так привык Афанасий на своей родине в Смоленской губернии; ближайшие к деревне удобные земли были уже захвачены старожилками, поэтому езда на пашню и сенокос отнимала много времени. Афанасий уже стал серьезно подумывать о переселении в какую-нибудь другую ближайшую деревню; часто прихварывая в последнее время, он стал также более внимательно прислушиваться к словам подросшего сына Егора, которого тянуло в далекие малообжитые просторы Сибири.

Благосостояние семьи, благодаря дружному труду всех ее членов, постепенно возрастало. Со стола не сходил пшеничный хлеб, который в Смоленщине был большой редкостью. Оставалось расплатиться с последними долгами для получения полной хозяйственной независимости. Однако же по мере того, как Егор Афанасьевич начинал играть ос-

новную роль в ведении хозяйства, семья стала все больше и больше склоняться к мысли о необходимости продолжить путешествие, со времени начала которого уже прошло около восьми лет. Роковое событие, которое не было большой неожиданностью для семьи, ускорило решение вопроса: жестоко простудившись во время весенних работ, Афанасий слег в постель и уже больше не поправился: воспаление легких быстро свело его, истощенного трудами, в могилу. Егор Афанасьевич после этого, выбрав себе в жены девушку, склонную поддерживать все его начинания, наконец принял твердое решение. На следующий год ранней весной был продан домишко и ликвидировано кое-какое лишнее имущество. На две телеги были погружены соха, борона, семена и разные предметы первой необходимости. Проехав около пятисот километров по Сибирскому тракту в восточном направлении, Егор Афанасьевич остановился на постоянное жительство в селе Каргатский форпост Убинской волости Каинского округа Томской губернии в пределах Барабинской степи.

Барабинская степь представляет из себя своеобразное явление природы и не подходит под обычное понятие о степи как безлесной равнине с характерным травянистым покровом и более или менее засушливым климатом. Напротив, Бараба богата озерами и речками и даже лесами, только леса эти располагаются здесь не сплошными массивами, а отдельными островками в понижениях рельефа — «колками», состоящими преимущественно из березы и осины. Около озер на болотах встречаются «рямы», то есть насаждения из болотной невысокой сосны, утопающей в подушках изо мха и багульника. Из почв в Барабе очень обыкновенен чернозем болотного происхождения.

В конце XVIII века Барабинская степь была еще слабо заселена русскими колонистами, и село Каргат служило форпостом для защиты от возможных нападений татар. Егор Афанасьевич не остался, однако же, в деревне и обосновался на заимке, то есть хуторе километрах в 25 от села вверх по течению реки Каргата, за лесами, речками и болотами, в непосредственной близости к сельскохозяйственным угодьям. Тут на левом возвышенном берегу реки Каргата (приток озера Чаны) построил он себе небольшой домик и двор и сделался, таким образом, единоличным распорядителем обширной земельной площади с неопределенными границами. На противоположном берегу реки простирался за-

ливной луг, отведенный правительством татарам, которые, однако же, никогда им не пользовались.

Здесь наконец Егор Афанасьевич нашел то, чего искал: естественные богатства природы, еще не затронутые рукой человека, ожидали приложения к себе труда. Для земледелия, и в особенности для скотоводства, открывались обширные возможности, тем более что на уголья не было никаких других претендентов. Между колками были расположены луга и участки земли, пригодные для распашки. В реке и озерах нетрудно было наловить рыбы. Весной воздух оглашался различными птичьими криками. В камышах по краям озер крякали бесчисленные стаи уток. Отсюда же, со стороны болот и озер, доносились стоны куликов и странные, необычные звуки, издаваемые выпью¹ и большой гагарой, известной под названием гагауча². Журавли то в одиночку важно расхаживали с курлыканьем по полянам, выискивая лягушек и ящериц, то попарно устраивали веселые танцы под ритмичные звуки в два голоса. Из колков вместе с запахом смородины, прелого листа и грибов неслись разноголосый гомон птичек и дробь, отбиваемая дятлами. Между колками устлавали свои шумные игрища краснобровые косачи в сообществе с пестрыми тетерками. Урманы изобиловали разнообразным зверьем, начиная с великана сибирских лесов лося, известного более под названием «сохатый», и кончая мелкими обитателями кустарников — горностаем и бурундуком.

По ночам собаки на заимке поднимали неистовый лай, чужая приближение то волчьей стаи, то медведя; лисица иногда прокрадывалась в хлев и похищала оттуда кур. В долгие зимние ночи на заимке было и скучно, и страшновато. Правда, здесь, вдали от большой дороги, не бродили злые люди, и всякий новый человек принимался с полным доверием и радушием. Чаще всего заезжали к «Егорушке»³ старообрядцы (староверы) проездом в Каргат как волостной центр с заимок и деревенек, расположенных в самых глухих частях урмана по верховьям Кар-

¹ Выпь большая, или водяной бык, а также бугай. — **Здесь и далее — примечания автора.**

² Гагара чернозобая.

³ Такое уменьшительное имя получил Егор Афанасьевич, вероятно, за свой мягкий, приветливый характер; отсюда пошла уличная фамилия «Егорушкины» вместо Ларионовы.

гата. От них семья Ларионовых восприняла повышенную религиозную настроенность, враждебное отношение к грубой ругани и таким новшествам, как курение табака и чаепитие.

Семья постепенно разрасталась, поэтому понадобилось построить новый дом — «пятистенку», состоящую из обширных сеней, по одну сторону от которых располагалась кухня с русской печью и полатями — изба, а по другую — чистая комната — горница. В новом доме преимущественно помещались сыновья Егора Афанасьевича — Семен (род. в 1812 г.) и Мартын. Старики же продолжали жить, по старой памяти, в привычной для них избушке. Здесь однажды Егор Афанасьевич жарко натопил на ночь печь и неосторожно рано ее закрыл; после этого он уснул и уже больше не проснулся. Егор Афанасьевич умер от угара.

Мой дед

Сыновья Егора Афанасьевича Семен и Мартын родились и выросли в глуши, на своей заимке, лишь в большие праздники выезжая в деревню. Впоследствии они иногда шутя говорили про себя: «Мы родились в лесу, молились колесу». Широкоплечие, могучего телосложения, они как нельзя более были приспособлены к жизни в этих суровых условиях, где ценятся, главным образом, физическая сила, а также ловкость и проворство в работе. Впоследствии Мартын отделился и поселился в Каргате. Семен также имел дом в деревне, но продолжал жить главным образом на заимке, которая по имени отца Семена стала называться заимкой Егорушкиных.

Из хозяйственных соображений, желая иметь в доме лишнюю работницу, Егор Афанасьевич очень рано женил своего сына Семена, когда последнему было всего только 13 лет; жена Василиса Макаровна была на один год старше. Семье было нетрудно отдать священнику нетель, и за это вознаграждение, пренебрегши церковными установлениями, последний повенчал молодую чету. Что такого рода случаи ранних браков не представляли в старину большой редкости, видно хотя бы из рассказа няни в пушкинском «Евгении Онегине»: «Да как же ты венчалась, няня?» — «Так, видно, Бог велел. Мой Ваня моложе был меня, мой свет, а было мне тринадцать лет». Впоследствии, вспоминая о ранней женитьбе Семена Егорыча, обыкновенно говорили в шутку, что когда он

вез на заимку молодую жену, то потерял ее в снегу и потом с трудом нашел.

Как бы то ни было, брак оказался счастливым, и супруги прожили до глубокой старости, неизменно сохраняя сердечную привязанность друг к другу. Впрочем, при спокойном и несколько угрюмом характере Семена Егорыча, сложившемся не без влияния лесной глуши, в которой он прожил большую часть своей жизни, лишь в редких случаях можно было наблюдать у него проявление каких-либо сильных чувств, да и не было причин для особенных волнений в узком кругу семьи, члены которой, изолированные от всего света самими обстоятельствами жизни, принуждены были выработать особенную сплоченность. Случаи семейного разлада стали происходить позднее, когда на авансцену на смену дедам и отцам выступили внуки. Из многих рождавшихся у Семена Егорыча детей сохранили свою жизнь лишь одна дочь и два сына: Филипп и Леонтий, но их отношение к отцу и хозяйственная деятельность были таковы, что Семен Егорыч, глядя на них, мог только радоваться.

Спокойный и мирный характер дедушки находился в известной гармонии с его необыкновенной силой, о которой среди местных крестьян сохранилось немало анекдотических рассказов. Так, например, если лошадь отказывалась вытащить воз, увязший в глубокой канаве летом или в ухабе зимой, то дедушка выпрягал ее и, приговаривая свое любимое выражение «по-божьему», спокойно вытягивал воз на ровное место. Ему казалось, что на медведя можно выйти с оглоблей в руке и одним ударом раздробить ему череп, когда он будет выходить из берлоги, и такой опыт он проделал однажды, хотя и не совсем удачно. Зимой он предпочитал умываться не водой, а чистым снегом. Надеясь на свое крепкое здоровье, он любил вместо окатывания водой после бани повалиться на морозе в снегу. Однажды, в начале зимы, он в предположении, что его скоро догонят на лошади, прошел несколько километров босой по только что выпавшему снегу. Такие рискованные опыты, однако же, не всегда обходились ему даром, и, будучи стариком, он жаловался на ревматизм в подошвах, то есть в ступнях ног.

Как ни медленно развивалась экономическая и культурная жизнь страны, она все-таки развивалась, и это развитие приводило, в конце концов, к возникновению различий во взглядах между отцами и деть-

ми на жизнь и способ хозяйствования даже в такой глуши, как заимка Егорушкиных. Сыновья Семена Егорыча и в особенности их молодые жены не очень-то были склонны зарываться на всю жизнь в лесной глуши. Напротив, их привлекала деревня с ее более веселой жизнью. Однажды Семен Егорыч заметил появление в доме на заимке невиданного до сих пор предмета — блестящего медного самовара, принесенного в семью Мариной Максимовной, молодой женой Филиппа. Узнав назначение этого предмета, Семен Егорыч почувствовал к нему вражду и объявил войну неслыханному новшеству — чаепитию, которое, нарушая унаследованные от предков обычаи и порядки, несомненно носило на себе печать греховности. Марина Максимовна, однако же, нашла себе союзников в лице мужа, деверя Леонтия Семеныча и его жены Арины Матвеевны. Поэтому борьба для деда оказалась непосильной. Уходя на рыбную ловлю на озеро, он пробовал уносить с собой кран от самовара, но это ни к чему не привело, и настойчивые невестки, в конце концов, приучили самого деда к употреблению чая со сливками; с этих пор блестящий самовар с чайником заняли прочное и даже почетное положение среди другой небогатой домашней утвари сибирского крестьянина. Конечно, чай употреблялся исключительно кирпичный. Когда его почему-либо не оказывалось на заимке, на заварку шли какие-либо местные растения, которые, однако же, не могли вполне заменить китайскую травку. Иногда на заимке появлялся сахар, обыкновенно в небольшом количестве в виде лакомства.

Сыновья Семена Егорыча, Филипп и Леонтий, хорошо видели, что в дополнение к сельскому хозяйству необходимы еще кое-какие промыслы для добывания наличных денег для покупки мануфактуры, чая, сахара и всего того, что приносила начавшаяся с половины XIX века более быстрым темпом развиваться экономическая и культурная жизнь прежде полудикой страны. Если на работе в будни можно было удовлетвориться одеждой и обувью домашнего и кустарного производства, то в праздничные дни мужчинам хотелось принарядиться в плисовые бекеши и легкие сапоги с блестящими подковами, которым так хорошо притопывать при исполнении русского танца; женщины шли в церковь в нарядных блестящих кокошниках, а девушки — в красных платках или шалях; на Масленицу при катании по улицам хотелось разукрасить дуги разноцветными лентами и, таким образом, блеснуть перед соседя-

ми. Все это уже можно найти в лавках, нужны только деньги. А между тем при отдаленности города крестьянам трудно было реализовать продукты своего хозяйства: хлеб, масло, мясо, сало; спрос же на эти товары на месте вследствие малочисленности разного рода служивых людей был невелик. Поэтому приходилось обращать особенное внимание на заработки, связанные с наличием Сибирского тракта. Филипп и Леонтий прекрасно учли это обстоятельство: имея на заимке стада коров и лошадей, они в селе занялись различными перевозками, притом не только на близкие, но и на дальние расстояния и могли передавать отцу на хранение довольно крупные суммы денег. Филипп Семеныч добывал, кроме того, немалые средства путем продажи шкур диких зверей, на которых он удачно охотился в лесах близ заимки. Против этих изменений в хозяйственной деятельности Семен Егорыч не имел особых оснований возражать.

Обстоятельства, однако же, сильно изменились после преждевременной смерти сыновей, когда первую скрипку в хозяйстве стал играть внук Николай Леонтьевич. Всегда спокойный и уравновешенный дед, видя, как власть постепенно уходит из его рук, сильно волновался при столкновениях с Николаем, который прибегал иногда к неслыханной прежде в семье Егорушкиных грубой ругани, был не прочь частенько выпить и погулять с друзьями в ущерб интересам хозяйства, главное же — курил табак, то есть совершал, по мнению деда, непростительный и отвратительный грех. «Табашник!» — гремел иногда дед в ссорах с Николаем, желая этим словом дать убийственную характеристику внуку. Только внуку Феде, 12-летнему сыну Филиппа, считал он возможным доверяться во время поездок на рыбную ловлю и описывать свое глубокое недовольство сложившейся обстановкой.

Однажды при рубке дров 80-летний Семен Егорыч поранил себе топором ногу. Рана плохо заживала, началась гангрена, которая свела старика в могилу.

Мой отец

Население в Сибири постепенно увеличивалось. Теперь сыновья Семена Егорыча (Филипп и Леонтий) чаще, чем их отец, встречались с различными людьми, многое слышали от них и имели возможность кое-чему от них научиться. Предстояло расширить хозяйственную де-

тельность, которая при отце была довольно односторонней и консервативной.

Но прежде всего необходимо было как-то устроить дело с отбыванием воинской повинности. Филиппу Семенычу предстояла перспектива пребывания на действительной военной службе в течение 25 лет. Потеря энергичного работника и притом на такой продолжительный срок отразилась бы губительно на развитии хозяйства. Поэтому понятно, что мысли членов семьи направились в сторону необходимости подыскания охотника, который согласился бы пойти в солдаты вместо Филиппа Семеныча. Такая замена не возбранялась законами тогдашнего времени. Конечно, наем добровольца обходился недешево и был возможен только для зажиточных семей. Решено было пойти на все жертвы, чтобы найти «наемщика» и условиться с ним относительно вознаграждения.

И такое лицо нашлось; медицинское освидетельствование показало пригодность его к военной службе. Договорные отношения с ним носили, однако же, чисто частный характер и не могли быть скреплены каким-либо юридическим актом, поэтому охотник мог безнаказанно для себя в любой момент расторгнуть договор. Термин «наемщик» стал в быту означать человека, способного на любые капризы и вымогательства по отношению к лицу, попавшему в зависимое от него положение. И вот начались для семьи Егорушкиных мучительные дни, когда «наемщик» куражился над ними и, что называется, вытягивал из них все жилы. Особенно был мучителен последний день, когда новобранец должен был поступить в распоряжение военного начальства: ведь наемщик мог расторгнуть договор в любой момент, и никакие жалобы не были бы приняты во внимание волостным или военным начальством. Наконец и этот день прошел. Все обошлось благополучно: наемщик был забрит в солдаты, и никакие отказы и протесты с его стороны уже не могли бы иметь значение. Словно гора свалилась с плеч семьи Егорушкиных. Теперь можно было строить жизнь на твердой основе.

Заметив, что пушнина довольно дорого ценится на рынке и находит себе легкий сбыт, Филипп Семеныч решил больше времени уделять охоте на зверей. В эту же сторону влекла его и присущая ему охотничья страсть.

Теперь можно было видеть на заимке различные трофеи удачной охоты. Так, под сараем обращали на себя внимание вколоченные в столбы огромные рога лесного великана — лося, служившие для подвешивания хомутов, вожжей, сбруи и др. В числе детских игрушек наряду с птичьими согнутыми в кольца трахеями и надутыми пузырями из зобов куропаток с постукивавшими в них горошинами в дополнение к жужжалкам из длинных птичьих костей появились медвежьи когти и клыки. На улицу и в особенности в церковь дети зимой выходили не в тяжелых бараньих, а в легких и красивых горностаевых шубках.

На волков, которые иногда совершали грабительские набеги на стадо овец и телят и были еще опасны тем, что среди них наблюдались случаи бешенства, Филипп Семеныч охотился на своем резвом и неутомимом скакуне, преследуя волка по снегу глубиною около трех четвертей аршина до его полного изнеможения, после чего серый хищник падал под ударами дубинки. Однажды охотник неосторожно подскакал слишком близко к волку, тот собрался с последними силами, подпрыгнул и вцепился зубами в морду коня, долго потом пришлось залечивать губы благородного животного.

На лисиц охота производилась таким же образом.

Несмотря на все старания, Филипп Семеныч не мог себе приобрести хорошего ружья, и охота на лосей и медведей с кремневым гладкоствольным ружьем, которое в случае необходимости из дробовика превращалось в мелкокалиберную винтовку, была не всегда удачна и при том весьма опасна.

Филипп Семеныч считался искусным и удачливым охотником, приносил домой много добычи и благополучно выходил из самых опасных и тяжелых положений. Это обстоятельство он приписывал в значительной степени силе тех молитв-заговоров, которые он произносил перед каждым видом охоты, и которые обыкновенно начинались с обращения к покровителю охоты Георгию Победоносцу. Научившись «самоуком» читать и писать, Филипп Семеныч тщательно записывал заговоры и заклинания, которые он слышал от прохожих людей, сведущих в этой таинственной области. Магической силе определенных словесных формул подчинялись, по воззрениям Филиппа Семеныча, не только звери и птицы, но и различные явления природы. Так, людям, застигнутым в поле грозою, нечего было опасаться удара молнии, если при

них был Филипп Семеныч: он подведет их под дерево, произнесет заклинание, и все обойдется благополучно¹.

Филипп Семеныч интересовался и другими родами словесных произведений: в свободное от работы время любил читать случайно попавшие в его руки книжки, часть которых покупал у разносчиков, часть же получал в подарок от интеллигентных проезжих, которым он рассказывал о своей страсти к чтению. Это были «Бова Королевич», «Еруслан Лазаревич», «Картуш и его похождения», «Восхождение Богородицы» и другие подобного рода книжки, широко распространенные в России тогдашнего времени. С особенным же увлечением он читал и перечитывал переводной французский роман «Антуан и Антуанетта», но такого рода книги ему редко удавалось доставать.

Разведение скота

Пастбищные просторы на заимке давали возможность разводить лошадей и рогатый скот в любом количестве. Ограничение возникало только вследствие необходимости запasti в течение лета достаточное количество сена на зиму. Впрочем, табун лошадей, в котором было несколько необученных, почти диких маток, служивших только для увеличения поголовья, мог в случае нужды в течение зимы прокормиться сам, оставаясь на свободе без сена, выбивая копытами из-под снега траву, которая на солонцах сохраняла свой зеленый вид в зимнее время. Таким образом, хозяйство располагало почти полусотней взрослых лошадей. Стадо рогатого скота было настолько велико и заключало в себе около двух десятков дойных коров и три-четыре десятка овец, что для него приходилось нанимать пастуха.

Тут следует заметить: так как почва — чернозем болотного происхождения — «не принимала» навозного удобрения, то есть ее урожайность от навоза не увеличивалась, а, напротив, понижалась, то накопившийся навоз никуда не увозили, и поэтому на месте нахождения скотного двора и ограды с течением времени выросал высокий холм, которому мог бы позавидовать знаменитый мифический царь Авгий. Раз-

¹ К сожалению, тетрадь с заговорами, представлявшая из себя ценный материал по фольклору, была впоследствии утрачена, хотя и дожила до того времени, когда сын Федор после смерти отца стал уже грамотным человеком.

ведение скота на заимке Егорушкиных в общем носило экстенсивный характер и на систематическое улучшение его породы не обращалось особенного внимания.

Для пастьбы коров и овец нанимали пастуха не каждый год, иногда эта обязанность поручалась кому-либо из членов семьи, обыкновенно ребятам в возрасте 9–12 лет. Так, одно лето пастухом состоял мой старший брат Михаил. Однажды стадо с шумом щипало траву на поляне между колками, а Михаил, слезши с коня, унесся куда-то воображением, представляя себе картины охоты, подобные тем, о которых он так часто слышал от отца. Вдруг, взглянув на коров, он увидел среди них медведя. Конечно, надо немедленно ехать на заимку и сообщить об этом факте старшим! Но как влезть на коня? Поблизости нет ни пенька, ни валежника, ни высокой кочки, при помощи которых легко взбираться на спину неоседланного коня. А между тем надо спешить, так как медведь не будет долго мирно расхаживать среди коров.

И вот мальчугану приходит блестящая мысль: он берет повод в зубы и энергично, опершись на него правой ногой, подгоняемый страхом, осуществляет казалось бы невозможное при данных условиях движение — садится на лошадь. Цель достигнута, но дорогой ценой: во рту оказался сломанный зуб. Прискакав на заимку, Михаил рассказывает о медведе тетке Арине Матвеевне, которая в данный момент была единственным человеком в доме, так как все члены семьи были на полевой работе. Не сомневаясь в своей способности прогнать хищника, женщина вскакивает на лошадь и во весь опор мчит к стаду. И что же она там видит? Среди мирно пасущихся коров ходит черно-бурый бычок, которого Михаил под влиянием пронесившихся в его воображении картин принял за медведя. Приехав домой, тетка шлепнула племянника по спине ладонью и отправила его снова к стаду. Долго потом этот случай являлся предметом веселых шуток, но Михаилу было не до смеха: ведь он на всю жизнь остался без переднего зуба.

Наличие Сибирского тракта и большое количество лошадей в хозяйстве давали Егорушкиным возможность заниматься всеми видами извозного промысла: они гоняли почту, возили вольные, возки и отдельные воза. Наконец, Филипп Семеныч взялся за выполнение большого дела и удачно с ним справился: доставил на своих лошадях в г. Ялуторовск, находившийся от Каргата в 700 километрах, целый обоз

чая из 50 возов. Выручаемые крупные суммы сыновья отдавали отцу. Тот, не зная, что с ними делать, прятал их где-нибудь в конюшне под матку или крышу, иногда забывал о месте хранения, а потом они сгорали во время пожара, который время от времени уничтожал более или менее значительную часть деревни. Как бы то ни было, хозяйство обна- руживало все признаки здорового роста до пределов, какие были воз- можны при тогдашних условиях крестьянской жизни.

Смерть отца

Но тут на семью обрушились два огромных несчастья: у Семена Его- рыча сначала погиб один сын, а потом умер и другой.

У Филиппа Семеныча при всех его крупных достоинствах был один мелкий недостаток, одна ничтожная червоточина, которая, однако же, привел к большому несчастью. Это его недооценка тех вредных послед- ствий, которые может повлечь за собою употребление водки. Тут он разделял общий недостаток людей его среды. Еще исстари повелось, что «веселие Руси есть пити, не можем без того быти». А разрыв с пат- риархальной жизнью, которая раньше протекала, главным образом, на заимке, и возросшая зажиточность при отсутствии культурных раз- влечений могли только усилить начавшую развиваться склонность по- догревать настроение духа при помощи водки, правда, только в том случае, когда представлялся удобный предлог.

В июле 1879 г. Филипп Семеныч отвез «вольную» в Каргат и, под- выпив немного со своим дружкой Ермишонковым, возвращался по пыльной дороге домой. Сенокос был в полном разгаре, подходило вре- мя жатвы. «Надо бы подбросить рабочих на заимку, думал Филипп Семеныч, своя семья не справится со всей работой». Солнце припека- ло, слепни однообразно гудели около вспотевших лошадей. Колоколь- чики лениво позвякивали под дугой. Хотелось вздремнуть. Тройка на- гнала трех пешеходов, внешний вид которых изобличал людей, не имев- ших определенных занятий. Филипп Семеныч остановился и спросил, не желают ли они поработать у него несколько дней? После некоторых переговоров произошло соглашение, и люди — двое мужчин и одна женщина — сели в тарантас.

Снова забрякали колокольчики под дугой медленно бегущей тройки. Поговорив немного со своими случайными пассажирами, Филипп Семе-

ныч опять стал дремать, не подозревая, что за голенищами у мужчин найдутся остро отточенные ножи. Один из бандитов предложил ему услуги по управлению лошадьми, и, когда Филипп Семеныч крепко заснул на дне тарантаса, у разбойников началось совещание об убийстве и ограблении хозяина, у которого можно было предполагать значительную сумму денег. Женщина возражала, но мужчины настояли на своем. Злодеи бросились на спящего крестьянина, и хотя он пытался было сопротивляться, быстро покончили с ним. Потом они отвели тройку в сторону от дороги, завели ее в кустарник, выгасили деньги из кармана окровавленной жертвы (их оказалось немного), забрали кое-какие вещи и скрылись.

Это случилось в нескольких километрах от Каргата. Ехавший из Каргата ямщик заметил стоящую в стороне тройку и после короткого обследования погнал своих лошадей в Каргат, чтобы сообщить властям о происшествии. Труп был помещен в Каргатский убогов дом (холодильник). В тот же день к вечеру семья Егорушкиных узнала об ужасном событии.

По всему дому поднялся плач. Весть о смерти мужа, как громом, поразила Марину Максимовну, оставшуюся вдовой с тремя детьми на руках. Жизнь, которая, казалось, развивалась в столь счастливых условиях, была разбита.

Что касается преступников, то они через некоторое время были обнаружены. Женщина, бывшая в одной компании с убийцами, отделилась от них и сделала показания властям. Преступники были пойманы, судимы и осуждены, но какое это могло иметь значение для людей, у которых уже был большой опыт по ускользанию из любых мест заключения? Таких суровых мер наказания, как расстрел, гуманный Судебный устав 1864 года не знал.

Сибирский тракт

С завоеванием Сибири и продвижением русских на восток до самого Тихого океана явилась потребность в устройстве дороги, которая связала бы в одно целое эту огромную провинцию, раскинувшуюся с запада на восток на протяжении 10000 километров, и соединила бы ее с центром государства. Что же представлял из себя Сибирский тракт? Это была сравнительно узкая лента земли, приспособленная для передвижения экипажей и пешеходов, прихотливо изгибавшаяся в сторо-

ны, но упрямо шедшая на восток, пересекая леса, степи, топкие болота и широкие реки. Она шла, в общем, по средней части Сибири между северной тайгой и южными степями по наиболее плодородной и пригодной для колонизации части новооткрытого обширного края.

Дорожные приспособления здесь были весьма немногочисленны: несколько приподнятая немощеная середина дороги, канавы для стока воды по обеим сторонам от нее. Деревянные мостики и мосты через ручьи и речки; «гати», то есть настилы из хвороста и дерна через болота, паромы через реки; по сторонам — полосатые версты для обозначения расстояния между станциями и столбики, служившие вехами для ориентировки во время зимних вьюг, — вот и все. К этому присоединились впоследствии еще телеграфные столбы с таинственно гудящими проволоками, заставлявшими вспоминать о каких-то якобы содержащихся в Библии предсказаниях о том, что перед концом мира и пришествием антихриста земля будет опутана дьявольскими сетями.

Черноземная пылеватая почва в ненастную пору превращалась в месиво грязи, в сильной степени затруднявшей движение экипажей; при высыхании грязь превращалась в крепкие комья, которые приходилось разбивать при помощи особой тяжелой бороны; в дальнейшем на дороге получался слой пыли, легко поднимавшейся в воздух в виде столбов при движении экипажей и крупных партий пешеходов. Зимние морозы и снежный покров значительно улучшали дорогу, но тут возникали новые препятствия в виде ухабов и раскатов. Ухабы, по местному «нырки», иногда в многоснежные зимы достигали глубины почти в рост человека, по обе стороны от возвышавшейся в виде горба середины дороги шли «раскаты», по которым сани скользили в сторону и вниз и тем затрудняли работу лошадей.

Главными грузами, шедшими с востока в Россию в зимнее время, были кирпичные и байховые чай, меха и драгоценные металлы — золото и серебро. Перевозка этих товаров производилась или в форме обозов, состоявших из большого числа одноконных возов, или в форме громоздких возков, в которые запрягались по десять и более лошадей.

Морозная зимняя ночь. Поскрипывая полозьями, идет сильно растанувшийся обоз с кирпичным чаем. Характер скрипа сильно меняется, когда хорошо накатанная дорога оказывается переметенной полосками мелкого снега, которые, подобно песку, сильно задерживают сколь-

жение саней. Рослые сильные кони приобрели в пути значительный опыт и не уклоняются ни вправо, в наветренную сторону, где сразу начинается глубокий неутоптаный снег, ни влево, в подветренную сторону, в полосу раскатов; они идут по средней, наиболее плотной части полотна, выбивая ногами на твердом снегу ступеньки. Сани скрипят и равномерно постукивают об эти ступеньки, как о шпалы. Вот полотно оказывается пересеченным глубоким ухабом; воза поочередно ныряют в нем, все более и более углубляя его. Рядом с некоторыми возами шагают ямщики, зорко посматривая по сторонам, где в снегу, одетые в белые халаты, могут прятаться любители легкой наживы, готовые срезать цибик чаю. Горе вору, если он будет застигнут ямщиками на месте преступления: забьют они его насмерть своими «батиками», то есть дубинками с чугунными шарами на конце, забьют и бросят мертвое тело в снежный сугроб; виновные в убийстве не будут отысканы.

«Вот мчится тройка удалая...» Подобранные со знанием дела колокольчики звонко заливаются под дугой. В кошевке под теплым одеялом дремлют три путника; на дне ее какой-то ценный груз: может быть, собольи шкурки, может быть, особенно ценные сорта чая, а может быть, пассажиры везут при себе мешочки с золотым песком с Олекминских или Витимских приисков. Как ни искусен в управлении лошадьми владелец тройки Васька Ермишонков, но и он начинает нервно дергать вожжами: предстоит нелегкая задача: разъехаться с сильно растянувшимся обозом. На широкой дороге есть место для объезда, но тройке предстоит лететь по неровным раскатам с уклоном налево: здесь легко опрокинуть кошевку, вытряхнуть пассажиров и, может быть, даже сломать оглоблю. Тогда не получит ямщик денег на водку, кроме того, придется ему выслушать от путников ряд суровых замечаний, но с Васькой Ермишонковым таких случаев почти никогда не бывает.

Обозами перевозится обыкновенно только кирпичный чай, который не утрачивает своих свойств при продолжительной транспортировке, и цена которому на месте доставки всего только 80 коп. — 1 рубль за кирпич. Байховый чай доставляется более быстрым, но и более дорогим способом — на возках. Возок — это огромный воз на больших крепких санях, полозья которых могут выдержать большую тяжесть и сильные удары при движении по сугробам и ухабам. В такой возок запрягается, в зависимости от его размеров, около десятка и более ло-

шадей, иногда гусем в два или три ряда. На возке помещается с опасностью для жизни ямщик с целым набором вожжей в руках. Чтобы не свалиться с возка и не быть раздавленным, он иногда привязывает себя к сиденью, хотя это сильно стесняет его движения. Такому возку особенно трудно перегнать обоз, приходится долго кричать, пока передовой ямщик обоза не остановит лошадь, чтобы пропустить возок.

Вот тройка Васьки Ермишонкова под утро, проделав 30-верстный путь, въезжает в деревню. Во многих окнах светятся огоньки. Сегодня праздничный день, хозяйки встают пораньше, чтобы напечь блинов, шанег или калачей к утреннему чаю. Члены семьи готовятся сесть за стол, освещенный сальной свечой. На звук колокольчиков многие жители деревни выскакивают за ворота и стараются определить, кому принадлежит тройка. Ямщик покрикивает на уморившихся лошадей. Ах, это Васька Ермишонков! К кому он завезет «вольную»¹? Наверно, к Егорушкиным, так как там именно находится звено того «путика», частью которого является и Васька Ермишонков в Каргате.

Бойко подъезжает тройка к воротам и круто останавливается. «Эй, хозяин! Кони есть?» — «Есть, есть!» — отвечают хозяева, уже открывая широкие ворота. Экзамен выдержан: ямщик быстро и благополучно доставил путников. Они вылезают из кошевки, чтобы расправить онемевшие члены и посушить в теплой комнате отсыревшую одежду и обувь. По приглашению хозяина они садятся за стол и съедают по несколько горячих блинов, запивая их густым чаем. Путники дарят хозяйским ребятишкам по сладкой булочке и оставляют на столе копеек 25 за чай и квартиру; они также охотно отвечают на расспросы любознательного хозяина. Последний не упускает случая поучиться у них грамоте: в 30 лет он почувствовал неодолимое желание научиться читать и писать. Между тем в ограде в кошевку впрягается свежая тройка. Васька Ермишонков уже получил прогоны из расчета по 1,5 коп. на лошадь с версты да еще на водку 15 коп., то есть всего около 1,5 рубля. Это деньги не маленькие, потому что на них можно купить ситцу почти на три рубашки.

¹ Ехать по тракту можно на вольных или на почтовых. Езда по свободно выбираемому ряду ямщиков — путику обходится для пассажиров несколько дешевле, чем езда на почтовых лошадях через почтовые станции. Конечно, не все путики имеют одинаковое достоинство, в интересах пассажира попасть на хороший путик, состоящий из цепи исправных ямщиков.

Часам к 10 утра и обоз показался на улице Каргата, которая растянулась почти на целую версту. Главный ямщик, которому принадлежит большая часть лошадей в обозе и который поэтому является его главным распорядителем — подрядчиком, заблаговременно приехал в деревню на паре лошадей, подыскал для него подходящую квартиру и стоит теперь у ворот крестьянина Якова Маркова в ожидании обоза. Яков Марков — исправный мужик; он и в кабаке появляется не иначе, как в плисовой поддевке (бекеше). Его обширный двор может вместить большое количество возов и лошадей. На «поветях»¹ находятся значительные запасы хорошего сена, а из закровов своего амбара он может отпустить для обозных лошадей немалое количество больших «пудовок» овса², а в его просторном двухэтажном доме ямщики, плотно пообедав жирными щами, могут обсушиться и отдохнуть после бессонной ночи. Хозяин получит заранее условленное вознаграждение за свой труд и отпущенный фураж, в зависимости от размеров обоза.

Кроме обозов, шедших на протяжении нескольких сотен верст при одном и том же составе ямщиков и лошадей, были обозы, в которых этот состав менялся на каждой станции. В таком случае в каждой деревне транспортировка обоза захватывала более или менее значительный круг крестьян, и между претендентами на перевозку нередко возникали распри. Для предупреждения последних иногда прибегали к следующему приему: когда обоз приближался к деревне, соревнующиеся крестьяне по данному знаку бросались ему навстречу, в зависимости от условия, пешком или верхом на лошадях, и кто захватывал воз, тот и получал право на его перевозку.

Конечно, и тут дело не обходилось без крика, брани и ссор, потому что каждому хотелось заработать немного денег, чтобы уплатить подать или купить такие предметы, которые не производились в его хозяйстве. Так, однажды мой дедушка Семен Егорыч по приходе обоза в деревню стал уже впрягать лошадь в захваченный его сыном Леонтием воз, как к нему подскочил один бойкий мужичонка и стал доказывать, что воз принадлежит ему. Дедушка не умел спорить и ссориться, поэтому, чтобы отстоять свое право, он употребил другой прием: он с такой силой затянул супонь хомута, что его соперник никак не мог распрячь

¹ Поветь — крыша скотного двора или сарая.

² Пудовка — кадочка, вмещающая приблизительно пуд зерна.

лошадь, и сколько он ни налетал на невозмутимо стоявшего Семена Егорыча, угрожая побоями, в конце концов принужден был сдаться и уйти ни с чем.

Кто не хотел ехать на вольных, то есть на основе свободного соглашения с ямщиками, тот мог ехать на почтовых лошадях, поставляемых группой крестьян по особому договору с почтовым ведомством. Здесь ямщики были связаны точными условиями в отношении срока подачи лошадей и скорости езды, а также качества подаваемого экипажа. При несоблюдении этих условий ямщик подвергался штрафу. Проезд на почтовых стоил несколько дороже, чем на вольных, зато пассажир здесь был гарантирован от всякого рода случайностей. Качество станционного помещения и комнаты для отдыха почтальонов и пассажиров были также стандартны для всех станций. В задачу почты, конечно, входила и перевозка казенной и частной корреспонденции и посылок. Время от времени с особыми предосторожностями и под усиленной охраной перевозились по почте партии золота и серебра, шедшие с Олекминских, Витимских и Нерчинских приисков. За «гоньбу»¹ почты брались наиболее исправные, зажиточные крестьяне, которые располагали достаточным количеством крепких лошадей, кормами и такими экипажами, как тарантасы и повозки; гоньба доставляла почтовикам приличный доход.

Совсем другой характер носила обязательная поставка лошадей для так называемых «подвод», на которых ездили служащие и чиновники различных рангов, начиная с сотского волостного правления и кончая начальником губернии, в порядке выполнения ими служебных командировок. Подводы возили крестьяне по главному тракту и проселочным дорогам поочередно, по особому наряду, обыкновенно бесплатно, в порядке отбывания натуральной повинности, ложившейся известным бременем на плечи крестьян.

По Сибирскому тракту не только ехало, но и шло пешком много всякого народу. Одни шли по доброй воле, как, например, богомольцы, ремесленники, золотоискатели, «ходоки». То есть разведчики новых земель для поселения, мелкие разносчики товаров и, наконец, просто бродяги, другие шли поневоле, как, например, партии новобранцев, ссыльных, осужденных на каторгу.

¹ Гоньба — перевозка на договорных началах.

На сибирской дороге нередко можно было видеть пешеходов, в которых опытный взгляд по их посохам и особому благообразному виду легко угадывал странников, шедших на поклонение мощам угодников и чудотворным иконам, которых было так много в богобоязненной России. Вот один из таких богомольцев идет, тяжело переступая усталыми ногами. Только к вечеру недолгого осеннего дня добрался он до села и попросился переночевать у Сергея Щедровитова, объяснив ему, кто он и куда идет. Взглянув на тщедушную фигуру плохо одетого странника, хозяин радушно открыл ему двери своего дома. Вечером, отдохнув и поужинав за одним столом с семьей добродушного Сергея Яковлевича, странник много рассказывал о том, где он бывал и что видел. Рассказывал он также много о тех подвигах благочестия, которые совершали угодники и которыми они заслужили себе особую милость Божию.

На следующий день утром, проходя по деревне, он попросит в некоторых домах милостыни Христа ради и положит в свою сумку несколько кусков, которые обеспечат ему дневное пропитание — хлеб насущный. А оставшийся дома хозяйский мальчик будет искать по вечерам уединения, чтобы читать молитвенник и класть земные поклоны, решившись строго соблюдать в своем поведении все заповеди Господни и тем приблизиться к тому идеалу человека, который возник у него под влиянием рассказов странника и чтения житий святых. Нужно сказать, что мечты и стремления мальчика не совсем бескорыстны. Дело в том, что он никак не может примириться с мыслью о смерти, и хотел бы подобно Еноху и Илье-пророку заслужить себе особую милость Божию и, не умирая, быть взятым живым на небо.

В течение летнего дня по селу проходит, чаще всего в сторону России, немалое число по-нищенски одетых людей с котомками за плечами, не могущих рассчитывать на сколько-нибудь любезный прием со стороны сибирских крестьян, наученных горьким опытом делать тонкие различия между видами прохожих. Остановливаясь перед окнами, они нараспев поизносят стереотипную формулу, в которой имеется на первом плане обращение к кормильцам, а в заключение неизбежная концовка: «Подайте милостыню Христа ради». Если только хозяйка находится дома, то окно обязательно открывается, и в подставленный мешок падает кусок хлеба. Такая щедрость крестьян к подаче милостыни объясняется, главным образом, состраданием к этим бездомным

людям, принужденным по той или иной причине скитаться по свету, отчасти же страхом перед беспокойным, способным на всякие отчаянные действия элементом.

Никто не спрашивает у них документов, а между тем многие из них идут с явным нарушением действующих законов. Тут встречаются ссыльные, которые сорвались с места своего поселения и идут на далекую родину, чтобы повидаться с близкими, а иногда совершить акт мести. Есть среди них и беглые каторжники, сумевшие с риском для жизни обмануть бдительность стражи и освободиться от тяжелых кандалных цепей. Есть тут и профессиональные бродяги, которые органически не могут жить продолжительное время на одном месте и заниматься мирным трудом. Лишь в редких случаях нарушаются основанные на неписаном договоре мирные отношения между оседлым населением и странствующим элементом, среди которого немало опасных для общественного порядка преступных людей. Случаются иногда ограбления, убийства и поджоги со стороны бродяг. Бывают и различные формы «линчевания» со стороны крестьян, когда они, поймав бродягу на месте преступления, сажая его в мешок и, крепко завязав, бросают в реку.

Сегодня сельский староста получил от приехавшего офицера уведомление, что в селе должна быть расквартирована для ночлега партия новобранцев, идущая на восток. Сотский обошел село и написал на воротах домов мелом цифры, показывающие, сколько человек должно быть принято в данный дом. Одетые в полушубки и пимы новобранцы мало-помалу разбегаются со смехом по крестьянским домам. Здесь они обсушатся, получат более или менее сытный обед и ужин, в зависимости от степени зажиточности крестьянина, и отдохнут. Хозяева получают право на вознаграждение за квартиру и стол по определенной таксе. Но в большинстве случаев они откажутся от этой платы из сочувствия к молодежи, покинувшей родные семьи и идущей на долгие пять лет в Хабаровск, Благовещенск, Владивосток и другие города Дальнего Востока.

А вот более тесным строем проходит по селу колонна людей в однообразных серых костюмах и с серыми лицами, позвякивая тяжелыми ножными кандалами. Это каторжане, идущие из России на восток, где им придется в течение ряда лет работать в каком-нибудь руднике в условиях тяжелого каторжного режима. Зорко следят солдаты-конвоиры за всеми действиями этих людей, которые ни при каких условиях не перестают

ют мечтать о свободе и которые для ее возвращения способны на самые отчаянные поступки. За колонной следует несколько конных подвод для больных и слабых арестантов и для женщин, иногда добровольно следующих за мужьями. Из ворот одного дома стремительно выбегает крестьянская девочка и без помехи со стороны конвоиров передает «несчастеньким» горячую «шаньгу»¹. один из арестантов, отделившись от партии, крестясь, принимает подавание и кладет его в общий мешок.

В селе имеется этап для пересыльных, и каторжанам предстоит здесь отдых — «дневка». На следующий день в числе подводников при партии оказался десятилетний мальчик Федя. В ожидании отправления партии он зашел в караульный дом. Здесь на печи грелся пересыльный и высоким фальцетом пел какую-то песню. Незнакомый мотив песни и то чувство тоски, которым она была проникнута, — все это было ново для крестьянского мальчика и глубоко запало в его душу.

Мое детство

Когда пришло время родить, Марина Максимовна, согласно обычаю, удалась из дома в небольшую избушку, стоящую в ограде. Вторая сноха, Арина Матвеевна, жила в это время на заимке, где было большое хозяйство, и поэтому все дела по деревенскому дому пали на девятилетнюю дочь Александру. Но это продолжалось недолго: Марина Максимовна скоро вернулась в дом с новорожденным мальчиком и снова принялась за обычные работы.

Священник при крещении назвал мальчика Федором. Это случилось в конце февраля 1876 года. «Ох, какой он у тебя тяжелый, Марина Максимовна! Не жилец он будет на этом свете», — говорили родственницы и знакомые, беря мальчика на руки на первом году его жизни. Несмотря на столь категоричное предсказание, он успешно развивался, пользуясь старательным уходом матери и сестры и развлекаемый четырехлетней братишкой Мишей.

Мои самые ранние воспоминания относятся к четвертому году моей жизни.

Вот я стою перед отцом, который, закинув ногу на ногу, выстрагивает тонкие палочки. Узкие стружки весело выбегают из-под острого ножа,

¹ Ватрушка.

и это меня занимает. Палочки нужны отцу для насторожки «плашек», то есть особого рода ловушек на горностаев. Мне представляется, что отец мой был невысокого роста с темной окладистой бородкой и темно-серыми глазами. Эти воспоминания отличаются, однако же, туманностью, и я даже допускаю, что эти образы созданы впоследствии моим воображением. Страшное несчастье — неожиданная смерть отца, обрушившееся на нашу семью в 1879 году, когда мне было около трех с половиной лет, — оставило более заметные следы в моем мозгу.

Месяца проходили за месяцами, и первоначальная острая боль начала постепенно стихать. Конечно, при мне часто повторялись подробности убийства, и эти рассказы оставляли в моем воображении глубокий след. Я часто вскакивал по ночам и, преследуемый какими-то страшными видениями, с криком выбегал на крыльцо. Вообще мне часто казалось, что меня преследуют разбойники. Днем, однако же, мы весело играли с братом Михаилом, пока он к весне 1880 или 1881 г. не заболел оспой. Почему-то мне в связи с этим припоминается крашенный, блестящий на солнце пол. Помню также, что обезображенное оспенными пустулами лицо брата мне казалось комичным, и я даже находил возможным подсмеиваться над ним, хотя под влиянием внушения со стороны старших и сознавал, что это нехорошо.

Скоро, однако же, последовало наказание за мои дурные действия: я сам заболел оспой и притом в более тяжелой форме, чем выздоровевший к тому времени брат. Подробностей протекания болезни не помню: ведь мне было всего только около пяти лет. Между тем в нашей семье произошла важная перемена. Не успел я оправиться от болезни, как меня посадили в телегу, накрыли с головой одеялом и повезли в новый дом, в чужую семью: дело в том, что моя мать вышла во вторичное замужество за вдовца Сергея Яковлевича Иванова, по-уличному Щедровитова, который имел несчастье похоронить двух жен. Замечательно то, что я ничего не помню о первых моментах жизни в новой семье, в другом доме: видимо, болезнь произвела угнетающее действие на мой мозг.

Нелегко было матери устанавливать нормальные отношения в новой семье, в которой дети происходили от трех матерей и в которой материальный и интеллигентный уровень был ниже, чем в предыдущей. Однако же мать умела соблюдать беспристрастие в отношениях с

пасынками и падчерицами. Сохраняя во всех случаях чувство собственного достоинства и ровные отношения к членам семьи, она заслужила уважение со стороны мужа и его взрослых детей. В доме установился порядок, введенный Мариной Максимовной. За обеденным столом никто не приступал к еде, пока хозяйка, управившись с печкой, сама не сядет за стол. Между прочим, семье импонировало ее точное знание постов, праздников и вообще всякого рода календарных дат.

Отличительными свойствами семьи отчима были большое трудолюбие, трезвость и честность. Внутрисемейные отношения отличались патриархальным характером. Сыновья с большим уважением относились к отцу, никогда не вступали с ним в пререкания и называли его батюшкой. В дни больших праздников, после постов перед первым завтраком после обедни все члены семьи выстраивались перед иконой, отец зажигал восковые свечи на божнице и негромким голосом произносил молитвы, какие только знал. Все члены семьи усердно крестились и совершали поклоны простые и земные. После этого краткого, но торжественного молебствия семья садилась за стол. Первым блюдом был обыкновенно творог со сметаной. Ели, конечно, из общей чашки, деревянными ложками, молча. Водка при этом никогда не подавалась, да о ней никто и не думал. Сам Сергей Яковлевич позволял себе иногда заходить с друзьями в кабачок, но его сыновей я никогда не видел в состоянии опьянения. В заключение характеристики нужно сказать, что никто в семье не курил. Грубая ругань здесь не применялась. Ссоры происходили очень редко.

Отчим никогда меня не обижал, но я почему-то побаивался этого высокого, бородатого и чужого мне человека, которого я должен был называть тятей. Однажды я пил чай и прикусил край блюдца так, что на нем появилась щербинка. Я сильно испугался, боясь наказания отчима, стал безутешно плакать и успокоился только тогда, когда мать спрятала злосчастное блюдце в ящик с бельем.

Наиболее близкие отношения установились у меня с меньшим из сводных братьев, Даниилом, который был старше меня лет на семь. В свободное время он изготовлял для меня различные игрушки, например, вырезал ножом из дерева лошадок. Зимой устраивал санки и розвальни и катал на них вокруг дома, заставляя меня громко хохотать, когда розвальни попадали в ухаб; летом Даниил мастерил для меня

двухколесные и четырехколесные тележки, самострелы, а также мельницы водяные и ветряные. Так продолжалось до моего «совершеннолетия», то есть до 7-летнего возраста, когда я под руководством того же Даниила приступил к практическому выполнению различных сельскохозяйственных работ.

Таким образом, жизнь Марины Максимовны с детьми в новой семье сложилась в общем неплохо. Однако же, когда никого не было дома, мать, вспоминая прежнюю жизнь и трагические события, связанные со смертью первого мужа, частенько плакала. Тогда и я начинал плакать. Однажды, когда слезы обильно текли по моему лицу, мне пришла в голову блестящая мысль — собрать слезы в бутылочку. Флакончик скоро был найден и подставлен к глазам, но, увы! Слезы перестали течь, сколько я ни старался выжать их.

Между тем у меня появился новый братец Доля — Даниил-младший. У него были чудесные голубые глазки и нежная кожа на лице. Я должен был иногда нянчиться с ним и очень полюбил его, в особенности, когда он подрос и стал принимать участие в моих играх. К сожалению, неизбежная в то время посетительница крестьянских семей — оспа — испортила нежный цвет его лица. Я помню то чувство ответственности, которое испытал, когда однажды летом мать (остальные члены семьи были на заимке) уехала на целый день по ягоды и оставила на моем попечении и дом, и братца. С тоски по матери я иногда начинал плакать, но, взглянув на Долю и заметив, что он готов последовать моему примеру, сейчас же успокаивался и старался принять храбрый вид. Зато как мы были рады, когда приехала наконец мать и перед нами на скатерти появилась целая гора красной душистой клубники!

Полевые работы

Учебный год начинался у меня поздней осенью, по окончании полевых работ; весной, когда наступало время бороньбы и других полевых работ, я опять уезжал на заимку. Заимка Щедровитовых находилась всего в 12 километрах от села. Здесь жили несколько семей, ведущих отдельные хозяйства, поэтому она не была таким медвежьим углом, как заимка Егорушкиных. Однако же мне было здесь скучно без матери, без брата. Сестра тоже почти не жила на заимке и вообще почему-то не играла заметной роли в моей духовной жизни. В праздничные дни,

которые взрослые члены семьи обыкновенно употребляли на отдых и сон, я часто уходил куда-нибудь в поле, например, к нашей ветряной мельнице, чтобы там поплакать наедине, увеличивая иногда свое печальное настроение пением стихов:

*Есть остров на том океане,
Пустынный и мрачный гранит;
На острове том есть могила,
А в ней император зарыт.*

(Конечно, это стихотворение я слышал от брата, который был способен увлекаться поэзией).

Впрочем, если [сводный брат] Серга был на заимке, то и праздничные дни проходили нескучно: мы уходили с ним куда-нибудь под березу, строили там дворики для воображаемых лошадей, косили сено, то есть рвали траву руками и расстилали ее на просушку, заводили пашню, инвентарь и т.п. Прочие мальчишки, например, Яшка Иванов, у которого под носом часто виднелась зеленоватая жидкость, меня совершенно не интересовали. Девочки в большинстве случаев мне почему-то казались глупыми и не заслуживающими внимания. Впрочем, было тут одно исключение. Одна девочка по имени Поля с глазками, похожими на незабудки, привлекала мое внимание; я заглядывался на нее с удовольствием. Однажды она сидела на крылечке своего дома и ела горох, извлекая его из молодых стручков. После некоторого колебания я решился подойти к предмету моего обожания и сказал: «Поля, дай мне горошку». Конечно, я мог бы сам нарвать гороху в своем огороде, но мне было бы приятно получить его из рук девочки. Но, увы! Поля ответила мне насмешливым нецензурным отказом в рифму, я с грустью отошел в сторону, и с тех пор она как-то исчезла из моего поля зрения. Мне было тогда около десяти лет.

В будни скучать было некогда, так как взрослые постоянно привлекали меня к выполнению различных работ, которые, начиная с семилетнего возраста, приняли более серьезный и систематический характер. Моя первая сельскохозяйственная работа заключалась в том, что я вырубал топором маленькие березки с корнем на пустоши, предназначенной для распашки. Появление этих березок на поле, оставленном для отдыха на 20–25 лет, служило признаком того, что земля достаточно отдохнула, набралась новых сил, и теперь ее можно снова распахивать под посев. Далее надо было помогать Даниле-старшему в бороньбе. Да-

нила, распевая какую-нибудь песенку, например «Дон, дон, дригундон» (я не понимал тогда и не понимаю теперь смысла этих слов), ездил на лошадях с боронами по пашне, а я должен был, стоя на краю поля, приподнимать тяжелые бороны, чтобы очистить их от сорняков, и затем стаскивать сорную траву в сторону. При этом в нос мне лезли и пыль, и резкий запах крестоцветных растений, составляющих под общим названием горчицы преобладающую часть сорняков.

Какой радостью забилося мое сердце, когда я однажды, трудясь таким образом, заметил, что к нам подъезжает запряженная одной лошадей таратайка, т.е. двухколесный экипаж, а в нем сидят отчим и моя мать! Они ехали из деревни на заимку и заехали к нам на поле. Мать подарила мне гостинец — вареное яйцо. Я бережно положил его по совету Данилы под высокое растение — морковник, которое также показывало, что земля восстановила свое плодородие. Вскоре тятя и мама уехали, и мы продолжили работу, которая мне казалась очень тяжелой. Я все беспокоился, что яйцо будет потеряно, но Данила уверил меня, что этого не случится.

Около полудня мы, распрягнув лошадей, пускали их пастись на сочной траве, а сами, постелив скатерть на землю, садились за свой скромный завтрак, состоявший из хлеба и воды или кваса. Однажды по скатерти около хлеба с бешеной скоростью промчалась чем-то напуганная змея, мы вскочили и почтительно дали ей дорогу. Вечером мы возвращались домой, то есть на заимку. Я еще не умел тогда самостоятельно ездить верхом на лошади, и поэтому при возвращении с работы Данила садил меня позади себя, и я, крепко обхватив его руками, высоко подпрыгивал на спине бегущей рысью лошади.

На следующий год я стал уже самостоятельным «бороноволоком». Это простое занятие казалось очень трудным маленькому человеку с неокрепшими духовными и физическими силами. Вот я еду на пашню, которая находится где-то за лесом, километрах в трех от заимки. Боюсь сбиться с дороги. Приехав на место, запрягаю двух лошадей в бороны, затем становлюсь на колени и горячо прошу Бога оказать мне покровительство, оно мне необходимо для успешного преодоления различных трудностей, потому что я здесь один-одинешенек, без всякой надежды на помощь со стороны взрослых. Вера помогает мне также не поддаться суеверному страху, когда я слышу из соседней рожи какой-то непонят-

ный дребезжащий стук, а над болотом бляение, похожее на смех. Я легко мог принять тогда брачную музыку дятла или бекаса за проделки нечистой силы, которая любит таиться в лесу или в болоте. Вера же помогала мне справиться с затруднениями, связанными, по большей части, с враждебным отношением ко мне лошадей, совместно с которыми я должен был работать целые дни.

Лошади, видя перед собой мальчишку, не особенно-то спешат с повиновением, а то и просто издеваются надо мной. В особенности коварным характером отличалась передовая из них Чалуха, на которой я боронил два или три года подряд, находясь с ней все время в состоянии вооруженного мира. Она не стояла спокойно на месте, когда я с большим трудом взлезал ей на спину, а иногда, ухмыляясь, да, именно ухмыляясь, я хорошо помню выражение физиономии своего врага, просто зубами старалась стащить меня со своей спины. А однажды обе лошади — но в этом больше всего была виновата хитрая Чалуха — просто сбежали от меня с боронами в полной упряжке на заимку, поставив меня этим в крайне унижительное положение. Всякий раз, когда я старался стороной забежать вперед, чтобы остановить лошадей, коварные животные, угадав мое намерение, также начинали бежать и притом с такой быстротой, что я оставался позади, корчась от злости и сознания своего бессилия. Когда я в отчаянии останавливался, руководительница этой аферы Чалуха также останавливалась и с самым невинным видом начинала мирно щипать траву. Это продолжалось до самой заимки на протяжении 3–4 километров, когда я, испив полную чашу унижения, должен был, наконец, явиться пред очами отца и рассказать ему всю эту смехотворную историю. Поэтому вполне понятно, с каким злорадным чувством я встретил на следующий год Чалуху, когда она возвращалась из деревни на заимку с обгорелым хвостом и гривой после произошедшего в деревне большого пожара. Но и на этот раз, находясь в столь унижительном положении, мой враг посмотрел на меня довольно независимо. Однако же война между нами с этих пор прекратилась навсегда: дело в том, что мне исполнилось уже десять лет, и я мог командовать более сильными и гордыми животными, чем какая-то невзрачная Чалуха.

Теперь во время бороньбы я спокойно ездил с одного конца поля на другой, налевая одну из песенок, усвоенных еще от Данилы-старшего. Это были «Вдоль по Питерской», «Скажи, скажи, красавица» и другие.

Время от времени я поглядывал на солнце, стараясь по его высоте определить наступление полудня, когда должен произойти перерыв в работе. Для точности определения я иногда соскакивал с лошади и измерял длину своей тени шагами. Убедившись, что она равняется приблизительно одному шагу, я уверенно распрягал лошадей и ехал на заимку на обеденный перерыв.

Однажды, когда мне было лет 8–9, я заметил на загоне свернувшуюся калачиком и гревшуюся на солнце змею. Я не решился беспокоить это животное, с которым связано у крестьян так много суеверных представлений, и всякий раз объезжал змею, поэтому часть полосы осталась незабороненной; за эту прозелень отчим потом побранил меня. Впоследствии я научился не бояться змей и, вооружившись палкой, смело нападал на них, надеясь получить прощение сорока грехов за каждую убитую змею.

Кроме бороньбы, я должен был выполнять ряд других работ, но по большей части уже совместно со взрослыми. Как легкий седок, я был особенно ценен в тех случаях, когда требовалась верховая езда.

Так, в поле я принимал участие в пахоте паров (июньские пары). В это время появлялось такое огромное количество слепней (паутов), что работа на лошадях в дневное время становилась невозможной, поэтому пахать пары приходилось ночью. Так как пахарю трудно было бы в ночном сумраке направлять коренную лошадь по борозде, то пахота производилась на тройке цугом (гужом), причем моя задача заключалась в том, чтобы, сидя верхом на передней лошади, давать сохе надлежащее направление. Вместо слепней ночью появлялось огромное количество комаров и мошек, которые лезли в глаза, в нос, уши и старались урвать себе каплю крови. Я должен был, отбиваясь от наседавших насекомых, зорко всматриваться в ночную мглу, тем более что пахарь Иван, старший сын Сергея Яковлевича, человек холерического темперамента, в отличие от других братьев и отца, способен был крепко сердиться. В особенности трудно было провести по прошлогоднему жнивью первую борозду каждого нового загона (полоса земли около десяти метров шириною). Все же работа проводилась сравнительно спокойно, без эксцессов, и короткая летняя ночь благополучно подходила к концу. С наслаждением наблюдал я за восходящим солнцем и постепенным его поднятием. Вот прогудел в воздухе первый слепень и впился в потную шею лошади —

значит, пора выпрягать лошадей и ехать домой. Кувырком слезаю с лошади и с удовольствием растягиваю онемевшие члены. Лошади, раздувая ноздри, с жадностью набрасываются на зелень. Но нужно поскорее оторвать их от этого приятного для них занятия и ехать на заимку. Там ожидает их вкусная сечка из сена, посыпанная отрубями.

Однажды, приехавши с работы, я почувствовал сильную головную боль и принужден был лечь в постель — это была корь. Болезнь имела, однако же, очень легкую форму и уже на следующий день я снова был на лошади.

Так как в нашей семье было довольно много взрослых работников, то меня долго не привлекали к выполнению тяжелых работ и, например, косить сено я начал только с одиннадцати лет. Мое участие в сенокосе, который начинался с Петрова дня (12 июля нового стиля), заключалось в гребле сена, главным же образом в возке копен. Количество слепней во второй половине июля начинало уменьшаться, но все же метка сена в стога производилась ранним утром.

С вечера молодежи не хотелось спать, частенько на дворе разводили костер, вокруг которого собирались молодые парни и распевали песни, а иногда слушали игру на бандуре (род двухструнной балалайки) пастуха — цыгана Паташки; иногда разучивалась со слуха привезенная из деревни новая песня. Но надо ложиться спать: ведь завтра предстоит метка сена и, следовательно, вставание до восхода солнца. Спали парни, а в их числе и я, мальчуган, летом в амбаре, в опустевших к тому времени закромах. Но и тут еще долго продолжались разговоры, смех, рассказывание сказок, иногда сопровождавшиеся едой стручков гороха, который приносился из какого-либо огорода, конечно, без разрешения его хозяина. Компания, во всяком случае для меня, была не совсем подходящая, так как часто приходилось выслушивать разговоры и рассказы скабрезного содержания.

Чуть только на востоке заалет заря, Иван выходит из дома и будит Данилу, в обязанности которого было пойти в поле, найти там прилегших под утро на росистой траве спутанных лошадей и привести их домой. Иногда эта процедура сильно затягивалась, так как нелегко было в тумане среди кустарника найти лошадей, переставших позвякивать своими колокольчиками. Тогда Данила, весь измокший от росы (впрочем, в «сухорос», предвещавший наступление дурной погоды, он возвращался

сухим), получал выговор от старшего брата. Наскоро съедают работники по куску хлеба с простоквашей, запрягают лошадей и, погрузив в телегу вилы разных размеров и грабли, едут в поле на уборку сена. Подомной лошадью, на которой предстоит сегодня возить копны.

Вот обширный луг, покрытый большим количеством копен сена. Начинается их возка к стогу. Работа эта для копновоза сравнительно легкая, но только надобно иметь в виду, что некоторые метальщики, например Иван, требуют копны подвозить так, чтобы метать было «с руки», то есть удобно. А так как разные метальщики предъявляют копновозам в этом отношении неодинаковые требования, то примениться к ним бывает трудно, и отсюда возникают иногда конфликты. Иван однажды так рассердился на меня за неудачно подвезенную копну, что ударил вилами, удар, впрочем, пришелся, главным образом, по крупу лошади, однако же, я был жестоко обижен и память об этом случае сохранил на всю жизнь.

Если копновоз не один, а два или три, то к концу работы возникает между ними своеобразное соревнование: дело в том, что никому не хочется везти последнюю копну — «килу». В соревнование втягиваются и взрослые работники, главным образом женщины, которые подкопнивают, то есть помогают захватить копну веревкой, а иногда и солидные метальщики. Начинается спешка, слышатся возгласы, смех. Копновозы вскачь летят за последними копнами на лошадях, которые иногда подзадориваются при помощи грабель и вил работниками, становясь на сторону того или иного копновоза. Какой-нибудь мальчуган, погнав свою лошадь рысью, привозит к стогу не копну, а ее жалкие остатки, рискуя получить за эту вольность крепкое словцо в свой адрес. Обыкновенно же в это время не обращается внимание на мелкие нарушения порядка: все смеются и подтрунивают над последним копновозом, имеющим несчастье везти злополучную «килу». Нужно сознаться, что в этом деле я частенько проигрывал не только потому, что я не отличался особым проворством в работе, но, главным образом, моей соперницей обыкновенно являлась какая-нибудь девочка, которая привлекала на свою сторону большее число покровителей. В момент завершения стога сохраняет полное спокойствие и серьезность только тот, кто стоит на нем и на обязанности которого лежит так провести эту заключительную работу, чтобы стог не был пролит никаким дождем и чтобы

сено дошло до зимы таким же зеленым и душистым, каким оно было сложено в стог. А в это время мелкие работники вырубают «вицы», т.е. крупные ветки кустарника и сносят их к стогу. Если не придавить ими сено, оно будет разнесено бурными порывами ветра по лугу.

Наступает настоящая страда: оканчивается заготовка сена для трех-четырёх десятков голов скота: коров, овец, лошадей; надо убрать рожь, овес, ячмень, надо посеять озимую рожь. (Пшеница, как озимая, так и яровая, на заимке Щедровитовых почти не сеялась). Наступление продолжительной ненастной погоды может смешать все хозяйственные расчеты. Иногда для спешной уборки созревшего хлеба приглашаются посторонние рабочие, чаще всего солдаты из местной команды.

Здесь и для меня будет много нелегкой работы: стаскивать в кучи тяжелые снопы, появляющиеся длинными рядами позади каждого жнеца. В особенности трудно таскать снопы за мужчинами, которые вяжут очень тяжелые снопы и притом так крепко, что под увязку трудно подсунуть пальцы, на которых поэтому появляются болезненные заусеницы. Под вечер надо помочь тому жнецу, который начинает составлять снопы в суслоны. И когда к концу дня дается приказание Даниле и мне идти к телеге и запрягать лошадей, я, отбиваясь от наседающих мошек, уже с трудом передвигаю ноги по щетинистому жнивью. Однако же, когда сядешь в телегу, ощущение усталости смягчается, мне становится даже весело, и я с удовольствием хватаю темно-красные головки растущего по сторонам дороги высокого растения — лекарственной кровохлебки, растираю их в руках и получающийся порошок рассеиваю по воздуху.

Жнецы, вспоминая подвиги минувшего дня, перешучиваются. Нужно сказать, что среди солдат встречаются иногда такие удалцы, которые на полосе оставляют далеко позади себя своих товарищей. Дома ожидают нас вкусные бараньи ши. Между солдатами строгая дисциплина: провинившегося они иногда наказывают ложками, употребляемыми как розги.

Между тем семью постигло страшное несчастье: умерла моя мать, это случилось летом 1884 года. По случаю каких-то праздников мать побывала в гостях у своих приятельниц и где-то заразилась горячкой (по-видимому, это был брюшной тиф), болезнь протекала очень тяжело. У больной часто текла кровь из носа. Был приглашен ротный фель-

дшер, молодой человек. Врачей в селе не было. В числе прочих мероприятий (о них, впрочем, я ничего не помню) он запретил матери пить кислый квас, который она часто требовала для утоления томившей ее жажды. Этот факт запомнился мне потому, что я отнесся враждебно к этому запрещению и даже готов был считать его причиной смерти матери. Время от времени больную навещали знакомые женщины. Одна из них, заметив, что мы с братом Михаилом играем в ограде, нашла нужным сделать нам строгое внушение: мать-де так тяжело хворает, а вы, бесчувственные, тут бегаете. Мы были пристыжены, так как и сами смутно сознавали, что на семью надвигается большое, неотвратимое несчастье. Забившись в углы, мы притихли.

Болезнь принимала все более угрожающий характер. Больная горела, догорала. Лицо ее приняло серый оттенок. Наконец, она прониклась сознанием, что должна умереть. Однажды ночью нас разбудили: мать захотела перед смертью благословить своих родных детей. Она еще имела настолько сил, что могла сидеть в постели, которая была расположена на полу, и держать в руках небольшую икону, но сказать что-либо она уже не могла. Благословение происходило в порядке старшинства, начиная с сестры Александры. Мы подходили один за другим, крестились, кланялись до земли и целовали икону в дрожащих руках матери. После Михаила наступила моя очередь, а потом младшего Доли. Благословляя своего еще нежного четырехлетнего сыночка, мать залилась горькими слезами и в изнеможении склонилась на постель. Дня через два-три она умерла. Это произошло ночью. Нас разбудили, когда умирающая находилась уже в последних стадиях агонии. Мы опять окружили постель. Вздохи матери становились все реже и реже и, наконец, совсем прекратились. Должно быть под утро пришли женщины и стали обмывать тело покойной. Я проснулся, вскочил с постели и закричал, чтобы они не беспокоили маму. Меня схватили и снова уложили в постель.

В следующую зиму я перенес какую-то тяжелую болезнь. По-видимому, воспаление легких. У меня ничего не болело, не было кашля или какой-нибудь сыпи. Во рту чувствовался особенный вкус, который, пожалуй, можно назвать металлическим. К этому вкусу примешивался специфический запах, который исходил как будто от моего тела и от всей одежды. Пальцы рук, казалось, находились в тончайшей вибрации

и поэтому представлялись более толстыми. Я лежал на постели около дверей и ничего не ел, отказался даже от сладкой булочки, которую мне однажды принес Михаил. Окружающие хотели бы мне помочь, но что они могли сделать.

Решено было пригласить знахарку Анисимовну, о которой говорили, что она хорошо лечит людей заговором. Так и сделали. Анисимовна подвела меня к печке, где на шестке находились кусок хлеба, чашка с водой и уголек. Мне было тяжело стоять. Знахарка долго шептала что-то, вероятно, обращаясь к силам природы и прося месяц-золотые рожки унести мою болезнь под облака; потом обвела несколько раз угольком вокруг головы, спрыснула меня водой из чашки и снова уложила в постель. За свой труд Анисимовна получила сито муки, но болезнь — увы! — продолжалась своим чередом. Однажды, когда семья была за столом, я стал особенно беспокоенно метаться. Все вскочили из-за стола и, думая, что я умираю, склонились надо мной. Однако же это был, по-видимому, кризис. Через некоторое время я успокоился и крепко заснул. После этого началось выздоровление.

Не имея ни отца, ни матери и не особенно опекаемая отчимом, сестра Александра, когда ей исполнилось 18 лет, могла более свободно устраивать свою судьбу в отношении замужества. Она, насколько я могу судить, была недурна собой, и поэтому неудивительно, что ее роман, начавшийся летом с сыном богатого крестьянина Блаженова, по-уличному Капралова, закончился к зиме присылкой сватов. Для сироты это была блестящая партия. Свадьба была сыграна с соблюдением всех многочисленных обрядов и обычаев, которые продолжали еще держаться в быту сибирских крестьян.

В одном акте свадебного церемониала пришлось выступить в качестве действующего лица и мне, именно тогда, когда главный распорядитель свадьбы, дружка, повязанный в ознаменование своего достоинства белым полотенцем через плечо, предложил мне, согласно обычаю, как брату невесты продать косу сестры. Я был озадачен и не знал, что мне делать. А между тем хор усиленно рекомендовал:

*Братец, постарайся,
Братец, поломайся,
Не продавай сестру
ни за рубль, ни за золото!*

Наконец, подталкиваемый соседями и по их подсказке я выразил желание получить за косу рубль. Другка любезно согласился, и рубль был мне вручен¹.

Перейдя в более состоятельную семью, сестра не забывала обо мне, часто приглашала к себе и усиленно угощала пшеничным калачом и чаем, иногда даже с сахаром².

Перевод к дедушке

Бывали мы с Михаилом и у дедушки Семена Егорыча. Он рассказывал нам о нашем отце, об охоте отца, вообще о старине, о своих предках. Свои рассказы дедушка обыкновенно заканчивал приглашением перейти к нему на житье, имея в виду, что узы, которые связывали нас с семьей Щедровитовых, со смертью матери сильно ослабели. Кое-кто из знакомых и родственников говорил нам, что, живя у Сергея Яковлевича, нашего отчима, мы не можем надеяться на получение наследства после его смерти, и что нам следует перейти к дедушке, в дом своего покойного отца. Под действием этих советов мы однажды, в летний день 1887 года, сложили свой несложный скарб в ящик и перетасились к дедушке. Шли мы не улицей, а «задами», т.е. задворками, поросшими крапивой, в смутном настроении, сознавая, что мы совершаем важный в нашей жизни шаг, последствия которого трудно учесть. Однако же все обошлось благополучно. Остальные члены семьи дедушки отнеслись к нашему переселению благожелательно. Так произошёл тихо и мирно, без всяких споров и разногласий наш выход из семьи, в которой мы прожили около семи лет, и в которой сложились основные черты моего характера.

В семье отчима мы не чувствовали себя чужими, никто нас не преследовал, но и никто не удерживал, когда мы пошли к дедушке. Есть

¹ Как известно, обычай купли-продажи невесты установился взамен древнего обычая ее умыкания, т.е. похищения.

² На заимке у Щедровитовых почти совсем не сеялась пшеница, очевидно, потому, что почва там была для нее неблагоприятна. Поэтому калачи на столе Сергея Яковлевича были большой редкостью. Сахар также выдавался в большие праздники и то в виде небольших кусочков. Я обыкновенно растягивал свой кусочек дорогого лакомства на продолжительный срок, храня кусочек на божнице; к сожалению, тараканы бессовестно обкрадывали мой и без того незначительный запас.

основания вспомнить добром семью Сергея Яковлевича: я вынес из нее привычку к скромной, трудовой жизни и отвращение к пьянству и сквернословию. Отчим был человек добрый, но я почему-то его побаивался. Кроме случая с ушибленным блюдцем, здесь можно рассказать о другом факте. Однажды доборанивал я поле и как-то зазевался: задняя лошадь задела бороной за березу, раздался треск, и деревянная борона расплзлась на части. Я был в таком отчаянии, что дошел даже до ропота на Бога и стал упрекать его в том, что он не помог мне избежать несчастья, хотя сегодня, как и всегда, я помолился ему усердно перед началом дела.

Так дикарь бичует своего деревянного идола, когда он не исполняет желаний. Помню, однако же, что, высказывая горькие упреки по адресу Бога, я чувствовал нечто вроде ужаса и отвращения к себе. Распрягши лошадей, я с плачем поехал на заимку, ожидая, что там случится со мной что-то тяжелое. Однако же отец, выслушав меня, ничего не сказал и даже не упрекнул в ротозействе. После обеда мы поехали с ним на телеге в поле, захватив с собой топор, напарье (бурав) и несколько кусков сухого дерева. Борона была скоро исправлена, и я опять весело ездил с одного конца поля на другой, наблюдая, как отец, захватывая большие горсти семян из кадочки, повешенной через плечо, широкими взмахами руки равномерно разбрасывал их по вспаханной земле. Вечером мы вместе возвращались на заимку. Я сидел рядом с отцом на телеге и слушал, как он негромко напевал какую-то песню, слов которой я, к сожалению, не запомнил. Во всяком случае, это не были куплеты, которые я усвоил от Данилы-старшего и распевал во время бороньбы. На душе не осталось и следа от тяжелых переживаний сегодняшнего утра. Не чувствуя никакой заботы за плечами, я весь отдался мирному настроению, господствовавшему в природе, сидел и тихо улыбался, как будто в смутном предчувствии какого-то счастья впереди.

Пение и игры в нашей деревне

Семья, в которой я прожил раннее детство, не была песнелюбивой. Мать моя пела редко. Я помню только один случай, когда она, сидя за шитьем, напевала; я подошел к ней, мне было лет шесть, прислушался и мне запомнились слова: «Там убили молодого гусара». Возможно, что это была солдатская песня.

В нашем селе имела местопребывание конвойная команда человек в 50 во главе с офицером. Из песен, которые распевал этот небольшой отряд при проходе по улице после учения, мне запомнился припев одной из них: «Па горам, горам капкацким раздалась слава яб нас». А вот четырехстишие из другой песни:

*Было дело под Полтавой,
Дело славное, друзья:
Мы дрались тогда со шведом
Под знаменем Петра.*

Вообще говоря, деревня любила петь. В воскресенье и в другие праздничные дни весной и в начале лета, когда еще не начинались полевые работы, отовсюду доносились, наряду с петушиными криками, песни девушек, сидевших на лавочках перед домами. К женским голосам лишь изредка примешивались мужские. Парни предпочитали ходить по улице гурьбой позднее, уже ночью, будя своими песнями тревожный сон девушек, в тайной надежде свидеться с кем-нибудь из них. Начиная с Красной горки, то есть с Фоминой недели, молодежь в хорошую погоду собиралась в большом количестве на площади перед церковью и заводила игру в хороводы, сопровождаемую особыми песнями. Руководительницей и запевалой здесь обыкновенно выступала какая-нибудь голосистая и бойкая молодая женщина, умевшая придавать сложные и разнообразные формы живой цепи, составленной из девушек и парней, и знавшая много песен. Живо семеня ногами и приплясывая, она с раскрасневшимся лицом тянула за собой хоровод с такой скоростью, что только ленты развевались в косах девушек.

На Троицу молодые люди обоего пола шли дружной толпой в ярких костюмах, с пением семицких песен в лес и плели там из цветов и березовых веток, покрытых пахучими клейкими листочками, венки. На полянке устраивались игры, которые сопровождались соответствующими песнями. Потом возвращались с пением в деревню, причем некоторые проходили на мост и бросали в реку венки, гадая о своей судьбе: если венок спокойно плывет вперед, предстоит замужество, кружится на одном месте — оставаться в девушках, тонет венок — предстоит смерть.

Особые песни пелись зимой на Святках. Помню, как однажды вечером пришли к нам две девушки и звучными голосами стройно испол-

нили какую-то святочную песню, куплеты которой заканчивались припевом: «Добрый вечер, щедрый вечер». Как бы в освещении бенгальским огнем, в действительности комната освещалась всего только сальной свечой, встают в моей памяти эти две девушки со свежими милыми лицами, повязанные белыми платками в виде кокошника.

Однажды на Святках я в числе других занимался гаданием: лил расплавленный воск в стакан с холодной водой. У меня получилась фигура, напоминавшая солдата с ружьем. «Значит, мне предстоит солдатчина», — подумал я, и лицо мое приняло задумчивое и серьезное выражение.

Может быть, кстати будет рассказать об одном развлечении, которое устраивалось в конце зимы, по-видимому, на Масленицу. Я имею в виду своеобразное театральное представление, которое я наблюдал из окна дома только один раз в своей жизни: по-видимому, этот обычай вскоре исчез окончательно. Под открытым небом устраивался снежный городок в виде башни, на вершине которой помещался бойкий на язык и способный отпускать разного рода остроты мужичок. Парни на лошадях налетали на городок и стремились его разрушить. Артист-комик кричал, размахивая руками, и более или менее остроумными шутками и выходками смешил стоявшую вокруг публику. Наконец городок разрушился под ударами добрых молодцев, и артист упал в снег при одобрительном смехе публики. Вероятно, это представление символизировало победу солнца над уходящей зимой.

В общем, художественные впечатления, которые я мог воспринимать из окружающей среды, были немногочисленны и довольно примитивны. Из музыкальных инструментов, кроме балалайки, я мог иногда слышать писклявую гармонику, которая могла удовлетворить лишь самую невзыскательную потребность в музыке. Наибольшее значение для развития эстетических чувств имела, конечно, церковь.

Церковь

В пасхальную ночь мы с братом Николаем ехали с заимки в деревню, чтобы провести хотя бы первые дни великого праздника в условиях, более благоприятных для создания праздничного настроения. Был конец зимнего пути. Лошадь, запряженная в сани, мерно шагала, звонко цокая копытами по узкой полоске обледенелого снега, оставшейся от

зимней дороги. По сторонам неясно темнели кусты и оголенные от снега поля. Было тихо. Но вот из далекой мглы донесся первый торжественный удар колокола. Через некоторое время послышался второй, третий, а дальше гудящие призывные звуки стали быстро следовать один за другим. Как приятно было сознавать, что мы не затерялись во враждебной мгле, что впереди нас ожидает жизнь, движение, свет, приветливые лица людей. Чтобы лучше слышать благовест, я снял шапку и почувствовал, как волосы шевелились, может быть, от ветра, а может быть, от сознания торжественности минуты. Деревня была уже недалеко. Вон вдаль показался мерцающий огонек из крайней избы. А между тем гудящие звуки колокольной меди щедро и уверенно разливались во все стороны, будя и оживляя мертвое пространство. Лошадь быстрее зашагала по дороге. Наконец, мы въехали в деревню. Во всех домах горели огоньки; перед топящимися печами сутились хозяйки, пекли блины и готовили другую праздничную снедь.

Вот мы и дома. Помывшись и переодевшись, я пошел в церковь. В церкви с трудом пробираюсь среди молящихся. С церковных стен на меня глянули строгие лица святых. Яркие краски, блеск позолоты на иконостасе, свет от многочисленных восковых свечей, блистающие одежды священнослужителей — все составляло резкий контраст с убогой обстановкой крестьянской избы на заимке, в заднем углу которой ютился новорожденный теленок, а в окна даже днем проникал лишь тусклый свет, так как в них вместо стекол вставлены оболочки коровьих желудков. По церкви как раз в это время, позвякивая колокольчиком, степенно проходил с тарелкой в руках для сбора добровольных приношений наш бессменный церковный староста и покровитель церковного хора Капитон Петрович Ерофеев.

Положив на тарелку свою копеечку, я остановился перед кротким ликом Христа, окруженного детьми, и стал прислушиваться к драматическому представлению, в форме которого совершалось богослужение. Вот на теноровый возглас священника в глубине алтаря последовала могучая реплика со стороны дьякона. Дальше после короткой паузы, во время которой послышался звук камертона в руках регента, вступил в действие хор, составленный из мужских и детских голосов... Церковь стремилась смягчить суровые нравы прихожан как в дни печального Великого поста, когда она призывала зреть свои прегрешения и не осуж-

дать брата своего, так и теперь, когда с клироса неслись слова: «И друг друга обьемем». Кончилась служба. У людей разгладились морщины на челе, они радостно приветствовали друг друга, обмениваясь скромным подарком — крашеным яичком.

На следующий день мы с Михаилом решили взобраться на колокольню, чтобы позвонить во все колокола. Расположенная на площади в центре села, на высоком берегу реки, наша скромная деревянная церковь представлялась мне тогда верхом архитектурного совершенства. Она так прекрасно объединяла в одно целое разбросанные вокруг нее домики сельских тружеников!

По скрипучим лесенкам в темных переходах внутри колокольни, где гнездились голуби, мы взобрались наконец наверх, где в амбразурах окон и посередине были расположены колокола разных размеров. У, какая высь! Никогда, даже с самой высокой березы, предо мной не открывался такой широкий вид. Вся деревня и даже часть ее окрестностей были как на ладони. Здесь, вверху, был такой ветер, что приходилось придерживать шапку на голове. Самый большой колокол висел на толстых брусках посередине, на его краях можно прочесть, что отлит он в Екатеринбурге и весит 56 пудов. Михаил умел мастерски трезвонить. Вот он забрал веревки в руки, сначала заставил частыми ударами звучать самые малые колокола, затем перебрал остальные колокола в порядке увеличения их размеров и, раскачав с помощью доски язык самого большого колокола, произвел им удар. У, какой могучий, оглушительный звук! Выдержав некоторую паузу, в течение которой большой колокол продолжал гудеть, он стал перебирать колокола в определенной последовательности и, ритмически повторяя удары, получил мелодию, которая привела меня в восхищение. Так, действуя руками и ногами, он продолжал трезвонить до тех пор, пока не получил полного удовлетворения, после чего хотел передать веревки мне, но я, пораженный всем виденным и слышанным, отказался, так как чувствовал себя неспособным справиться с таким сложным делом. Колокола перешли в распоряжение других подростков, в руках которых они стали издавать самые беспорядочные звуки. Но один молодой крестьянин также умел вызванивать красивую мелодию, только в другом роде.

На заимке Егорушкиных. Пасхальная неделя

Так как все члены семьи и даже работник Емельян выехали на пасхальную неделю с заимки в деревню, то мне предстояло на второй день Пасхи вернуться на заимку, чтобы помогать дедушке и бабушке в уходе за довольно значительным поголовьем скота — лошадей, коров и овец. Нужно было ежедневно задавать скоту в виде корма и подстилки сено и солому и гонять его на водопой на озеро, а также следить за появлением приплода — работа довольно значительная. Хотя семья Егорушкиных состояла из членов, связанных между собою более тесными, чем у Щедровитовых, родственными узами, — это были жена и дети второго сына дедушки, покойного Леонтия Семеновича, тем не менее я чувствовал, что самым близким мне человеком в ней был мой родной брат Михаил. Это чувство особой близости усиливалось еще тем обстоятельством, что Михаил после смерти нашей матери и замужества сестры Александры, может быть, не вполне сознательно принял на себя обязанность заботиться о моем физическом и духовном благополучии, хотя и был всего только года на четыре старше меня. Поэтому вполне понятно, что я был чрезвычайно обрадован, когда узнал, что Михаил, освобожденный от занятий в волости на первые дни пасхальной недели, поедет со мной на заимку.

Болота и озера еще не оттаяли, поэтому было решено, что мы поедем на двух лошадях верхом «зимником», то есть прямой дорогой, по которой ездили только зимой. Такое путешествие обещало быть легким и веселым. Луга почти совсем освободились от снега, кое-где уже были пущены палы; от земли поднимался нагретый колеблющийся воздух. По краям болот и на весенних лужах воинственные турухтаны в праздничных костюмах с пышными разноцветными ошейниками совершали свои бесчисленные турниры; из леса доносилось непрерывное бормотание столь же возбужденных и воинственных косачей. Как очарованные, подвигались мы вперед, вдыхая весенний воздух, пропитанный запахом дыма от палов. Вот и озера, отделяющие нас от заимки. Они были покрыты еще довольно крепким, но все же внушавшим некоторое опасение льдом. Лошади остановились перед узким закрайком полой воды. Постояв некоторое время как бы в раздумье, глубоко вдыхая шедший от озера холодный воздух, они без всякого понукания перешагнули через заберег и, осторожно ступая неподкованными копытами по

льду, пошли вперед поперек озера. Таким образом мы переехали благополучно через два озера, столь знакомые нам по летней ловле рыбы в них. Дальше, проехав еще рям, то есть болотистый сосняк, мы очутились на заимке.

Дедушка и бабушка нам были очень рады! На следующее утро бабушка угостила нас горячими шаньгами; хотя они были ржаные, но, имея густую начинку из сметаны с мукой и обильно смазанные маслом, казались очень вкусными. Потом мы с братом весело играли в бабки под сараем. Время текло незаметно. Увы, уже на следующий день я должен был проводить Михаила обратно в деревню. Мне было очень грустно, я плакал. Пробовал я развлечься игрой с дедушкой в карты, но последний, проиграв несколько партий в «свои козыри», обыкновенно утрачивал охоту к продолжению игры. Только занявшись устройством водяной мельницы на весеннем ручейке, я наконец успокоился, да и некогда было скучать: праздники прошли, и нужно было приниматься за повседневную работу.

В конце недели на заимку приехали «братка» Николай, двоюродная сестра Ефросиния, которая была почти одних лет со мной и с которой мы очень дружили, и работник Емельян. Предстояло заняться рубкой дров.

Ловля птиц

Одно утро мы с Николаем посвятили изготовлению пленок, то есть силков для ловли косачей, громкое токование которых доносилось со стороны полей и лесов, в особенности по утрам. В деле ссучивания длинных конских волос в веревочки и изготовления из них петель я, к своему огорчению, как во многих других крестьянских работах, не проявил особой ловкости и проворства. Ставить пленки мы поехали с Николаем верхом на лошадях. Занятые драками, пением и любовными играми черные птицы с красными бровями и с красивыми лировидными хвостами долго нас не замечали, когда мы подъезжали к одному токовищу, расположенному на полянке между колками, тут же бегали пестрые тетерки. Наконец стая птиц с громким хлопаньем крыльев взлетела и скрылась за соседними колками.

Объезжать токовища и вынимать пойманных птиц иногда поручалось мне. Во время этих поездок мне захотелось однажды посмотреть,

что делают журавли, когда они исполняют весной особую, ритмически повторяющуюся песню. Я знал, что журавли занимаются этим делом только в том случае, если вполне уверены, что вблизи нет человека. Намереваясь обмануть их бдительность, я слез с лошади и привязал ее к кустарнику, за которым слышалась интересовавшая меня музыка, и потихоньку подобрался к птицам. Оказалось, что пара журавлей, стоя друг против друга и вытянув шеи, взмахивала крыльями и под мерные звуки в два голоса оживленно танцевала, подпрыгивая со своеобразной грацией на своих длинных ногах. Как только я немного высунулся из кустов, птицы немедленно прекратили свой дуэт и, помолчав немного в своей обычной позе, стали курлыкать. Через короткое время парочка влюбленных улетела, негодуя на назойливое любопытство непрошеного зрителя.

Не всегда, однако, журавли бывают столь застенчиво-пугливыми. Часто они подпускают к себе на расстояние выстрела и даже сами иногда подходят к забору заимки. Однажды мы с Николаем ехали, сидя на высоком возу сена, и заметили неподалеку в стороне от дороги журавля, который задумчиво-важно прогуливался на поляне, изредка издавая свое меланхолическое «курлы». Николай вздумал испытать силу бывшего у нас ружья, заряженного за неимением дроби мелкими обломками чугунного котла. Сойдя с воза, Николай немного приблизился к неподозревавшей злого умысла птице и выстрелил. Журавль покачнулся, но оправился и улетел, держа одну ногу по обыкновению назад, а другую, очевидно, попорченную выстрелом, вниз. Раненая гигантская птица потом выздоровела, и мы ее впоследствии не раз видели в полете как в этом году, так и в следующем, узнавая по вытянутой вниз изуродованной ноге, утратившей способность сгибаться в суставе. Из этого случая видно также, что журавли обычно для гнездования возвращаются на старое место.

Не имея хорошего ружья и охотничьих припасов, мы применяли для охоты на птиц различные ловушки. Кроме пленок, на косачей употреблялись еще так называемые «срубчики». Срубчик — небольшой узенький домик из жердей, на котором сверху вместо крыши настилась похожая на овес трава метлика. Тут же на колышек втыкался для привлечения птиц снопик настоящего овса. Косач садился на крышу и проваливался в срубчик; вылететь он из него не мог, так как домик не

давал достаточного простора крыльям для взмаха. Вылавливание попавшегося косача производилось через окошечко в стенке при помощи прикрепленной к палочке петли. Для меня самым мучительным и тяжелым делом было умерщвление пойманного косача путем втыкания пера из крыла в его ухо. Привязанная за шею к седлу, птица потом еще долго трепыхалась, вызывая смешанное чувство ужаса и отвращения.

Объезжая и обходя окрестные луга и леса, я нередко встречал на своем пути так называемые «плашки» — ловушки, которыми в былое время мой отец добывал по зимам горностаев. Плашка имела форму бревенчатого обрубка длиной около метра, расколотого вдоль пополам. Ловля, очевидно, производилась таким образом: верхняя половинка плашки приподнималась на одном конце и подпиралась палочкой, к которой в качестве наживы был прикреплен кусочек мяса. Беленький зверек с черным кончиком хвоста, привлекаемый запахом мяса, хватался за наживу и ронял на себя плашку.

Теперь ловушки спокойно догнивали в траве. Когда в семье было несколько здоровых предприимчивых работников, жизнь в ней текла золотым потоком. Теперь дед был стар, его сыновья умерли, я был мал, одного Николая не хватало на все дела. Приходилось поэтому сокращать размах хозяйственной деятельности.

На ближайших озерах водилось множество уток, но мы со своим плохоньким ружьем и чугунной дробью даже не пытались охотиться на них и только иногда ставили пленки в тростнике по берегам озера.

Ловля рыбы

Ловля рыбы в озерах и в реке лежала на дедушке; во мне он нашел желанного и усердного спутника и помощника.

Флегматичные караси вели большую часть года малоподвижный придонный образ жизни, поэтому попадали в расставленные нами снасти — сети и «катцы» — лишь в небольшом количестве и только в конце мая или в начале июня, во время нереста в их царстве наступало кратковременное, но большое оживление; в такую пору даже самые солидные из них покидали места своих обычных кормежек где-нибудь среди тростника, всплывали на поверхность воды, собирались в стаи, плескались и проявляли другими способами столь несвойственную им живость.

В один из таких праздничных для карасьего мира дней, когда можно было ожидать богатого улова, мы с дедом, положив сети и хлеб в мешки, отправились на озеро. Переход через рямовое болото, окружавшее полукольцом озеро, был в эту пору года нелегким: ноги то и дело погружались по колено в студеную, как лед, мшистую топь. Но вот, наконец, плотный, поросший травой берег озера. Здесь можно снова надеть обувь и отогреть ооченевшие от холода ноги. Быстро отваливаем лодку-однодеревку, стаскиваем ее в воду и нагружаем рыболовными снастями: катцами, сетями и тычками, которые употребляются для прикрепления к ним концов сетей. Когда мы садимся, лодка погружается в воду почти до самых бортов. Дед дает мне в руки палку, стесанную с двух сторон, и предлагает грести, а затем сам сильными взмахами весла приводит лодку в быстрое движение. Переплываем озеро шириною около километра без особых приключений; только в одном месте настигаем небольшую змею, которая, быстро изгибаясь вправо и влево, уже приближалась к островку, чтобы укрыться в нем; как только она коснулась берега, дед вдавил ее голову в землю. По природному каналу попадаем в другое такое же озеро.

После расстановки сетей и катцов мы устраиваемся на берегу среди сосен, испускающих смолистый запах. Между тем наступает ночь. После скромного ужина дед располагается на ночлег на мягком моховом покрове, отбиваясь березовым веником от наседающих на него комаров. Я же изъявляю желание объездить в течение ночи время от времени сети и вынимать из них попадавшихся карасей. Подбрасывая в костер сухие смолистые сучья, я греюсь, сушусь и чутко прислушиваюсь к звукам ночи; мой слух настроен таким образом, что прежде всего улавливает сплески карасей, справляющих свой веселый весенний праздник. Каждый объезд сетей увеличивает мою добычу, хотя часть карасей, и притом наиболее крупных, лишь слабо запутавшихся в мелкоячеистых сетях, успевают ускользнуть из моих рук.

Так проходит ночь. Утром осматриваем катцы и сачком вычерпываем из них попавшихся карасей. С хорошей добычей возвращаемся домой. Я взбираюсь на горячую печь, чтобы обсохнуть и согреть свои отерпшие от холода ноги, и почти немедленно засыпаю. Просыпаюсь от щекоющего ноздри сладковатого запаха, идущего от свежее испеченных, еще горячих рыбных пирогов. Остальные члены семьи сидят уже за

столом, на котором весело шипит пузатый самовар, и приглашают меня принять участие в утренней трапезе.

Летние работы

Живя в семье дедушки, я стал превращаться из крестьянского мальчика в крестьянского подростка, способного выполнять все основные сельскохозяйственные работы. На лугу при сенокосении и на пашне при жатве я работал вместе со взрослыми на одинаковых с ними условиях. По правде сказать, эта работа не была особенно тяжелой. Семья Егорушкиных не отличалась таким патриархальным укладом и такой строгой трудовой дисциплиной, какие были свойственны семье Щедровитовых. Здесь работа часто прерывалась отдыхом на скошенной траве или на снопах, разговорами, веселым смехом. Работали не до слишком позднего вечера, а затем шли вместе мужчины и женщины на скотный двор, где уже отдыхали пригнанные с поля коровы, и дружно принимались за их дойку. Поэтому жизнь на заимке летом не казалась скучной и тягостной, несмотря на то, что заимка состояла всего только из одного дома.

Кроме собственных членов семьи, на лето обыкновенно нанимался работник, иногда еще работница, а в некоторые годы пастух. Эти сезонные рабочие обыкновенно рекрутировались из ссыльнопоселенцев. Какой-либо разницы между хозяевами и наемными рабочими в условиях жизни, в питании и в работе не проводилось: они считались как бы членами расширенной семьи. Если возникала потребность в срочной уборке хлеба, устраивалась так называемая «помочь»: в праздничный день привозились из соседней заимки на двух телегах молодые люди обоюго пола, пожелавшие пожертвовать своим днем отдыха для оказания помощи своим соседям. Целый день они работали бесплатно. Вечером же устраивался обильный ужин с водкой. Тогда становилось особенно шумно и весело.

Считалось необходимым поднести рюмки по две мне и моим двоюродным сестрам Фросе и Дуне, после чего мы, вышедши из-за общего застолья, оживлялись, причем веселая бессвязная болтовня у нас чередовалась с беспричинными слезами. На следующий день и для гостей, и для хозяев предстоял тяжелый труд. Вот в ограде снова появились две тройки, и под звон колокольчиков, при смехе и гиканье гости с веселы-

ми песнями, сопровождаемые добрыми пожеланиями, двинулись в обратный путь на свою заимку. Стук телег, крики и свист, то усиливаясь, то ослабевая, долго еще доносились из сгустившегося сумрака ночи. Скоро и на заимке все стихло.

Такое появление посторонних людей на нашей заимке, расположенной в стороне проезжих дорог, было большой редкостью. Один случай, однако же, мне запомнился, может быть, потому, что среди приезжавших была девушка с большими темно-синими глазами и приятным выражением лица. Я с удовольствием смотрел на нее, и мне было досадно, что случайно оказавшийся на заимке брат Михаил слишком заметно и, как мне казалось, несколько грубовато за ней ухаживал. Но чудная девушка скоро уехала, и я уже никогда больше ее не видел, только краткий свет ее темно-синих очей продолжал храниться в моей душе.

Жизнь на заимке имела ту положительную сторону, что взрослые мужчины не могли легко достать водки и предаваться пьянству, так как ближайший кабаk находился в 25 километрах от заимки. Но иногда у членов этого удаленного от деревни хутора стихийно возникала потребность нарушить однообразие трудовой жизни и провести хотя бы один день в течение лета особенным образом. Средством для этого могла быть только водка. Однажды Николай призвал меня и предложил поехать верхом в деревню и привезти $\frac{1}{4}$ ведра водки. В седле на своей любимой лошадке я легко доехал до деревни, но обратный путь с бочонком водки в мешке, перекинутом через плечо, был довольно утомителен. Когда я приехал на заимку, то с трудом слез с коня и потом долгое время чувствовал себя каким-то кривобоком.

Между тем водка была пущена в ход и не замедлила оказать свое действие. Емельян достал свою дешевенькую гнусавую гармонику и начал с трудом гнуцимися пальцами наигрывать «Вдоль по Питерской». Я сочувственно следил за его музыкальными упражнениями. Как ни слаба была музыка, Николай ухитрился сплясать под нее с женой «русскую». В качестве танцора выступал также молодой татарин Ахметка. Веселье продолжалось до наступления ночи. Позднее всех принял в нем участие пастух Кондрат. Захмелел слабый старик, однако же, раньше других и скоро растянулся на полу в избе лицом вниз.

Пьянка обошлась без всяких ссор и тем более драк. Тем не менее, когда утром стали расталкивать пастуха, оказалось, что он был мертв.

Остатки хмеля быстро выскочили у всех участников попойки, и лица приняли серьезное, озабоченное выражение, в особенности у Николая. Надо скорее ехать в деревню и донести начальству о случившемся. А ведь еще неизвестно, как оно истолкует причину смерти. На следующий день на заимку приехали сельский староста и писарь. После осмотра трупа версия о насильственной смерти отпала: очевидно, она была скоропостижной. Происшествие обошлось без всяких тяжелых последствий для хозяина, то есть для Николая, но он стал реже прибегать к водке как к средству развлечения на заимке.

О каких-либо культурных развлечениях на заимке не могло быть и речи, тем более что они представляли большую редкость и в нашем культурном центре — селе Каргате. Если появлялась какая-нибудь новинка в селе, Михаил считал своим долгом познакомить меня с ней. Однажды небольшой странствующий цирк разбил палатку на окраине села. Мы с Михаилом были первыми посетителями этого диковинного зрелищного представления. Труппа состояла из двух молодых людей и двух мальчиков, может быть, связанных родственными узами. Мы с удовольствием посмотрели ряд акробатических упражнений, выполненных чисто и красиво. В другой раз в селе появилась телега с большой клеткой на ней, в которой предприниматель, открывая полог, за пятак показывал неприятелям старому облезлому тигра. Больше внимания и суждений вызвали эксперименты захватившего однажды фокусника. Женщины, побывавшие на демонстрациях удивительных фокусов, говорили потом: он (фокусник) глаза людям отводит, заставляет видеть то, чего на самом деле нет.

Общественной библиотеки в селе, конечно, не было, и достать какую-либо книгу было чрезвычайно трудно. Однажды какими-то судьбами на заимку попало собрание арабских сказок из «Тысячи и одной ночи». Некоторые из них были мне уже знакомы из рассказов Михаила; тем не менее я с жадностью принялся за чтение книги, скоро ее содержание было проглочено, и я опять остался без материала для чтения. Впрочем, это не совсем верно. Хотя и очень редко, на заимку все же попадали другие книги и вести из другого, отдаленного мира. 7 августа 1888 года должно было произойти полное солнечное затмение. По этому случаю через волостные правления распространялись в народе особые брошюры, описывающие причины и ход этого редкого явления природы. Одна из таких книжек

попала в мои руки на заимке. Я прочитал ее несколько раз и с видом знатока толковал в семье о предстоящем затмении. К моим словам относились, однако же, как-то тупо и равнодушно, видимо, не вполне им доверяя и не допуская, чтобы солнце могло среди дня померкнуть.

Выезд в поле на работу в этот день, однако же, несколько задержался. Наконец около полудня я и несколько женщин (где были мужчины, я не помню, может быть, был праздник) поехали дергать лен, у которого уже вполне созрели коробочки. Занятые этой работой, мы стали замечать, что становится все темнее и темнее. Научное предвидение исполнялось, и я торжествовал. Работница Агафья, до сих пор равнодушно покуривавшая свою большую трубку, выронила ее и, сложив руки в узкую трубочку, стала смотреть на солнце. «Глядите, глядите! — закричала она. — Около солнышка какие-то цветочки!». Мы, однако же, не последовали ее призыву, так как оставшееся узкое солнечное кольцо было слишком ярким, а приготовленные мною закопченные стекла остались дома. Через некоторое время явление пошло на убыль, и мы снова принялись за работу.

В такой слабо обжитой местности, в какой была расположена наша заимка, среди болот и лесов, должны были часто встречаться разные опасные животные, например, змеи, волки. Однажды я шел с поля на заимку и увидел на толстой березовой валежине несколько змей, свернувшихся в общее кольцо, как бы греясь на солнце. Я уже не боялся змей и, схватив толстый сук, крепко ударил по ним. Я ожидал, что змеи будут если не убиты, то, по крайней мере, парализованы настолько, что останутся на месте. Но случилось другое. Они моментально соскользнули с колоды и скрылись под ней. Я не стал продолжать опасной борьбы, но бывшая со мной собака Серка с лаем бросилась вперед к валежине, откуда раздавалось шипение змей, и стала скрести под ней землю. Самоотверженное действие верного животного обошлось ей дорого: она была укушена змеей и на следующий день ее морда стала распухать. Однако же собака нашла какое-то средство лечения. Она исчезла с заимки и через несколько дней явилась вполне здоровой. Мне объяснили, что собаки знают травы, которыми лечатся от змеиного яда.

Когда напряжение в ходе полевых работ несколько ослабевало, мы с дедом предпринимали походы к реке для ловли рыбы. Свои удочки и жерлицы мы обыкновенно ставили около остатков плотины, которая была когда-то возведена моим отцом при устройстве водяной мельни-

цы. Ловились обыкновенно окуни и щуки. Для насадки на жерлицы применялись приносимые с озера карасики, а поздней осенью — лягушки, которых в изобилии находили под старой слежавшейся соломой. Чтобы побудить щук хвататься за наживу на жерлице, я начинал купаться в реке и намеренно поднимать муть, чтобы щука не могла заметить предательского крючка, прикрепленного к рыбке. Вытягивал щук из воды обыкновенно дед, но иногда это делал и я. Однажды, вынимая глубоко заглоченный щукой крючок, я неосторожно засунул палец в рот хищнице и сам оказался в ее власти. Она крепко сжала свои челюсти, и ее зубы глубоко вонзились мне в палец. На мои крики о помощи прибежал дедушка, он крепко сжал голову щуки с боков, она раскрыла пасть, и я смог вынуть свой трясущийся окровавленный палец.

Волки

Чаще, чем люди, посещали нашу заимку волки. Однажды мы с Николаем исправляли в ограде телегу. Вдруг из-за бугра послышался отчаянный крик телят. Бросив работу, мы побежали к тому месту, откуда доносился крик. Тут мы увидели, что волк, вцепившись зубами в зад телят, тащил его в сторону леса, телят же, упираясь и зывая о помощи, тянул волка в нашу сторону. Николай, увидев, в чем дело, схватил оглоблю и бросился на зверя. Хищник неохотно выпустил свою жертву и медленно побегал прочь, поворачивая свою голову на толстой шее назад и глядя горящими ненавистью глазами на человека. Николай, вскочив на лошадь, с той же оглоблей в руках и криком погнался за волком. Последний принужден был ускорить свой бег и через некоторое время скрылся в ближайшем леске. Телят впоследствии выздоровел. Но не всегда столкновения с волками обходились так легко и просто.

Однажды осенью не явилось с пастбища все овечье стадо, голов в 25 или 30. Наступившая ночь помешала предпринять поиски овец, а сами они не появились и на следующее утро. Николай и дядя Михайло, занятые какой-то работой, кажется, гнутьем дуг и полозьев, розыски овец целиком передоверили мне. На следующий день я объездил верхом на лошади все окрестности и даже побывал на соседней заимке, но нигде овец не обнаружил. Между тем они были не так уж далеко.

Прошла еще ночь, в течение которой выпал довольно глубокий снег. Возвращаясь с бесплодных поисков, я увидел огромного волка, который,

делая большие прыжки по снегу, пересекал мне дорогу. Я остановил лошадь, остановился и волк. Смерив глазами друг друга, мы как бы молчаливо согласились не предпринимать каких-либо враждебных действий и продолжать путь каждый в свою сторону. Однако же появление волка в ближайших окрестностях заимки вызвало у меня тяжелое предчувствие. Значит, думал я, произошло что-то роковое. Действительно, по приезде на заимку я узнал, что ко двору прибежала овца, а за ней еще две. Дядя Михайло пошел по их следам и вскоре на поляне среди камышей увидел страшную картину: поляна была усеяна мертвыми и издыхающими овцами. Очевидно, волки, отложив пиршество на более позднее время, стремились обеспечить себя возможно большим количеством мяса. Обходя камыши, дядя Михаил нашел около полутора десятка живых овец, из которых многие не имели никаких заметных ранений, и пригнал их домой. Однако же часть этих овец впоследствии погибла, так как их горло оказалось прокушенным длинными клыками хищников.

Камыши, окружавшие заимку Егорушкиных с трех сторон, вообще играли немаловажную, а иногда и трагическую роль в жизни ее обитателей. В первую половину лета там, где они росли, нельзя было ни пройти, ни проехать из-за вязкой болотистой почвы. Во вторую половину лета почва просыхала, но камыши разрастались настолько, что превращались в непроходимые джунгли, по которым могли свободно передвигаться только разве волки. Однажды, чтобы сократить дорогу, я вздумал пересечь такую камышовую заросль. Въехав в нее на телеге, я увидел, что лошадь с большим трудом прокладывает в ней путь и скоро стала останавливаться из-за усталости; окружившие меня плотной стеной грозные заросли закрыли вид на отдаленный лесок, которым я предполагал пользоваться как путеводной вехой. Боясь заблудиться, я повернул лошадь назад и лишь с большим трудом выбрался на дорогу.

Однажды в камышовые заросли около заимки забралась каким-то образом маленькая девочка лет пяти, скоро она потеряла направление и стала терять силы. Пораженные бедой родители всюду искали потерявшегося ребенка в течение нескольких дней; камыши вызвали у них меньше всего подозрения. Девочку так и не нашли. Убитая горем мать так тосковала и плакала, что потеряла зрение. Года через два-три случайно в камышах нашли кости погибшей девочки.

Иногда скошенный камыш употребляли на покрытие дворов.

Впоследствии, лет через 10–15 после произведенной мелиорации, пересохли окружавшие заимку болотистые топи и озера, исчезли тогда, вероятно, и камышовые заросли. Теперь мне не узнать бы тех мест, где я жил и действовал 11–13-летним мальчиком.

Наш табун лошадей, состоявший из маток и молодняка и бродивший в течение лета и отчасти зимы там, где ему хотелось, находясь под бдительной охраной жеребца, никогда не подвергался нападению волков. Осенью, когда увядали травы, лошади охотно подходили к стогам душистого сена, оставшегося на лугах. Для обеспечения сохранности сена приходилось огораживать каждый стог особой изгородью — остожьем.

Работники. Их характеристика

Здесь уместно будет сказать несколько слов для характеристики наших сезонных рабочих, совместно с которыми мне приходилось выполнять различные хозяйственные работы, например, огораживание стогов осенью, возку сена и дров зимой и т.п. Обходиться без найма хотя бы одного рабочего мы не могли, так как единственный взрослый мужчина, братка Николай, принужден был нередко отлучаться в деревню. Кто были эти люди: дядя Михайла, Емельян, Кондрат, Лаптев, нанимавшиеся обыкновенно по одному на сезон, например, от Петровок до Покрова или от Покрова до конца Филипповок и т.п.? Мы знали о них только одно: это ссыльнопоселенцы, выходцы из Европейской России, которые почему-то не обзавелись своим хозяйством в Сибири. Какие преступления послужили причиной их ссылки, мы не знали, да и разговор об этом почти никогда не заводился. Какой-либо разницы в домашнем обиходе между основными членами семьи и наемным рабочим почти не проводилось. Каких-либо недоразумений по поводу платы или выполнения работы, насколько я знаю, не происходило. Во время отсутствия Николая работник принимал на себя обязанности заместителя хозяина, так как я был мал, а дедушка уже отстранился от хозяйственных дел.

Украинец Михайла был настолько выдержанным и солидным человеком, что я называл его не иначе, как дядей. Емельян, которого мой брат Михаил за высокий рост называл иногда «Одиссеем богоравным», был более молод и стоял поэтому к нам ближе по своему психическому укладу. Однажды он неприятно поразил меня жестоким избиением молодой лошади, которая долгое время не могла понять, как ей нужно

стать между оглоблями при запрягании. Постепенно все более и более озлоблявшийся Емельян так яростно колотил дугой бедное животное по бокам, что у него появилась кровавая моча. С немым ужасом наблюдал я эту дикую расправу. Наконец Емельян, увидев, что он отбил почки у дрожавшего мелкой дрожью коня, прекратил избиение, бросил дугу весь в поту сел на сноп (дело происходило на гумне) и только выкурив свернутую дрожащими пальцами толстую сигарку, наконец успокоился.

Лаптева я мало знаю, так как мало с ним работал. Высокий и мрачный, он никогда не улыбался и вынимал трубку изо рта, главным образом, для того, чтобы выругаться. Однажды огораживал я с ним стога сена. Вот на длинных дрогах подъехали мы к осиновому колку, чтобы нарубить там жердей, кольев и прутьев. Скоро тихий лесок, насквозь пронизанный светом, огласился звучными ударами топора и треском падающих молодых осин. Вдыхая горьковатый запах осиновой коры, я помогал носить нарубленный материал на распуски. Лошадь, стремясь ухватить кое-где еще не пожелтевшую траву, иногда наезжала на пни и валежины; тогда Лаптев начинал громко и грубо ругаться. Поскольку эти ругательства не относились ко мне, я мог спокойно их выслушивать, однако же мне было неприятно, и это отгалкивало меня от него.

Зима

Первую зиму на заимке Егорушкиных я провел сравнительно хорошо. Домашнее хозяйство находилось в руках тетки Арины Тимофеевны, поэтому питание было поставлено удовлетворительно. Дочка Арины Тимофеевны Фрося проводила зиму с матерью на заимке, мы вместе с ней работали и играли, нам было не скучно. Арина Тимофеевна, женщина очень энергичная и умелая, все время была занята каким-нибудь делом и, между прочим, сама выделявала овчины, сама скроила и сшила шубу для дочки, обнаружив, таким образом, недюжинные скорняцкие и портняжные познания. Я рад был за свою сестренку, когда она получила теплую мягкую шубку.

Весной, в марте, в день Алексея Божия человека, когда, по народным приметам, должны были прилететь жаворонки, тетка, свято соблюдая старый обычай, напекла нам из простого теста небольшие хлебцы в форме птиц с горошинками вместо глаз. Получив эти подарки, мы пошли на повести и поиграли там около наметанного сена, подбрасывая жаворонков с

пением кверху. Солнце сияло, но было еще холодно, и обледенелое на поверхности сено больно кололось, поэтому мы поспешили домой, чтобы провести этот первый весенний праздник в темноватой, но теплой избе.

Зимовщиками на второй год были я, работник дядя Михайла и работница Аксинья с двумя малыми детьми. Условия жизни изменились к худшему. Пища была однообразной. Овощей и картофеля было запасено мало. В особенности было тяжело в посты. Верхом кулинарной изобретательности Аксиньи были ржаные корольки (калачики), которые она подавала нам за утренним чаем, но они без всякой приправы плохо лезли в горло и воспринимались только при обильном сдабривании их солью. При обилии мяса и молока приходилось в посты жить впроголодь.

В длинные зимние ночи тишина прерывалась иногда только собаками, которые время от времени, чуя приближение волков, привлекаемых запахом скотного двора, поднимали страшный лай и вой.

С вечера на короткое время зажигалась сальная свечка, я доставал с божницы единственную книгу — песенник с русскими и украинскими песнями — и пытался ее читать, но фразы вроде «Чи я мужу не жена, чи я не коханка» и другие, им подобные, были мне мало понятны, и песенник в целом не вызывал у меня никакого интереса. Поэтому я откладывал книжку в сторону, брал листок бумаги и карандаш и пытался что-нибудь написать. Один раз я, к своему ужасу, заметил, что начинаю смешивать буквы «ч» и «ъ». «Я начинаю забывать грамоту!» — мелькнуло у меня в голове. Но предаваться печальным размышлениям было некогда, так как свечку нужно было тушить, а теплые полаты, где уже похрапывал дядя Михайла, манили меня к себе.

Во вторую половину зимы дядя Михайла по ночам выходил раза два на скотный двор (он не был утеплен), чтобы подбирать рождающихся телят и приносить их в избу. Рано утром, еще в потемках, мы уже все были на ногах; прежде всего поили коров и лошадей, для чего приходилось гонять их на озеро, где уже заранее была приготовлена длинная прорубь. Навившись холодной воды и идя по открытому месту на ветру, некоторые малоупитанные животные, согнувшись, дрожали всем телом. Наконец, в ограде и во дворе раскидывали корм в виде сена и соломы, и животные успокаивались за дружной едой.

Аксинья еще ранее должна была подоить коров. После того мы с дядей Михайлой запрягали несколько лошадей в сани, чтобы поехать

за сеном. Перед отправлением заходили в избу погреться, причем дядя Михайла выкуривал свою последнюю трубку. Ехали медленно, гуськом, шагом, так как дороги были занесены снегом или их даже совсем не было. А вот и стог, наполовину занесенный снегом. Дядя Михайла откапывал его и начинал вилами бросать сено на сани. Я принимал его, укладывал и уминал так, чтобы получился прямой, аккуратно сложенный воз, который затем увязывали бастриком и веревкой. Затем ехали на заимку. Иногда я с двумя возами сена прямо от стога, не заезжая на заимку, отправлялся в деревню.

Проехать километров двадцать было нелегко. Один раз дул такой сильный поперечный ветер, что воза мои, очевидно, неудачно сложенные, опрокидывались на бок, и лошади останавливались. С напряжением всех сил, упираясь головой так, что у меня трещали затылок и шея, я исправлял положение воза, но через некоторое время он опять опрокидывался. Положение было скверное. По счастью, вправо от дороги виднелась чья-то заимка. Я побежал туда и со слезами стал просить о помощи. Помощь была мне великодушно оказана, воза выправлены, перетянуты, и лошади мои быстрее зашагали вперед, тем более что и дорога дальше стала больше накатанной. Я то взбирался на воз, то шел сзади, страстно мечтая о том моменте, когда по приезде в деревню взберусь на горячую печку и погружу свои зубы в мягкий душистый кусок хлеба. И такой блаженный момент наконец наступил.

Тут не мешает сказать несколько слов для моей характеристики как работника. Пожалуй, я имею основания утверждать, что работал обычно добросовестно, но в некоторых случаях проявлялись недостатки в моем характере, которые коренились, главным образом, в отсутствии у меня решительности, смелости и в некоторых случаях бесшабашности. Однажды под осень Николай поручил мне отыскать и пригнать на заимку табун наших лошадей, свободно бродивших где-то между колками. Я в конце концов отыскал лошадей, но пригнать их домой не смог, так как для этого требовалось скакать верхом на лошади между кустарниками по кочкам и валежинам и проявить надлежащую отчаянную решительность и смелость, чтобы подчинить табун своей воле. Образцом такой доблести для меня был всегда Николай. Расспросив меня, он помчался в нужном направлении, отыскал табун, пригнал его домой, скоро лошади оказались в ограде, так что представилась возможность

поймать тех из них, которые нужны были на работе. Мне было стыдно — ведь мне было уже 12 лет.

В другой раз в начале лета мы с Николаем должны были перегнать табун, лошадей 30, на заимку Лунтаевских, чтобы там, переправив их на другую сторону реки, оставить пастись до осени на обширном лугу на полной свободе. И вот тут-то я не проявил свойства наездника и не оказал Николаю надлежащей помощи: в то время как он летал на своем скакуне (а под ним превращалась в скакуна всякая рядовая лошадь) с одного фланга на другой, отчаянно крича и размахивая руками и ногами, я проявил слишком мало проворства и инициативы, чтобы направить табун полудиких лошадей в определенную сторону. Наконец, вожаки табуна, за которыми привыкли следовать рядовые его члены и молодежь, поняли, что от них требуется, и операция приняла спокойный характер. Я опять получил от Николая замечание, и мне было стыдно.

Третий случай имел место зимой. Николай в морозную ночь, вернувшись из какой-то поездки и обнаружив, что у лошадей нет воды для питья, стал будить меня, сладко спавшего на печке, чтобы я съездил на реку за водой. Я проснулся, но не показал виду, что все слышу и понимаю, так как моментально сообразил, какие трудности мне пришлось бы преодолеть при выполнении предлагаемой работы. Ехать придется на Игреньке, большом, высоком и беспокойном жеребце, трудно думать, что он будет спокойно стоять у проруби на реке, когда я буду черпать воду и наполнять ею высокое полубочье. Черпать воду из проруби с обмерзшими высокими краями также очень трудно, даже опасно, так как можно упасть в воду. Продрогший на ветру, Игренька мог совсем выйти у меня из подчинения. По-видимому, все это сознавал и сам Николай, и, наконец, сжалившись, оставил меня в покое, сам съездил за водой. Меня потом мучила совесть, так как в данном случае я проявил еще способность к притворству и лукавству.

Мне было около 11 лет, когда я боронил однажды хлебное поле на заимке Егорушкиных. Лето уже приближалось к концу, но день был жаркий, меня мучила жажда. Слез с коня и побежал к ближайшему болотцу в надежде найти там воду. Увы, воды между кочками не оказалось. Тогда я разгреб руками гниющие стебли травы и ил, устроив нечто вроде маленького колодца, вернее ямку. Вода стала накапливаться, но была очень мутной. Вернувшись к лошадям, я проехался еще несколько

раз с боронами и затем вновь побежал к своему колодчику. Вода дурно пахла, в ней плавали какие-то козявки, тем не менее я, накрыв ее для процеживания платком, утолил жажду. После того я с песнями продолжал бороньбу. Истощив скоро свой небольшой запас песен, я стал молча ездить из конца в конец.

Кругом стоял лес, располагавший воображение к работе. Мне стали рисоваться различные фантастические картины, я находился довольно далеко от заимки, было тихо, кругом ни души. Вдруг, подняв голову, я увидел, что к пашне подъезжает старик могучего телосложения, с длинной седой бородой. Стоя на телеге, он спокойно направляет лошадь в мою сторону. Конечно, это атаман разбойников, пронеслось у меня в голове, конечно, он не один, кругом за кустами движутся его сообщники, может быть, его сыновья. Будучи уверен, что я все равно не ускользну от его рук, разбойник даже не смотрел на меня. Эта спокойная уверенность старика действовала на меня оцепеняющим образом. Убежденный в своей неизбежной гибели, я спокойно слез с коня: ведь бегство все равно было невозможно. Я уже слышал стук колес, медленно подвигавшейся телеги. Тут я еще раз решился взглянуть на старика. И что же? Какую скверную шутку сыграло на этот раз со мной воображение! Ко мне подъезжал не злой разбойник, а мой добрый дедушка Семен Егорыч, с которым я был в прекрасных отношениях. Пелена, застилавшая мои глаза, моментально спала, все предметы предстали в своем обыкновенном свете.

По приезде домой я, не желая быть смешным, никому не рассказал о своих переживаниях. Я рассказал о них много-много лет спустя своим внукам.

В промежутках между главными видами сельскохозяйственных работ, проводившихся на заимке, я бывал иногда в деревне, где выполнял различные поручения братки Николая. Так, однажды я должен был съездить в татарскую деревеньку, находившуюся в десяти верстах от Каргата, и смолотить там, на водяной мельнице мешок ржи. Если в своей технической части это поручение не показалось мне трудным (я чувствовал себя уже настоящим «мужиком», так как мне было 12 лет), то в своей «идеологической» части, если можно так выразиться, оно послужило источником ряда довольно тяжелых душевных состояний. Дело в том, что при отправлении Николай сказал мне: «Ты долго там не засиживайся и потихоньку попроси мельника Ми-

хайлу поскорее обменять рожь на муку». Но если с ним надо говорить потихоньку, рассуждал я, значит, в обмене моей ржи на чужую муку заключалось что-то запретное, преступное. Однако же я выполнил все, что от меня требовалось.

На мельнице я прожил дня полтора. Мне было весело слушать немолчный шум падающей воды, стук колес, наблюдать движение механизмов и превращение желто-бурых зерен в пушистую белую муку. Наконец дядя Михайло сказал мне: «Запрягай лошадь, поедешь домой». Когда я подъехал к мельнице, он взвалил на телегу мешок муки. При этом я не мог не заметить, что мой мешок ржи продолжал смиренно ожидать своей очереди быть смолотым. По плотине и тряскому мостику я переехал через речку, и телега моя весело затарахтела по проселочной дороге. Но тут я услышал крик с мельницы и, оглянувшись, увидел приказчика купца Панферова, которому принадлежала мельница; он что-то кричал и махал рукой, по-видимому, предлагая мне остановиться. Я, однако, не остановился, тряхнул вожжами и поехал быстрее: ведь мне нужно было поскорее вернуться домой. Вместе с тем сознание преступности своих действий у меня увеличилось.

С течением времени память об этих незначительных переживаниях стала тускнеть. Но вот наступило время посева озимых. Я опять поехал на заимку и приступил там к исполнению обязанностей борноволока. Целыми днями я оставался в поле один. При этом условии воспоминания, связанные с получением муки, приобрели особую яркость, и сознание своей виновности глубоко встревожило мою душу. Я серьезно мучился в ожидании возмездия за мое «преступление». Наконец, душевное напряжение достигло своего апогея. Час расплаты, я чувствовал, приближался. Когда я боронил поле на гриве за болотами, поросшими высоким и шумливым камышом, я услышал в отдалении стук телеги. Кто-то ехал из деревни. Конечно, по делу о муке. Стук становился ближе. Сейчас все должно решиться. Вон из-за того леса появится телега с людьми. С мучительным чувством я ожидал этого момента. Наконец, остановил коня и слез с него. Но люди не появлялись, да и никого стука не было слышно. Я убедился, что воображение и на этот раз сыграло со мной злую шутку. Это был кризис в моих душевных переживаниях. После этого началось выздоровление больной совести, и воображение перестало рисовать фантастические картины.

Зимние вечера в деревне. Состязание в борьбе

Снежинки тихо падали на площадку перед казармами, в которых помещались солдаты местного небольшого отряда, служившего главным образом для конвоирования партии ссыльных и каторжников. Уже вечерело, когда на площадке стали собираться деревенские парни с целью вызвать солдат на состязание в борьбе. Поужинав, солдаты высыпали из казармы и построились стенкой перед парнями. Потом партии перемешались и образовали круг, внутри которого началась борьба. Соперники, опоясавшись ремнями или кушаками, брались за них и, упираясь плечами, старались повалить друг друга на землю. Иногда борющийся неожиданно для противника падал на землю и старался перебросить его через голову или сбросить в сторону, чтобы потом оказаться наверху. Победа оставалась то за солдатом, то за деревенским парнем.

Борьба шла обычным порядком, как вдруг между зрителями произошло движение: в кругу появился удалой ямщик из Каргата — Васька Ермишенков, который был известен как чрезвычайно искусный борец. Он только что привез вольную на своей лихой тройке с колокольчиками, малиновый звон которых хорошо был известен жителям Каргата. Круг сомкнулся плотнее: предстояла интересная борьба. Недолго думая, Васька Ермишенков сменил побежденного парня и стал легко опрокидывать своих противников одного за другим. Все с напряженным вниманием следили за ногами этого человека, который, не отличаясь большим ростом, но, будучи очень ловким и сильным, действуя своими ногами, как крючьями, легко выходил победителем в борьбе с лучшими борцами. Казалось, что вскоре он не будет иметь желающих состязаться с ним.

Но вот на арену вышел сам фельдфебель, плотный, крепкий мужчина. Васька уже порядочно устал и поэтому опасливо посмотрел на своего противника. Оценив его как человека неповоротливого, он решил сыграть на своей ловкости: улучив удобную минуту, он быстро повалился на землю, увлекая за собой противника, в надежде выбраться потом наверх. Расчет, однако же, оказался неправильным: фельдфебель придавил его своим грузным телом, и Васька при громких криках присутствующих признал себя побежденным.

Между тем уже смеркалось. Публика, обсуждая подробности состязаний, стала медленно расходиться по домам.

Посиделки

Кто не знает в Каргате веселой вдовушки Любаши? Еще молодая, крепкая, как репа, веселая и жизнерадостная, она является первой за-тейницей при устройстве различных увеселений для деревенской молодежи; обладая неистощимым запасом песен свадебных, хоровых и семейных, зная, как устраиваются игры весной на открытом воздухе в хороводную пору, зимой в комнате в посиделочное время, она всюду является желанным организатором, умеющим возбуждать веселье и воодушевление. Достаточно ей плавно пройти с платочком в руке, свободно и непринужденно, в танцевальном кругу под звуки разбитной гармоникки, как у всех начинают подергиваться руки и ноги от желания принять участие в танцах. Вот и сегодня, только что наступил длинный зимний вечер, как у нее на столе уже появились две зажженные свечи. В то время в деревне еще не слышали об электричестве, да и керосиновые лампы представляли еще большую редкость, но и знаменитая лучинушка давным-давно отошла в область преданий. У Любаши никогда не было недостатка в свечах: одна из посетительниц принесет из дома топленого сала, другая — ниток для фитиля, третья — оловянную лейку, с помощью которой можно самому отливать сальные свечи, мало чем отличающиеся от стеариновых.

Вот изба отворилась, и в нее ввалилась со смехом и морозным паром первая партия крестьянских девушек, а за ними успел проскользнуть кое-кто из парней, рьяных посетителей этого своеобразного деревенского клуба для молодежи. Девушки рассаживаются на лавках и скамейках — кто с прялкой, кто с шитьем, кто с вязаньем — и принимаются за работу. Усердие к работе, однако же, мало-помалу остывает по мере появления новых посетителей и посетительниц.

Вот опять вбежала большая группа девушек; их лица были возбуждены, щеки горели не только от мороза, но и от желания поскорее поделиться друг с другом впечатлениями и замечаниями по поводу интересного зрелища, которое они наблюдали с жадным любопытством почти в течение целого часа. Они прибежали непосредственно из церкви, где происходило венчание Василия Проскурова и Дуняши Погорелковой. Венчание всегда привлекает в деревенскую церковь большое количество людей, в особенности молодежи, которые с наслаждением и зорко наблюдают за всеми деталями обряда. Присутствующие без особого стеснения

тут же делятся друг с другом своими впечатлениями и вообще ведут себя настолько шумно, что священнику иногда приходится приостанавливать венчание и убеждать публику вести себя потише и пристойнее.

Часть девушек ушла из церкви к дому жениха, чтобы там через полузамерзшие стекла окон и дверные щели с необыкновенной настойчивостью и терпением следить за свадебным пиршеством. Те же из них, которые предпочли пойти на посиделки, быстро раздевшись и взяв в руки захваченную из дома работу, расселись по лавкам и принялись приводить в порядок полученные в церкви впечатления.

— Дуняша Погорелкова славная девушка, хотя и рябая.

— Что же, что рябая, ведь с лица воду не пить, зато она скромная и работающая, у нее заготовлено хорошее приданое.

Из дальнейших разговоров выяснилось, что жених и невеста до свадьбы мало знали друг друга, редко встречались, и брачная пара составила исключительно по расчету, по советам старших.

— Под венцом жених и невеста были серьезные, не смеялись, значит, в браке они не будут плакать друг от друга.

— А я смотрела, кто из них первый ступит на подножье (кусоч материи или платок), который сваха постлала перед аналоем, и заметила, что Дуняша ступила первая, но мне как-то не верится, чтобы Дуняша стала командовать над мужем.

— Я задержалась немножко в церкви, чтобы вместе со свахой сравнить длину огарков венчальных свечей, оставшихся после венчания, и узнать, кто проживет дольше: муж или жена, но оказалось, что оба огарка одинаковой длины.

Дальше хотелось поговорить о том, как были одеты новобрачные, свахи, тысяцкий, шаферы, но набравшиеся в избу молодые люди стали употреблять все усилия, чтобы отвлечь внимание девушек от этой интересной темы и перейти к общему веселью. Балагуры парни наперебой старались выкинуть какую-нибудь шутку или сказать что-нибудь забавное, чтобы вызвать улыбку или смех на устах представительниц прекрасного пола.

— Знаете, что я вам скажу, — сообщил один парень. — Когда Ивана Подгорного забрали в солдаты, он вышел из присутствия и сказал: «Эх я сердешный! Придется мне солдатом быть!» Сердешный! Ха, ха, ха!» — со смехом закончил рассказчик.

Это незатейливое сообщение вызвало общий взрыв веселого смеха. «Сердешный!» — слышалось то из одного, то из другого угла. С тех пор к Ивану Подгорному прочно прилипло прозвище «Сердешный». Никто уже не знал больше Ивана Подгорного, всем он был известен под именем Ивана Сердешного.

По предложению Любаши было исполнено несколько хоровых песен, причем под одну из них, «Ах, вы сени, мои сени!», один из парней, пришедший в сапогах, исполнил какой-то не совсем обычный танец, лишь до некоторой степени напоминавший «русскую». Пришел Поташка-цыган со своей бандуркой (двухструнная балалайка). Звуки этого примитивного музыкального инструмента внесли известное оживление, однако же настоящее веселье началось тогда, когда в комнату, осторожно неся под мышкой завернутую в шаль гармонику, вошел с сестрой Петя Заливин, ученик старшего класса сельской школы, лучший певец в церковном хоре и музыкант. Петин дядя, прослужив 25 лет солдатом где-то на китайской границе, бережно пронес гармонику через всю Сибирь, чтобы подарить ее своему племяннику Пете. Петя быстро усвоил весь репертуар музыкальных пьес своего дяди и теперь является желанным гостем на вечеринках и посиделках.

Когда раздались задорные звуки гармоники, девушки окончательно отложили свои работы в сторону. Началось общее веселье, затянувшееся до полуночи. Песни и пляски чередовались с играми, руководительницей которых обыкновенно выступала Любаша. Некоторые игры были связаны с сидением девушек на коленях своих кавалеров. Общее внимание привлекло выступление Поташки-цыгана, который при звуках «русской» пригласил одну девушку на танец. Сделав знак гармонисту, чтобы тот ускорил темп, он начал бешено кружиться около девушки, которая была несколько смущена его необузданными, порывистыми движениями, выражавшими дикую страсть, и поэтому сравнительно скоро вышла из круга. Поташка, не истощив всего запаса имевшихся у него колен, должен был прекратить танец. Тогда на сцену выступили два парня в плюсовых шароварах и в красивых новых сапогах с блестящими подковами; стоя друг против друга, они танцевали поочередно, выделявая каждый раз новые колена; происходило как бы состязание в изобретении все новых и новых па, красота и разнообразие которых рассчитаны были на удовлетворение эстетических чувств присутствующих.

Танец внезапно оборвался, когда в комнату вбежал мальчик и сообщил своему брату Власу Щедровитову, что надо везти почту. Надевая на ходу шапку и шубу, Влас побежал домой. Это заставило многих вспомнить, что и на них лежат хозяйственные обязанности, ждущие своего выполнения: кому надо посмотреть, не отелилась ли корова, кому задать корм лошадям, кому пораньше выехать в лес за дровами; некоторые девушки вспомнили, что матери не велели им долго засиживаться на посиделках. Гости стали постепенно расходиться. Раньше всех ушел Петя Заливин в сопровождении сестры. Поташка-цыган, исполнявший летом обязанности пастуха, тоже ушел пораньше домой, так как не знал еще хорошо требований своего нового хозяина, к которому он нанялся на зиму в работники.

Наконец изба опустела. Многим парочкам хотелось бы погулять еще по морозному воздуху, однако же девушки спешили домой, так как хорошо знали, что за ними следят ревнивые глаза и что малейшая неосторожность в их поведении может привести к тому, что ворота их дома к утру окажутся вымазанными дегтем, и тогда позор падет не только на девушку, но и на ее родителей. Группа парней с громкой песней прошла по улице села, и после того все стихло. Лишь по временам открывалась дверь кабака, и оттуда вырывался сноп света и неясный гомон: клуб целовальника Николая Ивановича работает дольше клуба Любаши.

В кабаке

Мужчины более зрелого возраста, самостоятельные хозяева, у которых иногда побрякивают деньги в кармане, в долгие зимние вечера находят себе убежище от скуки в другом месте — в кабаке. Нужно сказать, что кабак служит не только местом выпивки, но и своего рода деревенским клубом, где люди сходятся, чтобы побеседовать с друзьями, поспорить с соперниками, узнать различные деревенские новости; иногда здесь намечается решение того или иного общественного вопроса.

— Еду я в Дуброву, везу вольную и нагоняю две пары подвод. На одной едет парнишка Федюшка Егорушкин, а на другой Максимка Неудачин. И у обоих лошади пристали, не бегут да и только, идут только шагом. Ладно, что господа в кошевках сидят добрые, жалостливые, не ругаются. Должно быть, лошади не были накормлены овсом. Недаром говорится пословица: не гони коня кнутом, а гони овсом.

Тут разговор оборвался. В комнату вошел человек ростом немного выше среднего, крепкого телосложения, видимо, сильный, проворный, решительный. Это был Яшка Марков, исправный хозяин, пускавший к себе в свой обширный двор на кормежку и отдых большие обозы. В то же время Яшка был известен как отличный кулачный боец, который не знал равных себе соперников. Мужики расступились перед Яковом, одетым в плисовую поддевку, и дали ему место у стойки. Даже целовальник Николай Иваныч приосанился, а у его жены, сидевшей в отделении за прилавком, глаза загорелись, как угольки. Яшка Марков никогда не напивался допьяна, но склонность к проявлению удали и молодечества у него просыпалась легко по малейшему поводу.

— А ну-ка, мужички, кто из вас побьется со мной?

В это время бились уже не вязом черевленным и не тележной осью, как во время Васьки Буслаева, а простыми кулаками, которыми нельзя было нанести членовредительства, вследствие чего удалцам не угрожала ответственность перед сельской полицией и волостным судом.

— Ну, что же молчите? — продолжал Яшка. — Если вы меня побьете, я выставлю бутылку водки. Если же я побью, вы мне выставите бутылку, а разольют ее лучшие бойцы.

Многим вызов Яшки показался дерзким, захотелось осадить его, наказать и вместе с тем бесплатно выпить. Пошептавшись между собой, мужики наконец изъявили согласие. Стали готовиться к бою: поскидали лишнюю одежду, засучили рукава. На одной стороне Яшка, на другой — десятка полтора здоровенных мужиков. Николай Иваныч поспешно убрал посуду со стойки и уселся для наблюдения интересного зрелища за прилавком на высоком табурете. Его жена обнаруживала явные признаки беспокойства: ей казалось, что Яков зашел слишком далеко, вызвав на бой весь мир.

Никто не решался начать бой первым. Наконец, один противник Якова, улучив удобный момент, попытался нанести ему удар в левый бок, прямо против сердца, но, получив могучий контрудар, принужден был быстро ретироваться в задние ряды. Это послужило сигналом для общего нападения на Якова. Одно время казалось, что дело его будет проиграно. Он должен был проявить все свое проворство, живость, силу и сначала старался только отражать наиболее сильные удары. Через некоторое время он, однако же, сам перешел в решительное наступление и

стал награждать своих противников такими ударами, что один из них покатился под лавку, другой «окарачь» ползет, третий забивается в дальний угол, некоторые ищут спасения в бегстве.

Поле боя осталось за Яковым. Из разных углов слышались стоны, проклятия, ругательства. Через некоторое время побитые, потирая ушибленные места, стали собираться в кружок для сбора денег, чтобы купить вскладчину бутылку водки для Якова. Со своей стороны Яков тоже выставил бутылку и предложил одному из лучших бойцов угостить своих товарищей, исключая, однако же, трусов, покинувших прежде-временное поле боя. Стоны и ругательства мало-помалу прекратились, послышались веселые замечания, которые потом перешли в общий гомон и хохот. Мирные отношения восстановились. Однако же побежденные будут мечтать о реванше, чтобы при удобном случае избить Яшку до полусмерти.

Через некоторое время Яков, никогда не забывавший о деле, ушел из кабака, чтобы приготовиться к приему шедшего обоза: очистить и подмести двор, привести свежего сена, прикупить овса. Стали расходиться и другие посетители. Только самые усердные из них долго галдели, и Николай Иванович должен был применить силу, чтобы выпроводить их на улицу, так как доходу от них все равно было мало.

У домашнего очага

Перед воскресеньем хозяйка чисто вымыла и выскоблила пол и лавки в избе. Разбросала по полу пахучего сена и затопила железную печку. В комнате стала распространяться приятная теплота. Хозяйский сынишка перешел с лавки на пол и стал здесь кувыркаться, закладывая иногда ногу за ухо. В углу на соломенной циновке стоял недавно родившийся теленочек. Несмотря на то, что он на свете прожил всего только неделю, он иногда принимал вызов Феди — так звали мальчика — и, крепко упираясь ногами, начинал с ним бодаться. Временами мальчик прислушивался к рассказам странника, которого Сергей Яковлевич, глава семьи Щедровитовых, впустил сегодня на ночевку. В зимнюю пору лишь редко можно увидеть пешеходов на великом Сибирском тракте, но Андрей Бережков ради богоугодного дела — посещения святых мест — не считал возможным для себя сидеть дома даже зимой. Когда-то во время тяжелой болезни он дал обет: в случае выздоровления посвятить остаток своей жизни посещению знаменитых монасты-

рей, чудотворных икон и святых мощей, которых было так много на святой Руси. Он уже обошел большую часть страны, и рассказ его, полный живых описаний Киево-Печерской лавры, Соловецкого монастыря, мощей Тихона Задонского в Воронеже, был очень интересен. Теперь же шел он в далекую Сибирь, к Байкалу, на поклонение мощам иркутского чудотворца Иннокентия. Горячая вера и жажда подвига давали этому изможденному человеку силу для преодоления огромных пространств и в летнюю жару, и в зимний холод.

Рассказ был прерван приходом Изотыча, соседа Сергея Яковлевича. Приятели, перебирая взятые с полу соломинки и делая из них для мальчика то меленку, то подобие коврика, поговорили о разных деревенских новостях. Потом беседа перешла к обсуждению недавнего сельского схода, на котором под давлением горланов, то есть деревенских ораторов, были приняты решения, с которыми большинство не было согласно в душе.

— Да, чего уж захотят горланы, на том и постановают, — заключили собеседники.

Потом Изотыч ушел; Сергей Яковлевич удалился в горницу на ночлег. В избе остались мальчик и странник. Последний изготовил себе постель на полу из своей и кое-какой данной ему хозяйской одежды и, усердно помолившись Богу, улегся спать около стола в переднем углу. Тут же неподалеку от него, поближе к печке, прикорнул на ночь и хозяйский сынишка. Ночью мальчик, проснувшись, увидел, что странник стоит на коленях перед небольшой иконой, у которой теплилась тоненькая восковая свечка. Истоиво крестясь и шепча молитвы, богомолец усердно клал земные поклоны. Лицо его показалось мальчику каким-то просветленным и счастливым. Долго молился странник, произнося сладостные слова молитв, благоговейно смотря на икону и не замечая, что за ним наблюдает хозяйский мальчик, на которого все его действия производили глубокое впечатление. Наконец странник с умиленным лицом погасил остаток свечки и улегся на своем жестком ложе. На следующий день рано утром, поблагодарив гостеприимного хозяина, еще не вполне оправившись от усталости, тяжелой походкой отправился он в дальнейший путь. Но его образ сохранился в душе мальчика, и впоследствии, усложненный чтением житий святых и Евангелия, он войдет составной частью в идеал праведного человека.

Ф.Ф. Ларионов

Источник

**О ревизии церковей Березовского и Сургутского
ведомства. Путевой журнал протоиерея Петра Попова.
1882 г.**

Его Преосвященству
Преосвященнейшему Василию, Епископу Тобольскому и Сибирскому
и Кавалеру
Градо-Тобольской Воскресенской церкви Настоятеля Протоиерея
Петра Попова

Всепокорнейший рапорт

Согласно данной мне в руководство инструкции, произведя в минувшее лето ревизию церковей по Сургутскому и Березовскому округам, долгом считаю представить при сем Святительской особе Вашего Преосвященства путевой журнал, сущность которого заключается в следующем:

1. По вышнему положению, обозранные мною церкви находятся большею частию в хорошем состоянии: благоукрашены, при всех есть капиталы наличными деньгами и билетами, у некоторых весьма значительные, каковы: Обдорская — 43661 р. в банковских билетах и 646 р. 81 к. наличными деньгами, Кондинский монастырь — более 8000 р., Березовские церкви — до 4600 р., Сургутская — до 3500 р., Шоркальская — до 2500 ., Сухоруковская — до 2000 р.; все снабжены утварью и ризницами и богослужебными книгами в достаточном количестве и хорошего качества, за исключением книг для назидательного чтения при богослужении, каковых нет почти при всех церквах.

2. Богослужение, судя по журнальным записям и отзыву прихожан, совершается довольно часто, от 10 до 20 в месяц с должным благоговением, без опущений, но без поучений, за немногими исключениями, и то одной Березовской церкви. Церкви, можно сказать, благоукрашены

внутри и снаружи, внутри и около них соблюдается надлежащая опрятность; прихожане-русские вообще относятся ко храмам своим с похвальным усердием и любят, по мере их средств, украшать оные. Текущество письменных дел везде почти полное и правильное, и дела архивные за прежние годы состоят в наличности, только в немногих церквях не внесены в опись церковного имущества и в непрочных переплетах, на что при ревизии и указано как недостаток, который нужно исправить.

Вообще внешняя сторона храмов Сургутского и Березовского округов, за немногими исключениями, можно сказать, очень удовлетворительна; нужнейшая половина оных (остяки, для прощения которых и устроены здешние храмы) в неприглядном представляются виде. По отношению к христианской вере и образу их жизни нынешние остяки едва ли находятся не в том же состоянии язычества, в каком они были до времени обращения их в христианскую веру в 1714, 1718 и 1726 годах. Все христианство их заключается лишь в одном наименовании. Из числа всех таинств христианской церкви они охотно исполняют одно — крещение, к прочим же они относятся без всякого внимания: ни исповеди, ни бракосочетаний они не считают для себя нужными, о постах у них и речи нет, погребают умерших без ведома причтов и даже скрывают от них свои кладбища с тою именно целью, чтобы исполнять погребение умерших по древним языческим верованиям, по которым поступают и во всех важных случаях жизни, и потому хладнокровно относятся к вере христианской и ко храмам Божиим, которые посещают очень редко даже в самые великие праздники: Св. Пасху, в Рождество Христово.

Причина столь неутешительного равнодушия остяков к вере и правам христианским, первее всего, заключается в холодном отношении местного духовенства к просвещению их. Редко посещая жилища их, не более одного раза в год, а вдали живущих — по два и более года не посещают своих прихожан, причты не имеют другого удобного случая чему-либо научить своих прихожан, да и эти редкие посещения остяцких жилищ ограничиваются одною лишь формальностью крещения детей и материальным возмездием за труд. А при таком отношении причтов к своим прихожанам понятно неведение правил христианской жизни и коснение остяков в языческом образе жизни.

Но и самое горячее отношение к просвещению остяков может остаться малопродуктивным, если причты не возьмутся за обучение остяцких

О ревизии церквей Березовского и Сургутского ведомства

детей в школах. Этот способ есть самый надежный к образованию инородцев; но их-то, кроме сел Сухоруковского и Шоркальского и Кондинского монастыря, нигде при церквях нет. Первые две содержатся за счет сельского и инородческого общества и состоят в ведении Министерства народного просвещения, вторая содержится на счет миссионерских средств для 10 инородческих мальчиков и находится в самом жалком состоянии, всего в ней находится три инородческих мальчика и только для одного виду, кажется, и потому школа эта не приносит желаемой правительством пользы.

Причина холодного отношения духовенства округов Березовского и Сургутского к образованию остяков заключается первее всего в недостатке материальных средств для собственного пропитания; за 360 р. для священника и 120 для псаломщика казенного жалованья, да от 100 до 400 р. доходов с грехом пополам должны прожить две семьи от 4 до 15 человек в стране суровой и неплодной. Вот естественная причина того ненормального добывания хлеба, к которому причты березовские и сургутские и прибегают в ущерб прямой своей обязанности для прихожан, роняющий их достоинство и влияние на последних. Этот способ — или ловля наравне с инородцами зверя, птицы и рыбы, или торговля хлебом и другими продуктами инородческого потребления, или притеснение инородцев при удобном случае и вымогательство, на которые в проезд мой неоднократно инородцы заявляли неудовольствия, или, наконец, надежда на добровольную подачку. И вот где кроется причина, отнимающая и ревность, и охоту посвятить время и труд просвещению инородцев, и отталкивающая от сих приходов не только незнакомых с этими округами, но даже и тех, которые уж привыкли к ним. И ради того, чтобы привлечь в эти суровые округа людей достойных и благонадежных, необходимо, по моему убеждению, удвоить казенное жалованье причтам Сургутского и Березовского округов с тем непременно условием, чтобы, кроме прямой своей обязанности, духовенство ничем посторонним не занималось, ни ловлею, ни торговлею, ни тем более вымогательством и попрошайством. А сверх всего этого духовенство этих округов должно быть непременно из уроженцев этих округов — изо всех сословий — русских и инородцев, которому, при хороших средствах, по привязанности к родине, не будет надобности искать места служения в более теплом климате.

3. Относительно частных обстоятельств, вошедших в путевой журнал мой, как-то: о пристрастных действиях протоиерея Тверитина к псаломщику Антипе Бешкильцеву и сестре его, девице Анне Бешкильцевой, по иску живописца Козлова за излишние работы по Березовскому собору и неблагоприятных действиях протоиерея Тверитина по рапорту священника Норского от 10 июня сего года изволите, Милостивый Архипастырь, усмотреть: частию из самого журнала, частию из дел по сим предметам, которые будут представлены, а последнее из них с сим вместе честь имею представить на Святительское усмотрение Вашего Преосвященства.

Вашего Преосвященства
Милостивого Отца и Архипастыря
нижайший послушник
протоиерей

Петр Попов.

Октября 12 дня 1882 года.

**Путевой журнал по обозрению церковью Сургутского
и Березовского округов, произведенному по указу
Тобольской духовной консистории от 29 мая 1882 г. за № 3246
протоиереем Петром Поповым**

В 10 часов 23 июня, вечером, сели мы на пароход тобольского купца Корнилова «Союз», я приютился на палубе в каюте капитана, а спутник мой о. диакон — на открытом воздухе около машины, потому что каюты все уже были заняты. Положение на первый раз невыгодное и неблагоприятное, но и это было хорошо: времени оставалось немного для проезда пяти или шести тысяч верст в Сургутском и Березовском округах для обозрения церковей и производства исследований по делам в городе Березове.

Невыгодное и обидное положение на пароходе «Союз», с пересадкою на пароход «Рыбак» неожиданно изменилось к лучшему; здесь нас поместили в каюту весьма приличную, благодаря капитану парохода; здесь было уже тепло и свободно, что давало возможность познакомиться с инструкциею и порученными мне для исследования делами. Тогда составлен мною план предстоящих трудов по ревизии и следственным делам, с которым, предавшись воле Божией, я следовал в угрюмый север с некоторым чувством удовольствия еще раз увидеть

О ревизии церквей Березовского и Сургутского ведомства

бедный остяцкий люд, потолковать с ним о его нуждах, и не без радости и вместе сожаления встретил я на месте нагрузки дров, около Ляминского залива, по местному названию, «сора», салымских остяков, живущих, как говорят, в селениях по реке Салыму, впадающему в Обь с левой стороны по течению ее, вблизи села Селияровского.

В 9 часов утра мы были уже в Сургуте, где, причалив к пароходу для обратного плавания, в 12 часов пополудни на том же пароходе отправились до села Верхнелумпокольского (Криволутского) и, не доехавши до него на пароходе 20 вер., сошли на пустынный берег пристани Мингинельской. Сложивши здесь свое имущество под открытым небом и отливши из лодки воду, сложили в нее имущество и отправились в село Криволутское.

Здесь кстати сказать об одной из причин обеднения остяков Сургутского округа — водке. Лишь только пристал пароход к берегу, со всех сторон стали подплывать к нему остяки с рыбою. Пароход через час отправился в подлежащий ему путь, а остяки остановились на берегу без привезенной ими рыбы пьяными и, не удовлетворившись выпивкою с первого парохода, ожидали другого, потому уклонялись под разными предлогами везти нас в село Криволутское.

В этот день осмотрена церковь снаружи и внутри. С наружной стороны обита она тесом, не выкрашена. Видом довольно красивая, но с фундаментом погнившим, отчего в зимнюю пору бывает холодно. Ограды нет. Построена по благословенной грамоте Архиепископа Антония в 1812 году, внутри же крайне закоптевшая, с обвисшею и порвannoю на потолке и стенах бумагою, почему поновление и капитальная поправка сей церкви необходимы.

Святой антиминс цел и чист, святые запасные дары и святое миро имеются в достаточном количестве, но последнее от давности времени утратило благовонный запах и на вид темно-коричневого цвета. Опись, составленная в 1814 году по Высочайше утвержденной форме, не соответствует наличности имущества. Со времени составления ее последовало немало перемен, особенно по ризнице, многих вещей (подризников, пелен, поручей проч.) нет уже налицо, вероятно, за обветшалостью, в описи же очень мало, а большею частью нет отметок обветшалости и не указаны основания к исключению, т.е. распоряжений епархиального начальства об исключении.

Дела архивные хранятся в небрежности, в слабом переплете, без оберток, время указов и других документов по описи показано неверно, напр., указы по описи значатся с 1837 года, а в архиве налицо имеются таковые с 1823 года, обыскные книги по описи показаны с 1817 г., а налицо в архиве имеются только с 1828 года, прочие архивные бумаги, хотя и слабо сшиты, отдельно в описи не показаны, означено только: с такого-то года. В исповедных росписях инородцы отмечаются только бывшими у исповеди и не показывается причина их небытия у святого причастия, тетради для записи бывших у исповеди и святого причастия нет. Приходо-расходные книги и другие хозяйственные документы ведутся своевременно и исправно, только венчиков и листов разрешительной молитвы в книге венчико-молитвенной показано меньше, а в наличности их больше: раззолоченных — 19, раскрашенных — 35.

Священник здешней церкви без богословского образования, характера кроткого, общителен, но предается по временам до унижения сана своего винопитию, за что уже состоял под епитимией. Псаломщик же, по отзыву прихожан, хотя и трезвый, но беспечный и потому бедный, что и видно по семейной его обстановке — дом его немного чем отличается от инородческой юрты, дети его остаются без всякого образования, старший сын в 16 лет совсем неграмотный, следующий за ним 11-летний едва умеет читать, но с хорошим слухом и со способностью к пению и приятным голосом. Сам псаломщик при испытании оказался малосведущим в предметах подлежащего знания, но читает и поет хорошо. Все семейство псаломщика представляет жалкую картину бедности и невежественности.

Богослужения по журналу показаны совершавшимися от семи до одиннадцати в месяц. Прихожане-остяки относятся к исполнению христианских обязанностей очень небрежно. Общее впечатление, вынесенное мною из религиозно-нравственного состояния инородцев сего прихода, таково: причт церковный равнодушно относится к религиозно-нравственному состоянию своих прихожан, зато сии последние равнодушно, без уважения и непослушно относятся к своему причту, не слыша учения о вере христианской из уст пастыря церкви, они и живут по обычаям языческим.

От села Криволутского путеследование наше началось по течению р. Оби к Сургуту в небольшой крытой лодке. Проехав по обширным и

О ревизии церковей Березовского и Сургутского ведомства

бурным водам обским восемьдесят верст, в 4 часа утра мы прибыли в село Нижне-Лумпокольское (Александрово), окруженное густым хвойным лесом полукругом, которое еще 30 июня произвело на меня мрачное впечатление. Во время остановки парохода для загрузки дров я узнал от тяжело больного священника о. Филиппа Тверитина рассказ о безобразном празднестве в честь медведя живущих почти в самом селе остяков — его прихожан и в то же время и самое холодное отношение их к церкви и невнимание их к наставлениям пастырским.

По небрежному отношению остяков Александровского прихода к своей церкви она имеет неблагообразный вид, приятно лишь то, что она, по-видимому, крепка, а внутри опрятна. Судя по чистоте в храме, аккуратности в ведении документов церковных и бережливости церковной экономии, можно думать, что священник здешней церкви — единственный рачитель храма Божия и вместе — мученик жизни. С одной стороны, частовременно повторяющиеся болезни и, с другой стороны — многочисленная семья из семи дочерей, все уже взрослые, девятилетнего сына и жены, и бедность, проглядывающая всюду, произвели во мне самое тяжелое ощущение. В утешение и ободрение больного я выразил удовольствие относительно аккуратности, порядка, найденных в его церкви, дав обещание донести епархиальному начальству о бедственном его положении и о назначении псаломщика, которого нет здесь более года, отчего лишен он и последнего утешения совершать богослужение.

Через два дня переезда по безбрежной Оби в 5 часов утра прибыли мы в село Локосовское, или Ваховское, находящееся на левой стороне Оби, в 250 верстах от Нижне-Лумпокольского села и в 100 верстах от Сургута. Первая церковь этого села основана в честь Богоявления Господня и две церкви предыдущие — Криволутская и Александровская — в 1716 г. митрополитом Филофеем. Здесь сохранилась икона Святытеля Николая Чудотворца, которую он благословил сему храму. Настоящий храм уже третий, построен в 1824 году.

Церковь здешняя обнесена деревянною оградю, довольно уже обветшавшею, и обшита тесом снаружи и внутри; святой антиминс, выданный в 1865 году, ветхий и дырявый; утварью, ризницею и богослужебными книгами снабжена в достаточном количестве, но для назидательного чтения нет почти никаких книг, нет даже Четых миней. Документы цер-

ковные, как-то: указы, росписи и метрики, опись церковного имущества и памятная книга, обыскная, венчи́ко-молитвенная и приходо-расходные книги состоят налицо и ведутся исправно, нет лишь книги для записи небывших у исповеди и святого причастия; опись церковного имущества, по причине обветшалости различных вещей, требует перемены новою, дела архивные за прежние годы в самом плохом переплете, а за предпоследние годы и вовсе остаются без переплета; росписи за прежние годы значатся с 1716 года, а в описи значатся с 1857 г., и сверх сего дела архивные не вписаны в книги церковного имущества.

Прихожане сей церкви, остяки, живут от церкви в отдаленных и неудобных для сообщения местах, редко посещают церковь, а если и бывают в селе Ваховском для положения ясака, то исключительно занимаются пьянством.

Священник здешней церкви Василий Вергунов, по отзыву остяков, кроткий и безукоризненный, за что и пользуется расположением своих прихожан, которые, однако, пользуясь его добротой, неоднократно вводили его в обман при браках, за неправильные действия по которым он подвергался законному взысканию, и снова имеется в производстве дело о венчании им остяка на родной сестре покойной его жены, по сведению, данному от сугутского причта.

Псаломщик Александр Тверитин болезненный, крайне бедный, хотя и трудолюбивый, обремененный многочисленным семейством, состоящим из восьми детей, жены и бедной сироты-сестры, не получающей пособия от духовного попечительства. Семейство этого псаломщика есть уже второй пример бедности, по которой дети духовенства Сургутского округа не получают никакого образования. Дети этого псаломщика — сын 11 лет едва умеет читать, дочери же совершенно безграмотные, малосведущ и сам отец в предметах своего служения.

Ныне приходится думать и сознавать необходимость образования духовенства здешнего края для просвещения инородцев потому, что образованное духовенство, не здесь родившееся и незнакомое ни с языком, ни с обычаями страны, непривычное к суровому климату, не поедет сюда, а природное здешнее, не получая ни малейшего образования и угнетаемое бедностью, не в состоянии просвещать своих прихожан. Кроме духовенства, учить инородцев некому, но духовенство не учит, потому что само неучено.

О ревизии церковей Березовского и Сургутского ведомства

Местная власть относится к просвещению инородцев безучастно, лишь бы собран был ясак и уплачена казенная недоимка, а затем живи остяк, как хочет и как умеет. Местное русское население эксплуатирует их самым бесцеремонным и бесчеловечным образом. Естественно после этого коснеть остякам Сургутского округа (да и всего Березовского, и там положение остяков похоже на сургутское) в язычестве, блуждать во тьме лжеверия и доходить до крайних пределов бедности — жить в земляных ямах и дымных грязных юртах и питаться нередко, по причине голода, костями рыбьими или звериными, а при таких тяжелых условиях жизни едва ли продолжится долго существование остяцкого племени. И если просвещенное духовенство не позаботится об открытии школ при церквах и не примет живого и деятельного в них участия, если местная гражданская власть не будет оказывать содействия в деле просвещения духовенству, а русское местное общество не прекратит разорительной для инородцев эксплуатации, тогда одно только воспоминание об остяцком племени сохранится в истории на посрамление Руси. Без совокупного участия просвещенного и гуманного человечества самый задушевный и сердечный голос любимого пастыря останется в среде остяков гласом вопиющего в пустыне.

В 12 часов дня прибыли в село Юганское. Село и церковь красуются на возвышенности, которой, однако, угрожает близкая опасность со стороны реки Югана. Церковь отстоит от реки уже в 10 сажнях, и каждый год по направлению к церкви земля обваливается весьма значительно, так что года через два-три самая церковь рухнет в воды Югана. Церковь здешняя очень красива по архитектуре и крепка и могла бы еще долго существовать, но грозящая ей опасность со стороны реки, очевидно, побудила прихожан позаботиться о постройке новой в более безопасном месте, для чего и избрано удаленное от реки место, на которое сложено более трехсот кедровых бревен — хорошего достоинства, доставлены инородцами-прихожанами без всякого возмездия.

Существующая церковь по опрятности, порядку и средствам ясно свидетельствует о хозяйственных качествах местного священника, глубокого старца о. Иоанна Тверитина. Утварь, ризница, библиотека и архив за прежние и последний годы все налицо в отличном порядке, не довелось только видеть налицо церковных сумм за отбытием церковного старосты по торговым делам в город Тобольск и приходо-расход-

ных книг, за отсылкою оных к благочинному на ревизию. При посещении дома священника я много удивлялся трудолюбию, отличным строительным и экономическим способностям хозяина: хлебопашество, которым он так долго занимался, отличное во всех отношениях устройство дома, порядок в хозяйстве при его старости и болезненности оставили в душе неизгладимое чувство удовольствия, думалось, если бы такая же забота и попечение прилагались были к образованию и благоустройству прихожан-остяков Юганской церкви, и если бы примеру пастыря подражали его духовные дети, которым, как заметно, не совсем приятно хозяйничанье в приходе духовного пастыря; были даже случаи жалоб на вымогательство, но в слишком преувеличенном виде.

Задержанные в селе Юган сильным противным ветром и проливным дождем в продолжение 8-го и 9-го чисел, наконец, мы достигли города Сургута. Город возвышается на красивой песчаной возвышенности над речкой Бардаковкой; церковь каменная с позолоченными через огонь главами, очень почерневшая от времени, с обвалившеюся штукатуркою и полуразрушенною деревянною оградю, что свидетельствует о холодном отношении причта и прихожан к своей церкви, происходящем от недостатка единодушия разносословных прихожан, соединить которых в едином духе любви христианской надлежало бы местному духовенству.

Внутри церкви, в своде теплой церкви — сплошные трещины и общая чернота, оставляющая в душе посетителя неприятные чувства, а в холодной — течь чрез восьмерик, заметна неопрятность в храме. Вообще невзрачный вид церкви внутри и снаружи, очевидно, указывает на неотлагательную нужду исправления, о чем, впрочем, начались уже суждения прихожан и причта, и на предмет исправления, кроме производящегося сбора пожертвований, имеются церковные суммы — до трех тысяч пяти-сот руб. сереб. Утварью и ризницею весьма достаточна, но эти жертвы почти все фамилии Туполевой, видно усердие их и любовь к храму Божию. Не то уже ныне их усердие по причине упадка капитала. Нынешние прихожане на словах заботятся о храме, это покажет будущее.

Заботясь об украшении церкви, прихожане такой многолюдной церкви, где считается прихожан более двух тысяч обою пол, нимало не заботятся об устройстве приличного дома для местных священноцерковнослужителей и вынудили бедный причт или помещаться в самых

О ревизии церкви Березовского и Сургутского ведомства

тесных квартирах на собственный счет, например: священник Стефан Тверитин, по милости тестя своего, помещается в восьмиаршинной комнате в длину и ширину, или в полусгнившем холодном и сыром доме вынуждают жить с большим семейством настоятеля церкви и благочинного. В подобном доме помещается и убогий диакон с многочисленным своим семейством, а где-то будет жить псаломщик, которого, к счастью его, нет здесь целый год.

Библиотека церковная довольно значительная по числу книг, но в ней весьма мало книг для назидательного чтения, на выписку которых мною было указано настоятелю церкви и помощнику его. Архив церковный с документами за прежние годы и текущий состоит налицо в надлежащем порядке, прочности и исправности. Приходо-расходные книги, венчико-молитвенная ведутся своевременно и значащиеся по ним деньги состоят налицо.

В 4 часа вечера сего числа отправились на пристань пароходную «Белый яр» с тем, чтобы на пароходе компании Курбатова и Игнатовых плыть до села Самаровского, унося из Сургута тяжелые чувства сожаления о всеобщем разладе тамошних обществ. С трех часов утра до четырех часов вечера мы следовали на пароходе до села Самаровского, испытавши большие неудобства на палубе парохода, и очень рады были будущему своему помещению в крытой маленькой лодке, отданной в наше распоряжение самаровским благочинным, но плыть в ней в тот же день не решились без молитвы в Самаровской церкви, чему набожные самаровцы очень были рады.

Отслуживши всенощное бдение и литургию, в пять часов вечера при довольно сильном противном ветре, по обширным водам Оби направились мы в Березовский округ и чрез деревню Белогорскую, стоящую на левом берегу Оби против древнего казацкого городища, в десять часов утра прибыли в село Троицкое, окруженное со всех сторон водою.

Церковь этого села новая, обшитая тесом и выкрашенная, с такового же оградою и очень красивая по наружности. Она уже четвертая после первой, построенной в 1716 году по благословению митрополита Филофея Лещинского. Побуждением для святителя к построению здесь церкви, вероятно, было пребывание здесь с издревле чтимого остяками идола «Ортика», изображение которого, по слухам, доселе будто бы в мини-

атюрном виде, для привлечения суеверных остяков, скрывается где-то в окрестностях села Троицкого, откуда рассылаются ничтожные сами по себе вещи, побывавшие на сем идоле как святыня, во все стороны остяцкого населения, и с таковым значением сохраняются оные у остяков неприкосновенными, кроме случаев ворожбы или болезней, когда оные употребляются как врачебные пособия. После сего становится вероятным отзыв священника села Троицкого о нерадении остяков к вере и церкви православной. Из небольшого количества прихожан — трехсот двенадцати мужеского пола и трехсот семидесяти женск. пола, на исповеди у святого причастия бывает в год только десятая часть, так, напр., в 1882 году исповедавшихся — причастившихся было 84 человека.

Дела архивные в надлежащем порядке размещены в шкафы и не внесены в церковную опись. Приходо-расходные книги за последнее полугодие не писаны, а приход и расход церковных сумм и свеч записаны в черновой тетради и в ней не показано количества ежемесячно продаваемых свеч, а пишется только: «за проданные свечи выручено столько-то руб.». Число венчиков и листов разрешительной молитвы несогласно с записью в тетради венчико-молитвенной, в наличности венчиков пятикопеечного достоинства — более 25. Круг богослужебных книг полный, но для назидательного чтения почти нет никаких книг, нет даже Четых миней и, подобно сургутским церквам, нет при церкви школы для образования инородческих детей, а она составляет для этого существенный и надежный способ. Местным священником русское население сего прихода, по склонности его к винопитию, небрежению к службе и по упущению треб духовных, крайне недоволено, несмотря на его кроткий характер; псаломщик же жизни трезвой, трудолюбивый, хороший хозяин, но мало сведущ в предметах подлежащего знания. Святой антиминс цел и чист, святыне запасные дары и святой миро имеются в достаточном количестве и хранятся в подобающей святыне опрятности.

При лучших условиях находится Сухоруковский приход, что прямо зависит от местного священника и школы в селе Сухоруковском. На пути к селу Сухорукову, по внушению священника Каллистрата Тверитина, построены две часовни, одна в юртах Волтурминских на счет остяков этих юрт по их желанию, другая — в деревне Елизаровой по желанию и на счет крестьян этой деревни. В ту и другую в продолжение года приезжает сухоруковский священник для богослужения и духов-

О ревизии церковей Березовского и Сургутского ведомства

ных треб, а в последней, деревне Елизаровой, крестьяне уже хлопочут об устройстве школы с тою исключительно целью, чтобы дети умели читать и петь при богослужении в часовне.

Церковь Сухоруковская и село расположены на низкой местности, отчего частовременно подвергается наводнению, весьма вредному для церкви, и очень жаль, что построенная так недавно (в 1837 году) и очень хорошо украшенная, она значительно обветшала, а еще более обветшалость видна на деревянной церковной ограде, столбы которой заметно наклонились в разные стороны.

На углу церковной ограды устроена сельская школа, в которой обучаются восемнадцать мальчиков и десять девочек; все они, по свидетельству священника, с 28 июня по 1 сентября распущены по домам родителей для помощи им в летних занятиях, потому не привелось испытать их в надлежащих предметах обучения. Учитель этой школы от Министерства народного просвещения и законоучитель — местный священник из окончивших курс в Тобольской духовной семинарии, очень приятно себя держит в приходе, и если так же впоследствии будет относиться к обязанности пастырской, как ныне, то можно ожидать добрых плодов по просвещению остяков; но в настоящее время влияние его на прихожан-остяков очень слабо; из небольшого числа прихожан небывших у исповеди и св. причастия в сем году было 275 муж. и 282 жен. пола, но сравнительно с другими остяцкими приходами и это хорошо; в других остяцких приходах я не встречал такого внимания при собеседованиях и вере христианской, что мне лично привелось испытать в Сухоруковских юртах, состоящих в приходе Сухоруковской церкви и где есть уже один или два грамотных инородца, учившихся в Сухоруковской (сельской) церковной школе. Слушая чтение и рассказы этого инородца о некоторых предметах жизни христианской, приятно было думать о пользе, какую могли бы принести просвещению инородцев церковно-приходские школы, но которых, к сожалению, так мало в Березовском округе, а в Сургутском и вовсе их нет.

Настоящая церковь села Сухоруковского благоустроенная и достаточная во всех отношениях, нет только книг для назидательного чтения; но и этот недостаток восполнить взял на себя житель села Сухоруковского — любитель духовного просвещения купец Яков Васильевич Протопопов.

Необъяснимым остался вопрос о причине утраты архивных дел. Церковь существует здесь с 1716 года, дела же архивные налично состоят лишь с 1785 г., а и те находятся в неудовлетворительном состоянии, весьма слабом переплете, без оберток, с порвавшимися листами, а благословенных грамот на постройку первых двух церквей совсем не оказалось, вероятно, вследствие того, что вторая церковь, по сказанию местных жителей, в начале текущего столетия обрушилась в реку неожиданно. С 1785 года и по настоящее время архивные дела состоят налично, надлежащие документы за текущий год есть все и ведутся исправно, кроме того, что в богослужебном журнале не отслеживается, производились ли церковные собеседования и поучения к народу. Опись церковного имущества не соответствует наличности вещей, не имеется плана и фасада на церковь и не имеется книги братских доходов, потому будто бы, что они слишком незначительны.

В 9 часов утра прибыли в село Малоатлымское, стоящее на правой стороне реки Оби на неровной возвышенности, с церковью во имя Преображения Господня, огороженную очень красивой деревянною оградой, выкрашенною, как и церковь, белую масляною краскою. Первая церковь строена еще в 1716 году по благословию митрополита Филофея, но она сгорела вскоре, сгорела затем вторая, третья и четвертая от неосторожности. При разговоре о пожарах церковных зашла речь о пожаре священнического дома; дня за три до приезда нашего сгорел за рекою скотный двор и дом местного священника со всем имуществом.

В этом обстоятельстве очевидно действие Промысла Божия. Заботясь о разведении скота и собственном хозяйстве, местный священник за два года перед сим построил за рекою Обью дом, перевел сюда скот и имущество, приезжая оттуда лишь для служения в воскресенье и праздничные дни, к немалому огорчению жителей села Малоатлымского, привыкших видеть священника при церкви. Но само провидение разрешило их недовольство отнятием у священника значительной части его имущества. Причина пожара осталась загадкою неразрешимою. Часов около пяти утра пожар испепелил все бывшее там имущество, и едва спаслось спящее в доме семейство.

По прибытии в село мы не застали дома местного священника и в ожидании его окрестили в церкви инородческого младенца, нареченного Владимиром в честь равноапостольного князя Владимира, история

О ревизии церковей Березовского и Сургутского ведомства

крещения которого была в подробности рассказана присутствующим при крещении инородцам.

По прибытии священника в село произведена была ревизия церкви и все найдено в порядке, кроме неопрятности в утвари, например, сосудцы от св. мира внутри и снаружи покрыты зеленою плесенью, дароносица и дарохранительница покрыты густым осадком пыли и, должно быть, очень редко промывались, как бы следовало. По ризнице очень много ветхих вещей, негодных к употреблению, а из описи они не исключены; архивные дел, как-то: указы, метрики и другие документы, в хорошем переплете, но сложены в шкаф в беспорядке; все документы за текущее время состоят налицо и ведутся аккуратно, согласно установленным правилам.

Как в селе Малоатлымском, так и в юртах, состоящих в сем приходе, слышны были неудовольствия прихожан на высокую плату за браки — от семи до четырнадцати рублей, что подтверждалось записями в доходной братской тетради, и за это прихожане винят лишь священника. Псаломщик же здешней церкви Молоков очень приличный, хорошо себя держащий, на ответах на задаваемые вопросы по предметам его обязанности оказался одним из лучших псаломщиков, мною испытанных.

Здесь же высказывалось сильное негодование инородцев и русских на шеркальского священника Кузнецова, по настоянию которого волостное начальство производит с них сбор денег на содержание училища в Шоркальском селе, отстоящем от Малоатлымского в 110 и более верстах, что крайне для них обременительно. Между тем, ими давно уж куплен дом в своем селе, очень удобный для школы, в которую они согласны посылать детей для обучения. После такого заявления я советовал им составить приговор и просить начальство об открытии в своем селе училища. Искренно ли их намерение, справедлива ли претензия на священника Кузнецова, покажет будущее.

В 4 часа утра пристали к берегу Кондинского Свято-Троицкого монастыря, красующегося на возвышенном правом берегу величественной Оби. Монастырь огорожен со всех сторон деревянною оградой, местами значительно обветшавшею, близкою к падению. Храм снаружи кажется очень крепким, вблизи которого на западной стороне — двухэтажный настоятельский деревянный корпус с помещением для училища в нижнем этаже, а с южной стороны — корпус братский и корпус для помеще-

ния имущества и провизии; здания все обширные и по виду новые, но не окрашены для прочности краскою; этих помещений достаточно было бы для десятка братии монастырской и двух десятков учеников, но управляющий монастырем, по-видимому, без нужды начал строить особый новый дом для братской столовой и прислуги, который обойдется, по словам управляющего, до 700 руб. сереб., а едва ли не более, потому что дом по объему не мал — пяти сажен в длину и четырех сажен в ширину, уместнее было бы и выгоднее перебрать прежний рабочий дом.

Для помещения скота на восточной стороне ограды имеется большой деревянный корпус, под вновь устроенною крышей которого может свободно поместиться до 1500 копен сена. Вблизи святых монастырских врат, на скате горы, устроена новая баня из круглого тонкого леса. За оградою же монастырскою, на окраине села устроены кирпичные сараи для выделки кирпича на монастырские потребности из тесу с сенного скотного корпуса. Здесь я видел массы сырого кирпича большею частью уродливой фигуры, и из него, по всей вероятности, мало будет годного для дела.

В храме чистота и порядок. Святые антиминсы на всех трех престолах в целости и чистоте, ризницею, утварью и богослужебными книгами храм снабжен с избытком, библиотека и архив находятся в беспорядочном состоянии, указы и прочие дела архивные сложены на полу без оберток с порванными листами; книги библиотечные помещаются частью в шкафу, а частью на полу.

Рассматривая приходо-расходные книги и текущество дел канцелярских, я встретил смету на прилагаемые постройки, составленную в текущем 1882 году, на которой исчислено на все постройки 2073 руб. 93 коп., указом же консистории от 22 января сего года за № 494 разрешено употребить на это из монастырских сумм 100 руб. Между тем, управляющий монастырем предназначенную по смете сумму 2073 руб. 93 коп. решил израсходовать на том основании, что ему еще в 1879 году указом консистории от 31 июля за № 5957, по ходатайству управляющего тогда монастырем малоатлымского священника Петра Таркова, разрешено было из монастырских сумм израсходовать 1500 руб. Необходимость поправок по монастырю, конечно, неизбежна, но, по моему мнению, затрата капитала сделана непроизводительно по выделке кирпича, годного только на половину, и на постройке нового дома для рабочих: кирпич обойдется

О ревизии церкви Березовского и Сургутского ведомства

очень дорого, а постройка нового дома почти излишняя при настоящем составе монастырской братии: 2-х иеромонахах, одном иеродьяконе, одном псаломщике и одном инородческом воспитаннике. А между тем в близком будущем времени необходима капитальная поправка настоятельского и братского корпусов и в особенности — обширной, крайне ветхой монастырской ограды; капиталом же монастырь небогат, экономической суммы всего 751 руб. билетами и 1554 руб. 84 $\frac{1}{2}$ коп. наличными деньгами, да в свечах 501 руб. 60 коп.

Богослужение отправляется по воскресеньям и праздничным дням, журнала богослужебного не имеется, а потому нельзя было повторить свидетельство управляющего относительно богослужения; чтением келейным и пением, как видно по всему, братия не занимается. Соблюдается ли монашествующими правило иноческого жития, всегда ли таковы хорошие отношения братии к управляющему и управляющего к братии, как я видел, все ли они живут в согласии между собой и все ли находящиеся в монастыре надлежащим образом отправляют свои обязанности и нет ли таких в числе братства, которые своею леностию и по образу жизни и поведению не оправдали бы своего звания и назначения, по краткости моего здесь пребывания (два дня) правильно вполне утверждать не могу.

В продолжение моей бытности здесь монашествующие вели себя с достоинством, приличным иноческому званию. Замечено было лишь в управляющем возбужденное состояние при воспоминании имени шаркальского священника отца Кузнецова. Кроме училища, монашествующие не исполняют никаких миссионерских обязанностей. Имущество церковное и монастырское, значащееся по описям, состоит в целости. Приходо-расходные книги, церковные и экономические, ведутся своевременно и исправно и значащиеся по ним деньги состоят налицо.

Училище монастырское помещается в нижнем этаже настоятельского корпуса, помещение достаточное для двадцати и более учеников, с учебными пособиями. В беспорядочном состоянии как училищная комната, так и училищная библиотека. При посещении моем в училище не было воспитанников, по свидетельству настоятеля, они уволены были в дома родителей для помощи им в работах. В школе обучались, по словам настоятеля, до двадцати человек, 5 инородческих и 15 русских, но после ваката, судя по отзыву жителей села Кондинска, едва ли будет

учиться кто-либо в этой школе; недовольны все вообще — русские и инородцы, что от продолжительного обучения в оной (4 и 5 лет) почти не умеют порядочно ни читать, ни писать, что подтвердилось. Из числа 5 инородческих мальчиков, находившихся налицо при настоятеле, и, вероятно лучший, не ответил мне ни на один вопрос, хотя я неоднократно обращался к нему с теми же вопросами в присутствии самого учителя иеромонаха Евграфа, который настаивал, сердился на безответность своего питомца. Не мог также я добиться от него что-либо прочитать и пропеть. И на такое-то жалкое образование отпускается от казны на десять инородческих воспитанников 285 руб. 14 коп., жалованья начальнику миссии — 285 руб. 71 $\frac{1}{2}$ коп. и для двух помощников его 285 руб. 43 коп. при готовом помещении и содержании. Бесплезная трата денег при настоящем составе монастырской братии, не знающей лучших способов преподавания и холодно относящейся к школьному делу; а в настоящее время не имеющий почти никакого значения Кондинский монастырь мог бы служить рассадником просвещения и инородцев Березовского округа, если бы им управляла образованная с любовью к просвещению монастырская братия.

В 3 часа утра прибыли в село Шаркальское. По церкви с внутренней и с внешней стороны порядок и исправность во всех отношениях. По экономической части церковь весьма достаточна — 130 руб. наличных денег и 2600 руб. в банковских билетах, та самая сумма, которая значится за последнее время по приходо-расходным книгам. Утварью, ризницею богослужebными книгами снабжена вполне. За ветхостью настоящей церкви предположена постройка новой, для которой приготовлена отличная площадь и заготовлена часть леса, так что к постройке новой церкви в скором времени можно будет приступить.

Приход здешний немногочислен, мужского пола — 628 и 548 женского, но благодаря русских здешних жителей церковь Шаркальская не менее Сухоруковской поставлена хорошо. Здесь есть также и училище, устроенное братьями Новицкими с учителем от Министерства народного просвещения, в котором обучается до 15 детей, но и здесь в училище быть не довелось, потому что дети распушены из училища на летнее время. Библиотека церковная в порядке с достаточным количеством богослужebных книг, но, как в прочих обозренных церквах, нет здесь книг для назидательного чтения и собеседования с народом.

О ревизии церковей Березовского и Сургутского ведомства

Архив церковный в хорошем порядке, наличность бумаг, в нем хранящихся, согласна с описью. Богослужбный журнал, метрики и росписи находятся в наличности и в исправности. Богослужение совершается по воскресным и праздничным дням, а иногда и в будничные дни. С формальной внешней стороны шаркальский священник по делам очень исправный и о своей деятельности заявляет себя даже в Епархиальных Тобольских ведомостях, но на месте служения между прихожанами, соседними причтами и во мнении своего непосредственного и земского начальства не пользуется расположением и доселе не прекратил враждебного отношения своего к лучшим из своих прихожан — братьям-купецам Новицким, чем немало может задерживать постройку нового храма, а чрез то навлечь на себя всеобщее негодование, забывая, что гордым Бог противится, а смиренным дает благодать. Сверх того, неоднократно со стороны остяков, его прихожан, доводилось слышать не лестный отзыв на притязательность, не бывает доволен малою жертвою, требуя большего. Отчего, вероятно, зависит доходность Шаркальского причта...

В 6 часов утра прибыли, при порывистом ветре едва пристали к берегу села Чемашевского, где половина селения состоит из русских домов, другая — из инородческих. Все село представляет вид развалин и пустыни по причине выезда жителей на рыбные промыслы и малой заботливости о своих домах.

Церковь деревянная с таковою же оградю обшита тесом и выкрашена белой краской, внутри церкви стены и потолок обиты холстом. Иконостас и вся церковь украшены усердием ирбитского купца Зырянова на собственный счет, прах которого здесь и покоится в церковной ограде. Церковь сия построена в 1757 году остяком сего прихода Моравовым на собственный его капитал.

Святые запасные дары и святое миро в достаточном количестве и содержатся в приличной опрятности, святой антиминс в надлежащей чистоте и целости, утварью и ризницею достаточна, но капиталом небогата, денег в наличной сумме по июль месяц состояло 59 руб. 33 коп. и в банковых билетах 1500 руб. Приходо-расходные книги ведутся самим священником весьма аккуратно; опись церковного имущества 1857 года. После капитальной переправки всей церкви купцом Зыряновым в 1873 году далеко уже не соответствует настоящему состоянию церкви, и дол-

жна быть заменена новою. Архивные дела существуют с 1780 года и хранятся не в шкафу, как бы следовало, а в ящике на церковной вышке в надлежащем, впрочем, переплете и все по настоящее время находятся в наличности.

Прихожан здешней церкви немного: 287 муж[ского] пола и 295 женского и, как видно по росписям духовным и отзыву священника, очень плохие христиане, охотнее исполняют обряды и обычаи языческой религии, чем обязанности христианские — умерших погребают, не заботясь об отпетии по христианскому обряду, отчего, вероятно, и происходит излишек листов разрешительной молитвы и венчиков, встречающийся почти во всех церквях Березовского и Сургутского округов, в особенности излишек этого значителен при Чемашевской церкви, так по венчико-молитвенной книге значится венчиков 15-коп[еечного] достоинства 11, а налицо находится 14, 5-коп[еечного] достоинства по книге 15, а в наличности 26, 2-коп[еечного] достоинства по книге 28, в наличности же — 38, листов разрешительной молитвы 6-коп[еечного] достоинства по книге 17, а в наличности — 32. Подобного излишка венчиков не было бы, если бы остяки приглашали священников для напутствования больных и умирающих и погребали их по христианскому обряду, к чему, однако, они не прибегают с той целью, чтобы умерших своих погребать по древнему языческому их обычаю, ради чего они скрывают и самые кладбища свои.

Несостоятельность обычаев язычества становится, наконец, очевидно и для остяков. В Сурийских юртах остяк преклонных лет принес жалобу на сына своего в том, что он уже десять лет живет в незаконной связи с женою родного брата своего, прижил детей, и все старания его прекратить эту незаконную связь доселе остаются безуспешными. «Так ли жили мы? — говорил старец. — Мы боялись священников, слушались отцов, о комиссарах думали: они накажут за всякое худое дело розгами. Зато тогда не было так худо, как теперь, молодые никого не боятся». Этими немногими словами характеризуется упадок нравственности остяков вообще Березовского и Сургутского округов; в каждом приходе жизнь безбрачная, незаконное сожителство в родстве, женитьба малолетних, непочтение к родителям — явления между остяками обыкновенные. Думалось, что-то будет дальше с ними при безучастном отношении к ним их начальников и наставников. С грустным настро-

О ревизии церкви Березовского и Сургутского ведомства

нием, при бурном ветре и дожде должно было следовать к селу Полноватскому.

Село это, состоящее из четырех домов с церковью впереди, рисуется на небольшой возвышенности, окруженное с трех сторон хвойным густым лесом. Здешняя церковь построена по благословию митрополита Филофея в 1716 году, а настоящая — в 1817 году. Приход сей церкви составляют остяки Казымской волости, коих по росписи 1881 года муж[ского] пола значится 722 души, женского 686 и живущих частью от церкви в таких отдаленных местах, как-то: река Моим и вершина реки Козым, что местному священнику редко можно проникнуть к ним. Церковь села этого небольшая, с оградой, обшита тесом и выкрашена и, по-видимому, снаружи прочна, но внутри заметен значительный осадок, так что от нажиму потолком повредило иконостас, и исправление его необходимо, что, по словам священника, обещают исправить купцы братья Новицкие.

Дела архивные за прежние годы по настоящий состоят налицо в надлежащем порядке. Приходо-расходные книги и венчино-молитвенные ведутся своевременно и отчетливо, наличные суммы, значащиеся по книгам, хотя и незначительные, состоят налицо, но в венчиках противу книг — большой излишек: 5-копеечного достоинства в лишке 11, 2-копееч[ного] достоинства — 33, листов разрешительной молитвы 6- коп[еечного] достоинства — 40, 15- коп[еечного] достоинства — 4; кроме того, не имеется книги для записи исповедавшихся и приобщившихся, нет книг для записи братских доходов, да их, по словам священника и псаломщика, более 20 руб. не бывает, чему можно и поверить, потому что священник слишком кроток, не корыстолюбив и притом подвержен слабости винопития, а притом крайне апатично он относится к религиозно-нравственному состоянию своих прихожан, следствием чего является крайнее нерадение их в исполнении христианских обязанностей. Потому, нимало я сомневаясь, могу сказать, что из всего числа прихожан, исповедавшимися и приобщившимися в год на самом деле едва ли бывает десятая часть.

Для цели научения и распространения христианской веры полезно было бы построить молитвенный дом на месте прежней казачьей крепости, отстоящей от Полновата примерно на 300 верст в так называемом [1 нрзб.] городке, где бывает значительное стечение остяков и самоедов в

январе месяце для положения ясака. Богослужение в Полноватской церкви, судя по богослужебному журналу, отправляется по воскресеньям и праздничным дням, утварью, ризницею и богослужебными книгами снабжена в достаточном количестве, святой антиминс, святые запасные дары имеются и содержатся в подобающей чистоте и опрятности.

В 7 часов вечера, после пятидесятиверстного переезда, прибыли в город Березов, основанный по записи в памятной Соборной книге в 1593 году. Здесь представились два протоиерея и священник с причтом. Думалось при сем, как полезно и как необходимо двум из них настоящее свободное вакационное время посвятить разъездам в приходе по инородческим улусам для совершения богослужений, наставления остяков в истинах св. веры и исправления духовных треб. Сколько принесено было бы пользы духовному просвещению остяков прихода Березовского, доселе погруженного во тьмы суеверия и нравственного растления, в котором считается по росписи духовной более 1500 человек обоего пола. Прискорбно видеть, что просвещенные в начале прошедшего столетия митрополитом Тобольским Филофеем остяки доселе остаются без всякого понимания христ[ианской] веры, живут по обычаю язычников и, без сомнения, тяготеют требованиями христианской веры, научение которой, кажется, и не входит в круг обязанностей местных пастырей, из которых один на вопрос, часто ли посещаются инородческие улусы, отвечал, что он в приходе у инородцев не бывал уже три года.

Понятна после сего причина языческой жизни и невежества остяков, носящих лишь одно звание христианское. По моему убеждению, следовало бы в Березовском округе, сверх местных священников, определять священников объездных с исключительною целью разъезжать по инородческим улусам для научения истинам христианской веры и правилам оной инородцам, иначе, по местным условиям, просвещение их невозможно, кроме школы, но в Березовском уездном училище остяцких детей нет ни одного.

Храмов в г. Березове два, оба каменные, первый — во имя Воскресения Христова, построен в 1603 г., настоящий, уже третий — в 1793 году; много на исправление его истрачено средств, тысяч до 40, но все эти затраты, кажется, были напрасною тратой денег, потому что, несмотря на устройство вместо каменной колокольни и купола деревянных, все-

О ревизии церкви Березовского и Сургутского ведомства

так и в стенах его показываются новые трещины. Лишь только окончено исправление и украшение его в минувшем году, на что употреблено более 1300 руб., трещины снова начинают обозначаться, и давно следовало бы прийти к заключению, что храм этот нужно было бы перенести на другое место, а на настоящем, жидком, упрочить его невозможно. На это указывает даже деревянная, недавно построенная церковная ограда. Нет и десяти лет устройства ее, на что затрачено не менее 100 руб., а в настоящее время она уже начала разрушаться так, что необходимы становятся подпоры к столбам.

Снаружи и внутри в теплой церкви, можно сказать, благоукрашенная, довольно икон в серебряных ризах, иконостасы — один поновлен, а другой отделан заново, стены оштукатурены и окрашены. По местам штукатурка не крепко держится, напр[имер], в костях алтаря ее уже отдуло и она едва держится. При недавнем исправлении ни мастер, ни причт со старостою не обратили надлежащего внимания на слабую штукатурку стен, из-за которой и начались препирательства между ними, и первая причина — стеснения мастера Козлова, по жалобе которого, рассматривая контрактные работы, я нашел претензию его на протоиерея Тверитина справедливою. Резьба под карнизом Никольского иконостаса сделана лучшая против рисунка, в обоих приделах, Никольском и Спасском, над царскими воротами вместо чаши, значащейся в утвержденном рисунке, сделаны два резные голубя в лучах, вызолоченных на полимент, к иконе Знамения Пресвятой Богородицы, в боковой части Спасского придела сделана рама с циротом, с добавлением новой резьбы, и потому иск Козлова за сии работы заслуживает уважения.

Во всех прочих отношениях по внешности нашел я исправность похвальную: порядок, опрятность и исправность; но враждебные отношения между настоятелем и его помощником омрачили сердце мое. При рассмотрении приходо-расходных книг можно было видеть, что с самого первого месяца настоятельства протоиерея Тверитина видна уклончивость священника Чесова от дел по церкви, кроме священнослужения; не участвовал он ни при ежемесячных учетах по церкви, ни в собраниях церковных, ни в подписывании церковных книг, потому будто бы, что он никогда не был к тому приглашаем, между тем как настоятель утверждал, ссылаясь на причт и старосту, что не было никакой возможности вызвать его к учетам церковным. Вот, думалось, где но-

вые противоположные мнения, никогда не сходящиеся, руководившиеся исключительно эгоистическими расчетами.

Документы церковные — памятная книга, опись церковного имущества, метрические книги и росписи, богослужебный журнал, книга обыкновенная и братских доходов ведутся своевременно и исправно, дела архивные за все предыдущие годы с 1806 года состоят налицо в надлежащем порядке, суммы церковные по приходо-расходным книгам состоят в наличности и употребляются правильно, наличных денег 170 руб. и 2300 билетами. Молитвы и венчики, значащиеся по книге, состоят налицо, но правильно ли ведется запись их в расход, сомнительно, потому что инородцы всего Березовского округа не возлагают венчиков на своих умерших и скрывают от причтов время и место погребения их, да, кажется, и сами причты о них не заботятся. Утварью, ризницею и богослужебными книгами церковь сия снабжена весьма достаточно, кроме того, что в библиотеке церковной нет почти книг для назидательного чтения, вследствие чего я предложил настоятелю для собеседования с народом выписать издания Общества любителей духовного просвещения, Троицкие листки, изд. Троицко-Сергиевой лавры, душеполезные размышления, издания Пантелеймоновой часовни в Москве и полное собрание поучения протоиерея Путятина.

Вторая церковь, Богородице-Рождественская — каменная, построенная в 1768 году казаком Канкоровым на свой счет вблизи Лиственничной роши, состоящей и поныне — предмет чествования инородческого, с оградой каменною. Церковь сия красивая и прочная, с деревянною часовнею, при ней устроенною в честь Преображения Господня, снабженная всем: утварью, ризницею и богослужебными книгами в весьма достаточном количестве и весьма хорошего качества. Здесь есть немало вкладов смотрителя Императорского Зимнего дворца Дехтерева, уроженца города Березова (есть таковые же и в здешней Соборной церкви).

Капиталом сия церковь также не бедна — 100 руб. наличными и 2050 р. в билетах. Средствами содержания причта служат жалованье от казны, которого получает в год протоиерей 490 руб., помощник его, второй священник — 360 р., диакон — 250 руб., два псаломщика по 120 руб., и доход, простирающийся до 1300 руб. в год. Средства, по местным условиям города Березова, псаломщиков крайне скудные; на 200 руб. в Березове, без посторонних средств, содержатся прилично невозможно.

О ревизии церковей Березовского и Сургутского ведомства

Отношения младших членов причта к старшим, между собою к обществу весьма похвальные, почтительные, дружелюбные; но, к крайнему прискорбию, отношения между настоятелем и помощником — крайне враждебны, не лучше оные были и при прежнем настоятеле, о котором так глубоко соболезнает березовское общество и целый округ, глубоко скорбящий об унижении протоиерея Заборовского. Духовенство и прихожане целого округа доселе с благодарностью вспоминают протоиерея Заборовского и все вообще удивляются причине его унижения и увольнения от должности: общий говор навел на мысль поглубже вникнуть в причину разлада, продолжающуюся в березовском духовенстве около 15 или 20 лет, и первопричиною этого разлада, по соображении обстоятельств, нахожу властолюбие. Этим недугом страдал и достопочтенный о. протоиерей Заборовский, тем же недугом заражен был о. протоиерей Тверитин в высшей степени и им же недужит претендент на власть священник Чемесов, разница только в способе достижения. Но стремящиеся ко властвованию, вероятно, забывали мудрое наставление: гордым Бог противится, а смиренным дает благодать. Что, как показали обстоятельства, недоставало, в особенности бывшему протоиерею Тверитину. Мечтательность о чине и предоставленной власти была причиною, несмотря на другие добрые свойства, озлобления священника Чемесова и священника Норского.

В этот день тезоименитства Государыни Императрицы Марии Федоровны совершена мною литургия в служении о. протоиерея Тверитина и священника Чемесова и благодарственный молебен.

В 12 часов дня явилась ко мне в квартиру крестьянская жена Парасковья Иванова Голубева с претензией на о. Чемесова в том, что он отказался напугтствовать сына ее Иоанна под тем предлогом, что квартира ее близка к квартире протоиерея о. Александра Тверитина, что меня крайне удивило. Помощник настоятеля, ничем не занятый, совершенно здоровый, отказывается от исполнения прямой своей обязанности под предлогом того только, что больной ближе к квартире настоятеля, а мне о. Чемесов объяснил словесно причину своего отказа тем, что когда-то город Березов разделен был епархиальным начальством на две половины, и что прихожане каждой должны были в нужных случаях обращаться к ближайшему по месту жительства священнику. Справедливо ли это показание, ответить не могу, находя со своей стороны отказ священника от исполнения не терпящей отлагательства обязанности

незаслуживающим извинения, тем более что он был свободен и здоров. Случай этот достаточно характеризует качества будущего настоятеля церкви города Березова; не без причины же не пользуется он уважением всех сословий города Березова.

В тот же день производил я дознание по докладной записке, мне поданной инородцем Архангельской губернии Мезенского уезда Ильей Талаевым об оскорблении его протоиереем Александром Тверитиным. Спрошены выставленные в докладной свидетели: псаломщик Попов и дворянин из ссыльных Савицкий, по свидетельству которых о. Тверитин должен признаться виновным в личном оскорблении инородца Талаева. Нужно спросить третьего свидетеля сцены между ним и протоиереем Тверитиным, приказчика купца Плеханова Хохлова, проживающего ныне в селе Кондинском.

За сим, рассмотревши рапорт к Его Преосвященству священника Норского от 10 июня, я пришел к заключению, что так как высказанных в рапорте свидетелей почти никого не было налицо в Березове за отлучкою по делам служебным и промышленным, а между тем, имея в виду дело о пристрастных действиях протоиерея Тверитина к псаломщику Сартынинского села Антипе Бешкильцеву и сестре его, священнической сироте, девице Анне Васильевой Бешкильцевой, я счел необходимым отправиться по реке Сосьве в село Сартынинское для дознания, в чем заключались эти действия и при каких условиях, и уже по возвращении в г. Березов нужных для спроса лиц в сентябре месяце произвести допросы по рапорту о. Норского, которого направил к месту нового его служения, дабы он напрасно времени не тратил и не терпел убытков, а чрез это не имел бы повода к жалобе, к тому меня располагали хорошие отзывы о Норском русских торговцев по реке Сосьве.

Заручившись маршрутом из Березовского полицейского управления, без проводника и переводчика отправились мы в село Сартынинское, отстоящее от Березова на 215 верст. С первой же станции посылался глубокий ропот на злоупотребления писаря Сосьвинской волости Василия Кузьмина, на его произвольные, стеснительные и разорительные для инородцев действия. Не касаясь других высказанных инородцами его злоупотреблений, считаю долгом изложить здесь побуждения и действия этого писаря по составлению им приговора об удалении из Сартынинского прихода исправляющего должность псаломщика Анти-

О ревизии церковей Березовского и Сургутского ведомства

пы Бешкильцева. По общему единогласному отзыву инородцев, за два года до сего предлагал им писарь Кузьмин приложить свои тамги к какой-то бумаге, говоря, что это маловажная бумага и для них безвредна, на что некоторые и согласились, не зная содержания оной, и когда уже удален был из их прихода в город Березов псаломщик Бешкильцев, они узнали, что бумага, к которой они прикладывали тамги, был тот самый приговор, по которому удален был от них Бешкильцев, удаления которого от себя они никогда не желали. Поэтому составлен был новый приговор о возвращении Бешкильцева в село Сартынинское, потому что он для них очень был хорош по кроткому характеру и поступкам. Таковы отзывы о нем были слышны на каждой станции до села Сартынинского. Но с негодованием отзывались инородцы о сартынинском священнике Григории Пирожникове за его грубое и дерзкое обращение и за притязательность при требоисправлении; за крещение он всегда требовал будто бы не менее рубля, за брак от 4 до 15 рублей, что подтвердилось записями в тетрадах братских доходов. Таковые действия со стороны пастыря церкви могут служить достаточным поводом уклонения инородцев от исполнения христианских обязанностей. Последствием таковых поступков отчасти и должно признать значительное число проживающих в безбрачии инородцев сего прихода (до семидесяти пар). Понятна после сего причина неуважения и нерасположения инородцев к своим священникам и коснение их в языческих заблуждениях.

В 4 часа утра прибыли мы в село Сартынинское. Церковь здесь деревянная, построенная в 1801 году, очень ветхая; через крышу, несмотря на крутой скат, в церковь проникает дождевая течь; ограда деревянная, полуразвалившаяся. К приезду моему отцу Пирожникову вздумалось побелить внутри стены, почему при посещении моем иконостас был завешен, иконы, ризница и архив вынесены в паперть, в церкви было довольно грязно. Потому было затруднительно дать всему хозяйству церкви правильную оценку. Утварь и ризница хорошего качества и в достаточном количестве, но содержатся весьма небрежно, в ящике, в скученном виде, без порядка. Много риз и подризников загрязненных и разорванных, с отвалившимися позументами; лучшие вещи и ризничные употребляются без всякой бережливости; опись церковного имущества не соответствует наличности вещей; памятная книга, или летопись церковная, остается неписаною.

Наличность венчиков и листов разрешительной молитвы не согласна с книжною записью, так: венчиков 5-коп[еечного] достоинства по книге значится 50, налицо — 54, 2-коп[еечного] достоинства по книге значится 11, а в наличности находится их 27, листов разрешительной молитвы по книге 54, а налицо — 71; богослужебного журнала не ведется, хотя богослужение, по отзыву жителей села, совершается довольно часто; в богослужебных книгах виден существенный недостаток, напр[имер], октоих с 1 по 5 глас крайне ветх, так что по нему невозможно отправлять богослужения, с вырванными во многих местах листами, в разбитом переплете, таковы же часослов и Псалтырь; Четврых миней вовсе нет, нет также и прологов, книг для назидательного чтения нет никаких. По архиву церковному указы, росписи и метрики в разорванном переплете и неправильно подшиты, указы за последующие годы подшиты впереди, а за прошедшие годы подшиты позади. В описи все указы значатся под одним номером с 1757-го по настоящий год, хотя оные заключаются в разных столбцах. Раздел дохода правильный, но со стороны псаломщика Виссариона Карпова заявлена была претензия на о. Пирожникова в утайке дохода, но он тогда же изъявил согласие удовлетворить псаломщика Карпова следующей ему частью.

В приходе сей церкви состоит 546 душ мужского пола и 485 женского; из них на исповеди бывшими отмечены в росписи 275 мужского и 367 жен[ского], но эта отметка, вероятно, производилась наугад и не заслуживает вероятия, во 1-х, потому, что нет книги для записи бывших у исповеди и у Св. причастия, а, во 2-х, сами инородцы свидетельствовали, что они не бывают у исповеди и Св. причастия. При рассмотрении метрической книги за текущий год оказалось немало записей таких: инородец такой-то и незаконная его жена, и таковых супружеств, по сделанной псаломщиком Карповым проверке, нашлось 28 пар; но их, по моей беглой проверке, насчиталось вдвое больше. Причину безбрачия о. Пирожников объяснил мне нерадением инородцев, а они в свое оправдание указывали на высокую цену за браки как причину их безбрачия. Вообще о. Пирожников пастырствует нерадиво, выезжает в инородческие улусы редко, да и то не ради пастырских обязанностей, а ради прибытка, на удовлетворение своей прихоти, чем и дает повод к неблагоприятным для священства нареканиям.

По обозрении церкви я посетил церковный дом священника, построенный волостным писарем Кузьминым, и отсюда вынес самое тяже-

О ревизии церковей Березовского и Сургутского ведомства

лое ощущение из рассказа священнической сироты, девицы Анны Бешкильцевой о разрушении ее домика, который еще в настоящее время стоит без крыши и окон, с разломанною печью. Вот обстоятельства его разрушения со слов сироты Бешкильцевой: домик этот достался ей от крестника ее Новицкого; исправивши его настолько, что в нем можно было жить долгое время без опасения за жизнь, в нем она поселилась. В то же время начал строить церковный дом писарь Кузьмин для священника в расстоянии от ее домика на одну сажень. Видя угрожающую ей опасность, она обращалась к писарю с просьбою о пощаде ее и была им уверена, что домик ее не помешает вновь строящемуся; не доверяя словам писаря, она обращалась к местному благочинному протоиерею Тверитину о защите ее от угрожающей ей обиды, но и он также уверял ее, что домик ее не будет тронут, и что она может жить в нем без опасения.

Когда же вновь строящийся писарем дом выведен был до окон, тогда писарь Кузьмин потребовал от нее, чтобы она выходила из дому. Когда же она отказалась выполнить его требования, то он явился к ней в дом с инородцами и молча что-то писал (вероятно, акт о ветхости ее дома), а в наступившую затем осень прибыл в село Сартынинское кондинский заседатель, который, пришедши в дом с 12 понятыми инородцами, приказал разрушить ее домик; первоначально были выбиты ими две стеклянные рамы, затем разломана была печь, сброшен был с крыши тес и приказано ей выносить из дому имущество. Горькое положение сироты, но надобно было покориться насилию; за сим поселилась она в доме брата своего березовского мещанина Михаила Бешкильцева.

Но и там испытание для бедной сироты не закончилось. В наступившее затем лето сгорело дотла в доме брата ее и то, что осталось от разрушения, а в добавление к понесенному несчастию ее еще оштрафовали 2 рублями за слушание полицейской власти. Крайне тяжело было слушать эту горестную повесть, и думалось, если все рассказанное справедливо, то почему же не защитил ее от произвола и тяжкой обиды местный благочинный и отдал в жертву мщению бедную, беззащитную сироту?! Не хотелось верить, что такое ужасное насилие было допущено в угоду бесчеловечности писаря, от которого так много страдает целое инородческое население по Сосьвинской и Ляпинской волостям, и стоит ли он той чести, какую воздают ему?! И ради чего земское березовское начальство покровительствует этому вредному для глухого края человеку? После всего слышанного и

виденного мною лично признаю слова священника Норского о снисходительном отношении к нему (писарю) протоиерея Тверитина заслуживающими вероятия. По этому самому должно считать вероятным и слова священника Норского относительно разорения сартынинского псаломщика Антипы Бешкильцева по противозаконным действиям писаря Кузьмина, которому, по отзыву инородцев, нестерпима была любовь их к Антипе Бешкильцеву, плодом чего и был ложный приговор об удалении его из села Сартынинского. Приговор этот был направлен чрез благочинного Тверитина, который, зная ненависть Кузьмина к Бешкильцеву, не считал нужным проверить справедливость этого приговора и, без сомнения, получил его не от старшины Сеаиглина, которому будто бы поручено было представить оный к епархиальному начальству. Действовал и здесь благочинный исключительно в видах писаря Кузьмина. Из-за чего же? Стыдно говорить... А бедняк из-за этого потерял последнее достояние и здоровье, а в довершение бедствия впал в неоплатные долги.

Здесь невольно мысль обращается к св. Норскому с благодарностию, что он с риском для себя решался писать в защиту угнетенных и вывести на свет злодеяния писаря Кузьмина и, как бы худо ни отзывалось земское и духовное начальство березовское о жизни и действиях его в сартынинском и ляпинском приходах, но, по отзыву русских торговцев и самих инородцев, он человек хороший, усерден по службе и исполнительен, хотя и строптив, и даже дерзок в крайних случаях, особенно в нетрезвом виде.

Не менее правдивым оказался отзыв священника Норского о захвате помощником его, священником Пирожниковым, церковных денег... Не отрицая показания старосты Михаила Бешкильцева, священник Пирожников тогда же дал обещание и даже подписку внести эти деньги. По приглашению бывшего писаря Кузьмина, посетивши занимаемый им дом, я был удивлен странностию постройки его, и задавал себе вопрос: к чему такое безобразное строение удаивалось принимать в своих стенах березовскую интеллигенцию; этот дом ни волостное правление, ни кабак, а то и другое вместе. Так устроил его писарь Кузьмин.

По дальности и трудности продолжать путь до инородческого селения Ляпина я признал нужным возвратиться в город Березов, куда и прибыл 31 июля, потерпевши от бури, наводнения и холода немало страха и болезни; на пути этом начал заметно изнемогать спутник мой о. диакон Спасский.

О ревизии церковей Березовского и Сургутского ведомства

Августа 1-го совершал я литургию с протоиереем и крестный ход на реку Сосьву для водоосвящения. За литургиею о. протоиерей Тверитин говорил поучение по печатному изданию священника Кондакова о пользе и необходимости несения креста, и, как видно из богослужебного журнала, поучения о. Тверитин говорил нередко, но не видно, чтобы священник Чемесов в течение трех лет говорил хотя бы одно. В этот же день, по тщательном рассмотрении рапорта священника Норского к Его Преосвященству от 10 июля сего года, сделано мною постановление о порядке производства дознания о неблаговидных поступках протоиерея Тверитина, которое и объявлено ему. Послано отношение в Березовское городовое полицейское управление о присылке высказанных в рапорте о. Норского свидетелей и о назначении депутата; но получивши уведомление от полицейского управления, что указанных в том моем отношении свидетелей не находится в городе Березове за отлучками их в разные отдаленные места, сделал я новое постановление о спросе новых свидетелей — одних по возвращении их в г. Березов уже в сентябре месяце, а других — на месте их нахождения, и затем — следовать далее для обозрения церковей Кушеватской, Мужевской и Обдорской, а пока, до выезда из города, произведено мною в течение двух дней негласное дознание об образе жизни о. протоиерея Тверитина.

Отзывы одинаково были хорошие. Почему, в исполнение резолюции Его Преосвященства, положенной на рапорт священника Норского от 10 июля сего года, я сочел необходимо нужным донести Его Преосвященству рапортом от 4 августа за № 5 и представить при особом рапорте решительное намерение протоиерея Тверитина выехать в предстоящую осень в город Березов, а с тем вместе, при особом рапорте, копию с увольнительного общественного приговора — об увольнении из березовского мещанского общества мещанского сына Николая Мисюрева.

По совершении Божественной литургии в Богородице-Рождественской церкви отправились мы в селение Кушеватское, куда и прибыли 7 числа в 10 часов вечера.

<...>

(ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 11. Д. 1375).

Подготовила к публикации *Надежда Сухорукова*

Тропа жизни

Слово родниковой чистоты

На грани тысячелетий мне выпали годы сотрудничества с окружной библиотекой — участия в подготовке к изданию двух томов библиографии местной периодики. Перелистывание, часто торопливое, во время командировок, сотен подшивков местных газет вовсе не было, как может показаться, скучным, рутинным занятием. Одновременно с фиксацией тысяч имен, заголовков статей, дат происходило и медленное погружение в разные по глубине слои истории Обь-Иртышского севера и узнавание людей прошлого. И не только узнавание, но и некоторое сближение, несмотря на разделенность десятилетиями.

Одно из ярких впечатлений было пережито при просмотре окружной газеты «Сталинская трибуна» за 1944–1946 гг. от корреспонденций Ж. Ландау. В целом газета была по-военному суровой и сосредоточенной: задачи, выполнение, проценты, центнеры, тонны, гектары, стахановцы... Корреспонденции Ландау как будто разглаживали на миг нахмуренное лицо газеты, принося на ее страницы живое слово рыбацкой, колхозной деревни.

Они были совсем просты, лишены пафоса, политической окрашенности и вообще всякой искусственности. Автор только хотел попытаться, почему дело обстоит так, а не иначе, чья тут заслуга или вина, как повернуть к лучшему. И, сказать правду, избегая расцвечивать ее собственными домыслами, эмоциями, «красным словом», он не возвышался над теми, с кем его свел случай в командировке, и если критиковал кого-то, то убедительно и требовательно, но не хлестко и не зло. Право на требовательность давала ему включенность в общую работу над окончанием войны с высокой степенью самоотдачи.

Кто же он, этот автор, как бы получше его узнать?

В книге приказов редакции «Сталинской трибуны» нашлось несколько записей о перемещениях по службе Клавдии Густавовны Ландау: 1

августа 1944 г. назначена собственным корреспондентом, с 12 января 1945 г. получила отпуск по беременности и 17 марта уже вернулась на работу после рождения дочери. 11 апреля 1946 г. ушла в отпуск, но 29-го отозвана по редакционной необходимости. И последнее: 15 июля 1946 г. отпуск вновь предоставлен и, согласно приказу, по окончании его К.Г. Ландау от работы в редакции освобождалась «в связи с переездом мужа на новое место жительства». После этого подпись «Ж. Ландау» уже не встречается в «Сталинской трибуне».

Просматривая «Омскую правду» за 1943 год (тогда наш округ входил в состав Омской области), нашел заметку от 28 ноября о подготовке к печати четвертой книги «Омского альманаха» и в ней строчку о состоявшемся обсуждении рассказа Ж. Ландау «В комнате художника». В этой же газете за 11 апреля 1944 г. встретились еще одна заметка — о литературных четвергах, по которым обсуждались новые произведения писателей-омичей, в один из них шел разговор о творчестве начинающего автора Ж. Ландау. Затем в березовской районной газете «За большевистские колхозы» за 13 августа 1942 г. заметил публикацию, автором которой была заведующая массовым отделом Омского Дома пионеров С. Ландау. Значит, есть шанс что-то узнать о Ж. Ландау в Омске? Спросил омского историка профессора М.Е. Бударина, также участника литературной жизни города 1940-х годов, но он не мог ничего сообщить о человеке с такой фамилией.

Прошло несколько лет, пока почти пустая копилка сведений не пополнилась ценным свидетельством известной в округе журналистки Норы Викторовны Устьянцевой, работавшей в середине 40-х годов в редакции «Сталинской трибуны» и носившей тогда фамилию Гаревских. Она помнит Жанину Ландау — высокую, худенькую, черноглазую и очень непоседливую. В редакции ей не сиделось, она предпочитала рабочее время проводить у рыбаков, в колхозных деревнях. Случалось, что новорожденную дочь Жанина оставляла под чьим-нибудь присмотром в редакции, а сама убегала за материалом для газеты. В 50-е годы у Норы Викторовны была мимолетная встреча с Ландау в Москве на слете рабочих и сельских корреспондентов. Жанина тогда состояла в штате редакции журнала «Работница».

Разговор с Норой Викторовной навел на мысль поискать в Интернете. И вот какая была получена справка.

«Варламова Инна (наст. имя и фам. Клавдия Густавовна Ландау, крещенная в католической церкви как Клодина Жанина Викторина) (21 января 1923, Ленинград — 16 июня 1990, Москва), русская писательница. Родилась в семье инженера, расстрелянного в 1937-м по делу об инженерах-путейцах, строителях стратегического шоссе Москва—Минск. Ее дед, французский инженер Жан Жак Ландау, приехал в Петербург в конце XIX века от фирмы «Батиньоль» для строительства Троицкого моста через Неву. В 1941-м окончила среднюю школу в Вязьме, после того, как началась война, оказалась в эвакуации в Омске. После реабилитации в 1956 году отца и мужа (писателя Н.Д. Вигилянского) переехала в Москву, работала в редакции журнала «Работница», писала очерки и рассказы. В 1962 году окончила Высшие литературные курсы при Литературном институте им. Горького. Первая книга рассказов «Живой родник» вышла в 1957 году, затем в 1959-м — роман «Любить и верить», повесть «Мы из Новой Каховки» (в соавторстве с Вигилянским, 1961), роман «Ищу тебя» (1964), сборник рассказов «Окно» (1965). В 1966 г. Были переизданы оба романа и несколько рассказов («Ковшик для чистой воды» пополнил сокровищницу русского рассказа XX века). В 1974 году появилась книга повестей и рассказов «Две любви». Казалось, Инну Варламову и в дальнейшем ожидает судьба вполне благополучной советской писательницы. Но в конце 1970-х наступил перелом. Новый роман «Мнимая жизнь» дружно был отвергнут издательствами; не был принят к производству и киносценарий по этой книге. В романе, посвященном жизни раковых больных, метафорическая злокачественная опухоль поражала всю страну, которая задыхалась в тисках несвободы. В 1978 году этот роман выходит в известном американском издательстве «Ардис» (русский и английский варианты). В России до сих пор не издан. Инну Варламову перестают печатать, она зарабатывает на жизнь переводами с французского и с языков народов СССР, зачастую не под своим именем. Подписав несколько писем в защиту диссидентов, обрекла себя на дальнейшие гонения, только тяжелая болезнь спасла ее от исключения из Союза писателей. В последние годы жизни (в конце 1980-х) работала над трехтомной эпопеей своего времени (оттепель, возвращение реабилитированных, диссидентство, начало эмиграции, повальное уклонение от службы в армии, война в Афганистане, ветры перестройки). Роман не получил завершения и окончательного названия. До сих пор нигде не опубликован».

Под впечатлением от такой находки можно находиться не одну неделю, но обнаружилось нечто большее: литературным трудом занималась и старшая сестра Клавдии (Клодины Жанины Викторины) Густавовны театровед Симона Густавовна Ландау. Ею написаны и опубликованы в журнале «Звезда» интереснейшие документальные повести о деде И.А. Ландау (1855–1929) и отце Г.И. Ландау (1887–1937): первая под названием «Мост в тумане» в 1999 г. В № 8, вторая «На краю круга девятого» — в 2001 г. в № 12. Нет возможности излагать здесь содержание этих написанных на едином дыхании «страниц семейной хроники», как обозначен жанр произведений, но тот, кто прочтет их, уверен, не пожалеет о затраченном времени.

Журнал «Звезда» есть в нашей окружной библиотеке, а вот книг Инны Варламовой — ни одной. Выручил снова Интернет. С его помощью удалось приобрести книгу «Третьего не дано» (Москва, 1969). В ней — роман с тем же названием и три рассказа. Отзовусь кратко: великолепная проза, герои которой не «типичные представители», а живые, запоминающиеся, любимые автором люди со своими неповторимыми чертами, с характерной речью. Писатель, способный увидеть в сверкающем лаком пианино сходство с начищенным до блеска хромовым сапогом или сказать, что «смутный, мусорный разговор умолк сам собой», а зимний ветер, влетевший в комнату через распахнутую дверь, «какое-то время бушевал, кидаясь от стены к стене, затем улегся на полу и утих», с первых страниц овладевает вниманием читающего.

Автор весь открыт перед собеседником, как и в коротких корреспонденциях военной поры, это вы почувствуете, читая уже упомянутый рассказ «Ковшик для чистой воды», взятый из книги «Третьего не дано». В нем через много лет отстоялось то, что начинающая журналистка Жанина Ландау, ставшая писательницей Инной Варламовой, почерпнула в наших родных местах в пору своей юности перед концом Великой Отечественной войны.

В. Белобородов.

Тропа жизни

Ковшик для чистой воды

I

Елена Дмитриевна Хатанзеева шла посредине улицы в нарядном сахе с разноцветным суконным орнаментом по подолу. Шла гордой утицей, переваливаясь с ноги на ногу. Маленькая, смуглая, с блестящими черными щелками глаз. На голове у нее красовался бирюзовый платок с красными розами. Кисти на нем — длинные, шелковые. Рядом вышагивал с подскоком ее молодой муж Николай Чикин, высоченная жердина. Встречные почтительно кланялись: «Здравствуйте-ка!».

Елена Дмитриевна — так ее величают в глаза, а за глаза попросту зовут Ленкой, хотя ей недавно перевалило за пятьдесят. Она выдвигалась с предвоенных лет, женотделка, депутат сельского и районного Советов, знатный зверовод и охотник, богачка.

Богатство ее скопилось еще во времена войны, когда контора «Заготживсырь» щедро платила за шкурки «мягкого золота», а «Рыбкооп» давал за сданную рыбу нескончаемые бумажные ленты «рулонов». На рулоны в магазине можно было получить продукты и водку. Но Хантазеева жила тогда одна, и мешки с крупой годами стояли в коморе непочатые.

Она и теперь время от времени выходила на охоту. Белку стреляла в глаз, ставила в только ей известных местах капканы на лису-огневку, била влёт уток и черных лебедей. В путину ее приглашали настраивать невода — башлычить. Тянуть невод у нее прежних сил уже не было. Но редкое умение колдовать над грузилами и поплавками, учитывая силу течения и направление ветра, делало ее воистину незаменимым человеком. Поэтому, когда она купила полсотни оленей, ей никто не посмел указать на превышение дозволенного по уставу артели. И олени Хантазеевой касались в тундре с колхозным стадом.

Супруги шли в клуб на лекцию.

Ленка хорошо усвоила свое общественное назначение и уважала его. Она понимала его так, чтобы всегда и во всем быть примером для своих ближних. Когда в деревне проводилась какая-нибудь лекция или собрание, она наряжалась и степенно шла в клуб. Усаживалась обычно впереди, на виду, чтоб ближе было пробираться в президиум. В президиуме сидела неподвижно. Лицо ее загадочно спало, а черно-сланцевые зрачки сверкали минеральным холодом. Точеные, не знающие старости маленькие руки твердо лежали на коленях.

Когда требовалось, она вставала и бесстрашно произносила речи. Это была всегда одна и та же речь, на все случаи жизни, беспорядочная и малопонятная. Но слушатели ухватывали в ней главное — искреннее чувство, а Ленка и не сомневалась, что это будет ухвачено, и не утруждала себя подбором простых, ясных слов. Ведь и она часто не понимала того, что говорили с трибун районные и окружные начальники, ей важно было лишь услышать знакомые слова: социализм, партия, народ, соревнование, план. Ленка поднималась, всякий раз точно зная, когда и ей пора сказать свое слово, выдвигалась вперед, на авансцену (за трибуну не становилась из-за малого росточка), и высоким натужным голосом выкрикивала:

— Товарищи, оправдаем доверие районных руководителей! Социалистическое соревнование — залог, товарищи! Сдадим рыбу сверх плана на сто процентов! Мы — рыбаки и оленеводы Красного Севера, товарищи! Да здравствует мир во всем мире! Проклятые агрессоры, товарищи, никак, товарищи, не унимаются! А рыбу, товарищи, надо не покладая рук, первым сортом, и скурки ценного мягкого золота! И мы, славные зенсины, матери, в первых рядах музцин, розаем культурно в условиях, товарищи, и трудимся, товарищи, на благо!

Она достойно поворачивалась спиной к залу, под бурные аплодисменты усаживалась на место и укладывала на коленях безмятежные твердые руки, словно больше не собиралась шевелиться до самой смерти.

Николай слушал жену, опустив белобрысую голову. Его никогда не выбирали в президиум. Он был ее мужем, и только. Он появился в деревне три года назад и работал на звероферме, где выращивали черно-бурых лисиц и песцов. Он кормил их вареной рыбой, соленным китовым мясом. Подбавлял в корм для витаминов крапиву, березовый лист.

Молодняку давал молоко. Ему нравилось, подходя к вольеру, слышать нервный лай животных. Он старался никогда не вспоминать о своей прежней жизни. Три года назад он был молодой парень. И сейчас, конечно, еще не был старым, но не был уже и молодым. Жена у него была знатная, богатая, горячая и сильная женщина, он охотно и по доброй воле покорялся ей, чтобы ни о чем не думать, но самые его счастливые минуты наступали тогда, когда он подходил с кормом к вольерам и слушал нервный лай песцов. Счастье этих минут заключалось в том, что в нем просыпалась тоска. Тоска была его заветным, тайным, свободным чувством.

Он приехал в этот затерянный в тайге озерный и речной край из-под Тобольска, откуда был родом. Как-то его, дурного и веселого парня, любящего, как все его сверстники в деревне, и выпить чекушку, и погулять, и поплясать на толоке под гармонь, мобилизовали на лесозаготовки. Но он не выдержал по легкомыслию трудностей неустроенной жизни, плохого питания и скуки и удрал домой. Спасла его молодая, медвежья выносливость. Он одолел пешком по тайге путь в пятьсот километров, оголодал, оборвался, завшивел, сбил ноги в кровь. А когда он вошел к себе во двор, отец в сумерках не узнал его и прогнал как бродяжку. Николай, то ли от неожиданности, то ли от слезной обиды повернулся и побрел со двора. Отец нагнал его у ворот и спросил:

— Дак ты, ли че ли?

— Да я, — ответил он и рухнул наземь.

Двадцать дней его отхаживали с ложечки бульоном, а потом колхоз отдал его под суд за дезертирство с лесозаготовок. Николай, дав подписку о невыезде, отправился с котомкой ночью на дебаркадер. сел на последний в ту навигацию идущий к Северу пароход и добрался, лежа на горячих рифленых листах железа у самого машинного отделения, до Березова. А там почему-то сошел на берег, постоял, померз на ветру на пристани, наблюдая за погрузкой катера. Капитан был вежливый, не ругался матом, как другие, команды отдавал спокойно и деловито и тем понравился Николаю. «Возьми с собой, будь другом!» — подойдя к нему, попросил Николай. И капитан, внимательно оглядев его, заметил, вероятно, и то, что у Николая мокро под носом, не спросил с него на пол-литра, сказал: «Давай, паря, садись, однако!». И заплюхали они неведомо куда по протокам Оби, пока не приткнулись наконец к берегу.

Тогда капитан сказал, словно извиняясь: «Дальше нам ходу нет, вылазь, браток!». И Николай послушно и обреченно сбежал по сходням на песок и поплелся, увязая по щиколотку, в чужую деревню.

Дело было к вечеру, стояла холодная темная осень, из черных туч сыпал едкий зловещий снег, денег у Николая насчитывалось девять рублей с медяками, и он постучал, стараясь сам перед собой соблюсти достоинство, не в первую, не во вторую, а все ж таки хоть в третью избу, и это оказался дом Хатанзеевой, где он нашел себе приют, жену, несметно бочек соленой рыбы и забытье.

...Лекция на этот раз была неинтересная, но здесь, на Севере, любое событие — праздник. Даже если мимо пролетит самолет, народ выходит послушать шум моторов и оживленно гадают, какой летчик летит, и куда, и зачем. А тут все же можно поглазеть на нового человека.

Николай не заметил, как задремал, и очнулся от грохота — это задвигали в глубь сцены трибуну. Ленка поднялась уходить и, завязывая свой нарядный, всем на зависть, платок, осуждающе смотрела на парней и девок, спешно расталкивающих к стенам лавки.

— Наспался, однако? — спросила она его. — Товда послИ.

Но он заворуженно глядел на быстро пустеющую середину затоптанного пола, и сладко защемило у него в груди от воспоминаний. Включенный магнитофон стрекотал на большой скорости, как кузнечик, потом переключатель повернули как следует, и музыка загремела слитно, поднимаясь и опадая цельными толщами, как могучие взводни на реке. Что это был за танец? Николай не знал. Такого не танцевали в его время.

Музыка накатывала вновь и вновь, вроде бы не меняясь, но на каждом новом заходе возвращалась как будто слегка скособоченной — простая и заунывная, похожая на ту, что отец наигрывал на тальниковой дудке, но здесь этих дудок тыща, и те, что дудели в них, словно от чего-то остервенели.

Парни из экспедиции, фельдшер из медпункта, учитель из школы, моторист с колхозного катера и даже рыбак Фролка запросто подхватили девок, стоявших у стен в светлых платьях под темными жакетами, и все враз столкнулись, как комары, в кучу, оставив пустым много пространства, и ну крутить друг перед другом бедрами, помахивать, будто с лентой, руками и приседать. И в приседаньях этих, и в верченье Николаю опять почудилось веселое лихое отчаянье и злость.

— Не пойду я-ка, посмотрю маленько, — сказал он. — А ты иди.

Ленка удивилась его самостоятельности, но не сказала ни слова. Вышла из клуба — маленькая, важная и гордая.

По дороге ее встретила Марьяна Прокофьевна, этнограф из Ленинграда.

— Ну как, не надумали сах свой продать? — спросила он. — Если жалеее пыжиковый, продайте хоть этот! Продайте, голубушка. Хорошо заплатим!

— Не собираюсь я пока-ста помирать, сама поносу естё, — с вызовом сказала она.

II

Николай смотрел, как танцуют его однолетки, и в голове не держал встать и попытаться тоже повихлять туловищем. Он сидел без движения, без мысли, смутно, будто в полусне, вспоминая полуразвалившийся клуб родной деревни, гармошку, танец «ланцы», который у них лихо отплясывали парни и девки.

Он напоминал зеваку, который стоит на мосту, тупо вперившись в круговерти воды меж быками, почти что и не видя ни стеклянно-витых струй, ни колыханий коричневой пены, ни щепки, что бессмысленно мечется туда-сюда и вдруг уносится с глаз долой, как лущенная тугой тетивой стрела. Зевака не видит этого, потому что погружен в себя и внутренним оком созерцает иное: свиванье струй в своей собственной бессмертной душе, о которой обычно забывает и думать, и даже пену дрожащую находит в ней, и маленькую юркую щепку. Он стоит, навалившись на перила, плюет вниз, следит полет плевка, ловит ухом шлепок его о поверхность реки и выглядит дурак дураком, а это — великая минута в жизни человека, и каждый из нас должен хоть изредка остановиться на мосту и с отрешенным, глуповатым видом поплевать в воду...

Николай и не заметил, когда кончилась музыка и разошелся народ. Он сидел один, и только запах опрыскиваемого водой пыльного пола заставил его оглядеться по сторонам. Уборщица, макая березовый веник в ведро, веером брызгала на пол воду и уже приближалась к нему.

— А вы и не танцевали, Николай Иваныч, — сказала она, остановившись перед ним с ведром.

— Чего уж, куда, — ответил он.

Он сидел и смотрел на ноги женщины в тапках со сбитыми задниками и вдруг понял, ради кого он пришел сегодня в клуб, ради кого остался. Робко поднял взгляд вверх и обмер: лицо женщины показалось ему не просто симпатичным и милым, а тем вечно искомым, родным лицом, какое каждый грезит увидеть рядом с собой в жизни и, тихо погрузившись в него, ото всего отдохнуть.

Сколько раз он видел ее прежде — то в магазине, то на улице, то здесь, в клубе, и всегда она поглядывала на Николая с участливым любопытством. Женщина была складненькая, глаза были серые, с густыми ресницами — темными у век и светлыми на концах, словно их присыпало цветочной пылью. Волосы тоже у нее были какие-то пегие — надо лбом, у висков — точно лен, почти что серебристые, до того белые, а на затылке — русые, густые, тяжелые, будто смазанные маслом. На щеках был пушок...

Как-то летом стояла она с ребеночком на берегу реки, а он готовился половить рыбки для лисиц и навешивал поплавки на невод. Работал он с надсадным усердием, но изредка косился на нее, а, встретившись с ней взглядом, отворачивался поспешно. А почему отворачивался — и сам не знал. Боялся? Кого? Ее или себя? Или того, что вернутся молодые, пустые мечтания?

— Где ребенок твой? — спросил он, следуя своим мыслям.

— Спит, спит, Николай Иваныч, тутотка-от, за переборкой, — ответила она с готовностью, будто ожидала его вопроса.

Он замолчал, а она, подождав, не спросит ли он еще чего, принялась подметать. Николай все не уходил и тянул ноздрями запах прибитой на полу влажной пыли. Потом она пронесла мимо него ведро с тяжелой и черной водой и оглянулась у двери, будто спрашивая: гасить ли, нет ли еще? Он поднялся, но не ушел, как должно, домой, а сел на крыльце, веря, что она выйдет.

Она вышла и, едва опустилась рядом с ним на ступеньку, быстро, опять спеша, заговорила:

— А че расскажу вам, Николай-от Иваныч... Вы не поверите, стыдно молвить — продал ведь меня отец. И не задорого, поди-ка. За пустяк, думаю — за водку! Не хотела я взамуж нисколько, целую неделю у подруг пряталась, да мама уж очень убивалась, я пожалела ее, на свою голову. А муж мой, он папин дружок был, в домино вместе играли, муж-

чина — вдвое старше меня. Как-то собираюсь на танцы, отец мне и говорит: «Не ходи, стой, дело есть». — «Че такое?» А он бряк: «Взамуж пора». — «На лешак, за кого это?» — «Да за Матвея-от Кузьмича, чем не муж?». Я как заору: «Че ты удумал, я молодая, побегать еще хочу!». А он мне: «Хватит бегать! Избегаешься, как кошка, никто взамуж не возьмет!». Туточка я и удрала к подругам в общежитие. А потом покорилась. Увез меня Матвей Кузьмич в Салехард, стал пить, стал бить — завсегда руки наверху. Из синяков не вылажу. Однажды сидит он дома, в бараке, а я рыбоприемщицей работала, рыбу на дворе вешаю. Рыбу привез молодой ненец. Такой красивый ненец! На нартах приехал. Я и говорю ему: никогда, мол, еще на нартах не ездила. Ну он — чё: «Садись, прокачу!». Всего и проехали-то метров восемьсот, делов куча. А муж увидел в окно и давай меня убивать. Поставил к стенке, прямо во дворе, у ледника, хватъ гири и мечет одну за одной. Как ноги не перебил, ума не приложу! Дождалась я, Николай Иваныч, весны и потихоньку от мужа — будто на сенокос собралась — раз на пароход! Муж прибежал, ищет по пароходу, шныряет, всех спрашивает. Спасибо, знакомый милиционер ехал, заступился, а там и гудок. Еду я, а куда — не знаю. Вылезла в Березове, села на катер — и сюда, в тайгу, в болота, абы подальше. Сначала-то здесь сама не своя была, думала, сумасшедшей заделаюсь. Приду к себе за переборку: пустые стены, кругом одна, и давай диканить. А как родила — оклемалась вроде-ка. Теперь вот сына рощу, живу... Ничего!

Чего-то подобного Николай и ждал от нее. Он даже хотел, чтоб позади у нее была нелегкая жизнь. Сытые гладкие девки никогда не влекли его. «Дуры!» — беспощадно судил он их. Поразило его лишь то, что и она, как он, с чего-то сошла именно в Березове, а не в Мужах, не в Кондинске, хотя и плыла с севера, а он — с юга. «Судьба, — решил он. — Судьба».

— Как тебя звать? — спросил Николай и взял ее шершавую горячую руку.

— Августа Ионовна, — сказала она, как всегда доверчиво поспешая с ответом. — Очень тяжело запомнить.

Он усмехнулся.

Посидели они на ступеньках, и Николай сказал:

— Оболокись да пойдем на речку пройдемся.

И ух как метнулась Августа домой за жакеткой, как быстро вернулась! Накинув жакетку на плечи, ухватив лацканы кулачками, она подняла на высокого Николая блестящие под луной, серьезные, серые в темных ресницах глаза.

— Лиски, — пробормотал Николай. — Лиски черно-бурые...

Деревня уже спала, и пусто было на улице. Словно испугнутые гуси, бежали, помавая крыльями, светлые на темном небе облака. Зеленая луна сияла ярко. Они вышли на берег, и влажный от росы песок закрипел у них под ногами. Чернел остов завалившегося набок, заплывшего песком, пробитого старого катера. Прислонившись к нему спинами, постояли в оцепенелом молчании.

— Ладно, терпи, Густя, не враз, — сказал он наконец и обнял ее горько и родственно. — Не можно враз, жалею ее.

— Сильно жалеете? — тихо спросила Августа.

— Сильно.

— Да что ж мы это? — вдруг страстно воскликнула она. — С ума сошли?

III

Тяжкие потянулись для Николая дни. Не знал он, как подступиться к Ленке с разговором. С Августой он виделся редко, мимо клуба не ходил, не вылезал со зверофермы, рубил китовое мясо, варил рыбу и бросал черпаком в миски порции густого варева. Лай песцов тревожил, радовал и угнетал его. Ходя мимо вольеров, он разговаривал с животными, будто с самим собой.

— Эй, ты, — начинал он, — песий сын, линияешь, крестоватик, жарко тебе. Ну, ну... Ишь жварит от меня, испугался... А мне — куда от бабы своей? Сгибнет ведь. То-то... Я — что! Молод, сила есть, а она? Как она меня тогда приголубила... Вовек ведь не забыть. И потом как-никак я тебе скажу, она — ничего, хорошая женщина, даром что пожилая. Это ведь тоже... Куда денешь. Тело, оно все-ё помнит. Командует, как старшина: нале-во, кругом! И будь здорово, повертываешься. Ну иди, иди сюда, собачка, чего дрожишь, да иди-и, стерва, жри! А еще я тебе скажу: боюсь ее. Она злая. Чё учудит, сам лешак не ведает. Ведь уж унюхала, проклятая, а помалкивает. Помалкивает да и помалкивает. Вот те и все!

И правда, как узнала Ленка про любовь Николая и Августы — неизвестно. Никто вроде не видел, как стояли они у катера ночью. А вот

поди ж ты. Мужу она не сказала ни слова, а к Августе пожаловала как-то вечером в клуб, за переборку.

— Девуска, — сказала он, — ты должна скромной быть. Слыс? Ты кто есть против меня? Мать-одиностька. А я кто, знаес? Тязело тебе — материально помозем. В беде не оставим. А поведение свое надо воспитывать морально, слыс?

— Слышу, — склонив голову, ответила Августа.

— Мальсёнка? — спросила Ленка, кивая на дитя в люльке.

— Мальчик, — сказала Августа. — Эдик.

— Помозем, — подтвердила свое обещание Ленка и удалилась.

Решительная, суровая, пришла в контору колхоза и уселась напротив председателя Семена Молданова. Это был ее сверстник, местный ханты.

— Давай помозем девке одной, есть деньги в сейфе? — спросила она напрямик.

— Какой девке? — удивился Молданов.

— Уборсице Августе. Мальсёнка у ей. Материальная помось. Надо пойти навстресю.

Молданов курил трубку, соображая, какая тут может быть корысть Ленке, и ничего не понял. Но знал, что корысть есть непременно и от Ленки теперь не отцепишься.

— Ладно, посоветуемся на правлении, — сказал он.

— Чего советоваться? Депутат я, ходатайствую, так и писы протокол. Ходатайство Хатанзеевой. Народный слуга за мать-одиностьку.

— Ладно.

— Не ладно, а писы протокол, Семенка.

— На лешак тебя, дадим десятку.

— Мотри. Проверю. Контроль и усёт!

И пошла домой, уверенная, что будет по ее.

Но дома было нехорошо. Дома стало у нее пусто и скучно. Николай возвращался с фермы поздно, а поужинав, дотемна возился во дворе — справлял хозяйство, словно перед дальней дорогой или смертью: срубил новое крыльцо, наметал из стожков скирду, починил невода и ловушки. А спать ложился отдельно на полу.

— Коля, родимуска мой! Или разлюбил Ленку? — спросила она как-то ночью мужа, когда свет был погашен. — Не губи ты меня, помру, как есть.

Он лежал на раскинутом тулупе под одеялом, а она сидела на лавке, поджимая маленькие босые ноги. Голос ее звучал хрипло, сладко. Она знала силу своего голоса, силу зазывных жалобных слов. И, услышав, как он болезненно закричал в тишине избы, заговорила снова. Выбирая слова, чтоб было их мало, а весили они погрузней.

— Сок ты мой березовый, бруснига красенькая, помниси, как цувал топили в ту зиму, медвезатину строгали с тобой?.. Обязательство какое давал мне, помниси? Не покину, мол, никовда, наутила ты меня, зенсина, любовь любить! Куропаткой посто называл?

Было, было!.. И куропаткой белой называл, и медвезатину мороженую искристую вдвоем строгали... И при одном воспоминании о том, как жгли кедрач, и дым духовитый, голубой, смолистый слезил им глаза, а разведенный спирт белым чистым огнем пропекал нутро, Николай сел рывком на своей отдельной постели, обхватил костистые колени, прижался к ним лбом.

«Лена, — хотел он крикнуть, — спасибо, ягодка, за все!» — и не мог, и молчал, покачиваясь сидя. А она, не дождавшись ответа, нашарила в темноте его голову и запустила ему в вихры жадные нежные пальцы. Он уткнулся ей в колени и замер.

— Ленка, отпусти, — сказал он, — отпусти ты меня добром, пожалуйста, отпусти.

Она играла его волосами, вся недвижимая, помертвевая, и только шевелила пальцами, почесывая ему затылок, и слушала, как он твердил: «Отпусти, отпусти...».

Вдруг, оттолкнув его голову, она прошлепала босыми ступнями к своей высокой постели, взгромоздилась на нее и завизжала из глубины и жара перин:

— Слизяка налимья! Слова твои гнилью воняют, поганый музцина! И затихла. Будто задохлась в перине.

Николай прислушался, ждал, не заплачет ли Ленка, тогда и ему стало бы легче — не так жутко. Но было тихо в избе.

А наутро, едва Николай ушел на работу, Ленка засобиравшись в район. Нарядилась в плащ-болонью, покрылась платком с розами и, положив в сумку хлеба и рыбы, пошла потихонечку к озеру.

Ежедневно мимо их деревни пролетал самолет и, когда находились пассажиры, присаживался на озеро, как жук-плавунец. Река к концу

лета обмелела, а озеро Турун-лор, в семи километрах от деревни, среди брусничных и голубичных полей, лежало синим, хлябистым, глубоким и холодным водоемом.

— Ну погоди, узнаес меня, сайтан! — ругалась она, сидя в ожидании самолета на бережку, и, не глядя, собирала в горсть вокруг себя бруснику и зашлепывала с ладони в рот неспелые, скрипучие, горьковатые ягоды.

А себе она пожелала удачи хантыйским охотничьим присловьем:

— Стястя тебе, Ленка! Быть тебе с глазами, с ушами!

IV

Секретарь райкома Максим Тарлин, ханты, закончивший Институт народов Севера, слушал горестную историю женщины, прилетевшей к нему за помощью из далекой деревни, и, рисуя на газете орнамент из птичьих следов и оленьих пантов, обдумывал, что ей такое сказать, чтоб было и понятно, и необидно. Лицо у него было нездоровое, невыспавшееся, волосы черные, жесткие, коротким ежиком торчащие надо лбом, а глаза — умные, усталые и резко раскосые.

Женщину эту он знал давно, видел ее на многих конференциях и слетах, слышал не раз ее выступления и теперь не знал, надо ли гордиться ею или сокрушаться над ее судьбой. Это была сильная, горячая душа, закостеневшая в тщеславном невежестве. Он чувствовал к ней жалостливую братскую любовь и сердился на ее глупость и унижение.

— Елена Дмитриевна, — сказал он ей, — ты примиришься! Что делать? Не будет он с тобой жить! Не могу я его заставить.

— Как не мозес? Как не мозес? Советская семья — ясейка обсества, забыл, однако? — закричала Хатанзеева, обеими руками вцепившись у горла в платок, и, будто он душил ее, яростно растаскивала в стороны его концы.

— Ячейка-то ячейка... Формулы ты заучила... Да ведь если полюбил он ее, что ж я могу?

— Ты все мозес, ты — партия! — с пламенной верой и тоской в черносланцевых глазах вскричала она.

— Послушай, Елена Дмитриевна, — начал было он, но она перебила его и, вскочив, маленькая, неистовая, сдернула платок с круглой, коротко, под мальчика, как все делегатки носили, стриженной головы:

— Не стану зыть без него! Умру! Если ты — партия — отказываеся, товда к кому мне идти? Поговори с ним, товарис Тарлин! Вызови в район, поговори. Поговори, слыс?

— Ладно, — вздохнул Тарлин, — пусть будет по-твоему, Елена Дмитриевна, поговорю. Но учти, ничего не обещаю. А поговорить — почему не поговорить с человеком? — И, выйдя к секретарше в «предбанник», велел радировать в колхоз, вызвать звероведа Чикина в Березово.

Ленка утихла и, часто дыша, вновь туго повязала платок. Она при-выкла к тому, что советская власть всегда и во всем неукоснительно идет ей навстречу, и обиду, что тут пришлось покричать, она отнюдь не отнесла на счет родной власти, а приписала политической слепоте и бюрократизму секретаря. Но, одержав победу, она тотчас заняла обыкновенную, излюбленную и достойную позицию государственного человека, знатной выдвигенки и, соблюдая приличия, великодушно перевела разговор:

— План рыбодобыси как, нисего? Не проваливаем пока?

— Да не очень, Елена Дмитриевна, — с облегчением откликнулся Тарлин. — Сказать по правде, в тоннаже неплохо идем, а по красной рыбе...

Но, взглянув на нее, махнул рукой.

— Что там рыба, ладно... Ты мне вот что скажи: не у тебя ли торговал Ленинградский музей сах какой-то необыкновенный?

— У меня, — гордо кивнула Ленка. — Да не отдала я... Вт умру, — угрожающе метнула она черный взгляд в секретаря райкома, — умру, товда уз по завестянию отпису сах музею.

— Да что ты, что ты, живи! — с добрым испугом сказал Тарлин. — Вон ты какая у нас бодрая женщина, носи на здоровье, радуйся! Обойдется Ленинград.

Щепко следя за секретарем, Ленка отметила про себя и испуг его, и ласковую нотку в голосе. Она покамест что колебалась, можно ли раскрыть перед ним главный свой козырь? А Тарлин закивал, заулыбался ей, словно ребенку:

— Ну, чего, чего? Выкладывай. Что в моих силах — все сделаю для тебя.

— Товарис Тарлин, — шепотом заговорила Ленка, приблизив к нему плоское, будто из мореного дерева выточенное, идолообразное лицо, —

если станет мой Николай упираться, ты пугни его... Безал он. От суда безал... На лесозаготовках работал и безал. Пугни его маленько!

Тарлин резко отпрянул. Усталые узкие глаза его вмиг засверкали тем же, что и у нее, черно-сланцевым блеском. И стал он похож на нее, как кровный брат.

— Да ты что? Что ты говоришь? А я-то тебя за родную держал! Не стыдно тебе? Не слышал я ничего! Не хочу! — и он в бешенстве стукнул по столу кулаком.

Ленка по-утиному спорхнула с места и на коротких ножках отковыляла к двери, а там закаменела. Она не понимала, в чем ее вина, только видела, что совершила непоправимую оплошность. И вдруг догадалась: ну, конечно же, дура старая, дура глупая, ведь ее святая обязанность была донести об этом еще три года назад!.. А она, Хатанзеева, укрывала преступника, да еще и вышла за него замуж! Кого предала Хатанзеева? Власть свою родную советскую ради паршивого пса с колючками в хвосте, ради гадкого налима, ради склизкой вонючей рыбины?!

— Ай-я-я! — завывала она в смятении. — Ай-я-я-я-я!

Тарлин уставился на нее и, поняв, наконец, причину ее страдания, вдохнул горько, усмехнулся, подошел к ней и обнял за плечи:

— Ладно, Елена Дмитриевна, брось переживать, все! — сказал он. — Поговорю я с ним, не дрожи, трясогузка, успокойся. Иди в гостиницу, отдыхай, вызовем тебя, когда надо. Иди!

V

Чуть свет она поднялась, поела рыбы с хлебом и отправилась к райкому. Села в сквере и стала ждать.

Она видела, как прошел на работу Тарлин, но не двинулась с места. До самолета еще было далеко, и она сидела, прикрыв веки, под нежарким солнцем и тихонько пела:

А я, зенсина, на скамье у райкома сизу,
Против острых ветров, как на стрелы, иду,
А мороз-то крепсает, азно — лызы трессят,
А от боли снега, как собаки, виззят...

Много часов просидела она в сквере, а погода за это время власть наигралась, набаловалась. Солнце сменялось тучами, ветер то дул, то затихал. Река Сосьва, видная с горы, то радостно блестела рассыпанной

денежной мелочью, то свирепела и тогда тускло чернела и серела волчьей шкурой. Мимо косо летели листья с деревьев. Песок завивался столбиками желтоватых безжизненных костров. Она ждала.

Наконец она увидела высокую фигуру Николая, который шел, подпрыгивая, с планшетом через плечо. Но она не шевельнулась. Сидела и пела с закрытыми глазами:

Нет у меня рузья, Николай,
И нет у меня ноза, Николай,
И лук мой затеряла я в тайге, Николай,
Но срезу тебя я песней, словом убью, Николай.

Выждав время, она медленно поднялась, отряхнула и аккуратно оправила плащ, и пошла, покачиваясь утицей, в райком.

В кабинете Тарлина села на диван, подтянулась поглубже, и кривые ножки в школьных полуботинках беззащитно повисли в воздухе, не доставая до пола.

— Что же, Елена Дмитриевна, поимел я беседу с твоим мужем, — сказал Тарлин, не глядя ей в глаза. — Поимел.

— Дал руководястее указание?

— Какое указание? Вот он говорит, что полюбил ту женщину. Такие дела.

— Ис ты, — сказала Хатанзеева. — Ис ты!

Скрючившись в три погибели и опустив белобрысую голову, Николай понуро молчал. Тогда Тарлин в нетерпении запостукивал карандашом по столу, и Николай вдруг ошерился:

— Надеешься, поможет тебе, Ленка, зло? Никому еще зло не помогало, Ленка! И тебе не поможет, ни боже мой. Ты вот жаловаться полетела в район, а я и сам вчера Густе говорю: «Все! Ухожу от Ленки. Съезжу в райком, так и скажу — все, мол!» Вот при товарище Тарлине заявляю — баста.

Оскаленное, звероватое лицо Николая было вместе с тем горестным и пристыженным.

Стыдно было и Тарлину. Даже естественного любопытства не проявлял он, не смотрел на супругов, а, пряча глаза, стучал по столу карандашиком. И стыд этот был, по-видимому, так тяжел для его гордости, что рот у него грубо, жестко растянулся, углы тугих темных губ завернулись книзу.

— Нехоросо, нехоросо, — с достоинством покачала головой Ленка. — Нехоросо, друг-товарис. Подумай-ка, сообрази баской своей, в сем при-сол ко мне-ка? Станы были у тебя? Рубаха была? Пидзак сыбко был? Три года пил-ел, теперь меняес совескую семью на девуску с мальсенкой? Я тебе позалела, я тебе пустила в избу, теперь бросаес, не нузна стала старая Ленка? Пес ты, пес! — она заплакала быстрыми мелкими слезами, которые потекли по ее плоским щекам без усилия и без задержки.

Плач этот был так горемычно тих, так обезоруживающе человекен, так не соотносился с глупыми нелепыми словами, что Николай тотчас со страхом в себе усомнился. Лицо его размякло и задрожало. Даже Тарлин перестал постукивать, положил карандаш, подпер рукой висок и задумался с видом ошеломленным и грустным.

— Ленка, — вдруг глухо сказал Николай. — Ленка, а может, станем втроем жить? — Не странно и просто прозвучал его странный вопрос. — Может, будешь за мать нам с Густей, а, Ленка?

— Ну, брат, ты, однако, сдурел! — воскликнул Тарлин, но, посмотрев на них, осекся.

Ленка с надеждой, неподвижно смотрела на Николая, а он с той же чистой надеждой неподвижно смотрел на нее.

Какая-то тяжкая, невидимая глазу работа свершалась сейчас в казенном кабинете, душевная работа, но Тарлину почему-то представилось: не то невод, полный рыбы, тащат эти двое, не то лодку против течения волокут бечевой.

VI

Проснулись молодые рано, повскакали и, будто их кто порснул хворстиной, разбежались по разным углам одеваться. Эдик кряхтел в люльке, выгибал спину, делал мостик, тараща младенчески-сизые выпуклые глаза.

— Коль, глянь, где она? — шепнула Августа.

— Сейчас, — сказал Николай и осторожно оттянул на проволоке занавеску.

В доме было пусто. Постель Ленки, высоко взбитая, сияла сугробом пикейного голубого одеяла, из-под которого свисал до полу снежно-крахмальный кружевной подзор.

— Ушла, — растерянно сказал Николай. — Нету-ка.

...Накануне вечером, когда они под осуждающими взглядами всей высыпавшей на улицу деревни перенесли в двух кузовах нехитрое хозяйство Августы, Ленка встретила их на пороге гостеприимной, медоточивой речью:

— Заходи, девуска, зиви, нисего не бойся. Дружба — мир. Мир — дружба. Я тебе — мать, ты мне — дось, однако. И как все совеские люди. Мальсенку, Эдика, воспитаем. Деньги есть, рыба есть.

Августа сконфуженно улыбнулась и с ходу взялась мыть весь дом — окна, стены, полы. И дотемна они с Николаем пилили во дворе дрова. Ленка сумерничала в доме, нянчила Эдика, пела ему песню:

Попалась мне рыбка — ерс,
Попался мальсенка Эдик.

Раз как-то заскочила со двора Августа, жадно напилась воды из берестяного ковшика, плавающего в ведре, вежливо спросила:

— Ну че, не уросит он тутотка?

— Молодес мальсенка, молсит, глаза лупит! — ответила Ленка растроганным голосом. — У самой ребят никовда не было, цузых сыбко люблю!

И Августа убежала. Допилили остатние дрова, сложили поленницу.

— Пора ужинать. Поди, заждалась она там, — угрюмо сказал Николай.

— Ой и старуха! Ну, старуха! Просто исключительный человек! — от души сказала Августа, но Николай промолчал, и она вся сжалась. — Коленька, че будет?

— Ты терпи, — ответил он. — Терпи и терпи, Густя дорогая. Всякое может быть, а ты уж терпи. Она ить тоже человек. Старая. К кому ей теперь притулиться?

Было уже к полуночи, когда они сошлись все вместе за столом. Августа и Николай, усталые, потные, взволнованные, чинно уселись рядом, как благодетельные дети.

— Сто з, выпить надо-ка, — сказала Ленка и пристукнула-припечатала по столешнице загодя припасенной бутылкой.

— Выпьем, Лена, — ответил Николай тихим голосом, — выпьем за все доброе — за тебя да вот за нас с Густей... Сейчас принесу муксуна малосолого.

Они выпили, поели рыбы с хлебом, смотреть друг на дружку избежали. Но однажды взгляды двух женщин все-таки скрестились на Николае и впились в него смертно, единым неотрывным клещом.

Августа, строптиво-безропотно опустив глаза долгу, убрала со стола рыбы ошметки, смела крошки и чешую. А Ленка, преисполненная спесивым смирением, вершила, следя за нею, свою отныне вечную казнь.

Затем молчаливо погасили свет и разошлись.

За занавеской, в сторожкой, тягостной тишине избы молодые нежно припали друг к другу и то вовсе забывались, выпрастываясь из этого мира, то дремотно возвращались в него, ласкаясь и шепча о горькой, свободно избранной ими судьбе, принимая ее и покоряясь ей ради высшей справедливости, как они оба ее понимали...

И вот наутро оказалось, что Ленки дома нет.

— Подожди! — угрюмо бросил Николай и побежал со двора.

Почему сами ноги понесли его к сельсовету, он и сам не знал. Но бежал к сельсовету, никуда не сворачивая и не оглядываясь. Ведь сельсовет — прибежище Хатанзеевой, ее большой, ее главный дом!

И точно — еще через окошко он увидел ее в пустом помещении, за столом председателя. Николай тихонько открыл дверь и остановился на пороге. Ленка не замечала его и вслух перечитывала написанное: «Товарис секретарь партийного окружкома, с коммунистическим приветом к вам знатная зенсина Хатанзеева Березовского района. Обращаюсь просьбой великой. Политический бюрократ Тарлин Максимка обидел меня, вредно беседовал с музеем насым Николаем. Он, проклятусый налим, зенился на девуске с мальсенкой, привел в дом. А сам-то Николай безал, дезертир, с мобилизации. В тюрьму его надо, однако, пусть гниет! А совескую семью обизать морально нехоросо. А мальсенку Эдика просу, товарис секретарь партийного окружкома, оставить мне. Я воспитаю сесно, гразданином Союза — рыба есть, деньги есть. Материальное положение. А проклятусую одиноску просу проверить, кто она, откуда приехала. Простите великодушно, остаюсь с приветом, Хатанзеева Елена Дмитриевна. Сообсяю естё, сто субу свою, сах пызыковый, дарю музею бесплатно или дёсево. Все!».

Николай ринулся к ней и вырвал исписанный страшными огромными каракулями лист бумаги.

Пока Николай, схватив донос, перечитывал его, Ленка бегала вокруг него, увертывающегося от ее рук, и кричала:

— Вор-бандит-враг народа-сайтан-собака! Отдай залобу мою, отдай!

Но он, прочитав, засунул бумагу за пазуху и с сожалением ударил Ленку по лицу, плашмя, всей своей тяжелой ладонью. Она замолчала, даже как будто обрадовалась: раз бьет, значит, нужна, значит, любит... А он стоял, покачиваясь от страдания. Потом он взял ее за руку и повел через всю деревню домой. Она не упиралась, а, наоборот, старалась поспевать за его широким шагом. Поглядывая на него снизу вверх, она будто гордилась перед людьми.

Дома Ленка свысока глянула на Августу, подошла к люльке, села рядом на лавку и стала укачивать Эдика. Долго сидела она так над ребенком, загадочная, сумрачная, вся в себе, потом запела:

А голова твоя, Эдик, ковсык для тистой воды,
А глазки, Эдик, голубика лесная,
А руки — весла калданки моей...

Инна Варламова

Круг чтения

Частный краеведческий журнал:

опыт жизни длиной в десять лет

«Лукич» — единственный частный краеведческий журнал Тюменского региона. То, что он просуществовал более пяти лет и возобновлен в 2008 г., можно назвать экстраординарной историей: трудно даже вообразить, какие усилия были приложены его редактором и учредителем Юрием Лукичом Мандрикой во имя издания тиражом от 999 до 200 экземпляров, осевшего преимущественно в частных собраниях. Насколько я знаю, стабильной административной поддержки у журнала не было никогда, но все же ведущие научные библиотеки Тюмени владеют полной подшивкой. Краеведческий отдел ЦГБ подготовил «Указатель содержания» журнала (составитель — Е.А. Сушая), выпущенный все тем же Ю.Л. Мандрикой.

Журнал полностью оправдывает определение «частного»: он всегда отличался ярко выраженной позицией издателя. Но, естественно, на разных стадиях «роста» личностная стратегия приобретала различные формы. Первая книга (июнь, 1998) напоминает о сугубо «частном» характере издания графической игрой в заглавии: отчество издателя «ЛукиЧ» расшифровано: Литературные Университеты. Краеведение. Часть...». Тем самым уже был задан особенный, амбивалентно-игровой тон. Авторы же могли выбрать приличный случаю вариант библиографической ссылки. Последний (27) номер (декабрь, 2003) вариантов не содержал: заглавие «Лукич» за пять лет стало собственным именем журнала, почти освободившись от двусмысленных коннотаций, то есть уже отделившись от имени (отчества) «учредителя», «главного редактора» и «издателя».

Это не значит, что с течением времени направление издания оказалось более размытым, чем в начале. Напротив, состав рубрик высвечивает путь, уводящий от широты интересов авторов в глубину деятель-

ности издателя. Из журнала постепенно «вымывается» современная литература Тюмени. В разные годы «Лукич» опубликовал прозу и стихи К. Михайлова, С. Буровой, Е. Ганопольской, А. Марковой, С. Рычковой, А. Захарова и др., немногих писателей, не связанных иной общностью, кроме журнала. «Лукич» отказался от конкуренции с художественными альманахами («Врата Сибири», «Эринтур» и др.), ориентированными на современный литературный процесс Тюменской области. В номерах 2003 г. возобладал «текст-раритет», а единственный «современный» материал «Последнего Лукича» — воспоминания Ю. Переплеткина — был посвящен все тем же «раритетам». История края отодвинула на второй план современность, что оказалось вполне логичным для краеведческого издания, страницы которого заполнили факты: газетные материалы столетней давности, «архивная пыль», коллекции, первые публикации забытых рукописей, перепубликации редких книг и статей. Информационная ценность последних номеров «Лукича» несопоставимо более высока в сравнении с первыми: поднять такой массив фактов под силу разве специализированному научному изданию. Но тон журнала по-прежнему (и, может, в большей степени) противостоял принципиальной обезличенности научного стиля: названия рубрик «Портрет злодея», «Обзывалка» соответствуют, скорее, классической литературной «болтовне», чем «строгой науке».

Тем самым «частный» и «краеведческий» журнал столкнул оба эпитета: как краеведческое издание, он ценен своим редким фактическим материалом; как издание частное, он имеет ценность артефакта — сюжета, рассказанного автором журнала. Как соотносятся друг с другом эти области?

Во-первых, по принципу дополнительности: многие темы журнала были положены в основу значительных издательских проектов. Таковы, например, публикации Владимира Яковлевича Темплинга, посвященные деятельности сибирского фольклориста и этнографа П.А. Городцова («Были и небылицы Тавдинского края»); серия публикаций Сергея Николаевича Кубочкина о жизни Тюмени конца XIX — начала XX вв. (книга «Тычковка. Сарай. Потаскуй»); статьи Юрия Лукича Мандрики по истории сибирской журналистики (3-томник «Тобольские губернские ведомости», 5-томник «Сибирский листок») и др. За десять лет издано столько материалов по западносибирской культуре

(религии, литературе, истории, журналистике), сколько не выходило за предыдущее столетие.

Во-вторых, по принципу построения архаических текстов, основанных, по словам Ю.М. Лотмана, на «монолингвистичности — воссоздании мира через предметы самого этого мира, как бы его собственным языком». Журнал преобразует «краеведческие» факты в язык для оформления истории «частного» издания. В этом случае все научные публикации являются средством для выражения краеведческой концепции издателя: культурная жизнь региона держится на литературном «скандале». Отсюда последовательный отбор заведомо «неудобных» авторов, причем именно их «неофициальность» выдвигается на первый план в фотографиях, определении сферы занятий, в контрасте официальных биографических справок и «неофициальных» характеристик. Например: «графоман — пишущий человек» как определение работы «краеведа». Или: Александр Сергеевич Кухтерин — «известный тюменский художник, керамист», так и не принятый (или не вступивший) в Союз художников. Отсюда же — опыт создания репутаций для «альтернативных» писателей и в свою очередь выдвижение литературы Тобольской губернии как альтернативы для современной тюменской литературы с ее полярностью официальной — неофициальной словесности. Столь же последовательно журнал подрывал репутации серьезных (официальных) исследователей-краеведов. Наконец, «Лукич» был направлен на заведомое разрушение границы между научным и популярным текстом, профессионально художественным и любительским.

В-третьих, факты, о которых рассказано, и сам факт рассказывания о них в журнале (зачем? кому?) меняются местами, вовлекаются в карнавальную игру: работа современного краеведа зеркально отражается в журнальных полемиках и политике прессы прошлого столетия, автор текста становится героем журнального метатекста (текста о тексте краеведческого издания). Мысль о карнавальной природе «Лукича» была высказана во время презентации первого номера журнала «Лук&чок», который стал естественным продолжением издания 1998–2003 гг. Здесь уже вполне определилась смеховая стратегия повествования о серьезных вещах: «чистописание» (современная проза), «лакуны классики» (исследования текстов малоизвестных произведений писателей XIX в., чьи биографии связаны с Тобольской губернией), «паноптикум» (ис-

тория края), «интеллектуальный стеб»... «аХЕРтектура» — либо, напротив, серьезный заголовок предваряет иронический материал: «энциклопедия» (Чудеса и тайны Тобольска). Иронически переосмыслена и сама форма периодического издания: «Периодичность — по мере накопления материала».

Стратегия карнавального совмещения серьезного краеведческого исследования и фривольности журнальных рубрик решает сразу несколько задач. Она указывает на традицию, которую продолжает «Лук- & чок», это традиция советского «самиздата» с его культом независимости. Для краеведческого журнала она означает «формулу свободного издания», которое не примыкает ни к «официальной» литературе, ни к «альтернативной культуре» Тюмени. Кроме того, карнавальность втягивает всех участников издания в исторически непрерывную жизнь края, лишает их позиции наблюдателя и безучастного исследователя, превращает в субъект актуального диалога.

Наталья Рогачева

Круг чтения

О газетных строчках и их авторах

Вышла в свет подготовленная окружной библиотекой книга «Авторы публикаций об Югре в западносибирской и уральской периодике. 1857–1960 гг.: материалы к биографическому словарю». Она завершает единый информационный комплекс из трех книг: библиографических указателей «Обь-Иртышский Севере в западносибирской и уральской периодике: 1857–1944 гг.» (Тюмень, 2000) и «Обь-Иртышский Севера в западносибирской периодике. 1945–1960 гг.» (Екатеринбург, 2007) и только что изданных материалов к словарю. Вместе они составляют подобный путеводитель по местной прессе, облегчающий пользование ею для всех интересующихся историей края.

Надо заметить, что параллельно библиотека вела очень важную работу восполнения огромного пробела в своем фонде периодических изданий. Были приобретены копии отсутствовавших комплектов районных и окружной газет за разные годы, так что ханты-мансийский читатель получает не только путеводитель, но и очень важную часть самой недостававшей в округе периодики. И эти возможности в перспективе будут расширяться.

Мысль о нужности биографического словаря пришла составителям не сразу, а только при окончании работы над первым указателем, когда стало видно, что среди сотен имен авторов лишь немногие что-то говорят современнику. Но ведь любой исследователь, заинтересовавшись текстом, что-то захочет узнать и об авторе. Значит, нужно попытаться хоть частично ответить на его запрос.

В книге представлены около 700 общественных корреспондентов и журналистов-профессионалов. Русский алфавит поставил в один ряд как дореволюционных деятелей, составлявших образованную часть российского общества, так и авторов советских политических газет — гораздо более пестрое сообщество со значительным представительством

рабочих и крестьян, цементируемое членами коммунистической партии, т.к. издания этого периода воплощают в себе принцип партийности печати и представление о газете как о коллективном пропагандисте, агитаторе и организаторе. Среди персонажей словаря — как ничем особо не выдающиеся, но имевшие интерес к сотрудничеству с прессой люди, так и незаурядные, чья деятельность до сих пор приносит свои плоды. Скупые строки биографий как тех, так и других, суммируясь, выявляют характерные черты разных отрезков столетнего периода местной истории, в особенности советских десятилетий, и могут послужить материалом для исторического, социологического или какого-либо другого исследования. О некоторых видных деятелях, сотрудничавших с редакциями, не удалось собрать достаточных сведений. Быть может, о них расскажут будущие исследователи.

Составлением всех трех книг занимались библиограф Т.В. Пуртова, заведующая отделом краеведческой литературы и библиографии окружной библиотеки, и журналист В.К. Белобородов. Большую помощь в сборе материалов оказали сотрудники архивов, библиотек, музеев, общественные организации и многие частные лица, к которым составители обращались при встречах, по телефону либо с письмами. Всем им — глубокая признательность.

Эпистолярный

Сибирь и Коктебель

*...Пойми простой урок моей земли:
Как Греция и Генуя прошли,
Так минет все — Европа и Россия.
Гражданских смут горячая стихия
Развеется. Расставит новый век
В житейских заводах иные мрежи...
Ветшают дни, проходит человек,
Но небо и земля — извечно те же.*

М.А. Волошин, 1926

О Максимилиане Александровиче Волошине [16(28).05.1877–11.08.1932], этом чрезвычайно ярком, исключительно одаренном, крайне своеобразном, совершенно самобытном человеке, писали А.В. Амфитеатров, А.А. Бенуа, И.А. Бунин, В.В. Вересаев, М.С. Волошина, А.П. Гроссман, В.А. Каверин, В.П. Купченко, В.Г. Лидин, А.Н. Толстой, А.И. и М.И. Цветаевы, Н.К. Чуковский, И.Г. Эренбург и многие десятки других его современников. Широко известны стихи поэта, мало кто видел картины, этюды, акварельные пейзажи художника и только немногие специалисты знают его как мыслителя и естествоиспытателя.

Приславший настоящую работу Игорь Ростиславович Ильин родился в селе Пушкино Московской области в 1924 году. Участник Великой Отечественной войны, кандидат сельскохозяйственных наук. Работает редактором научных изданий Приднестровского НИИ сельского хозяйства. Член Международного сообщества писательских союзов (преемника Союза писателей СССР), Союза писателей, Союза журналистов и Правления Литфонда писателей Приднестровья, заместитель председателя Тираспольского отделения Союза писателей России, лауреат литературного конкурса, посвященного 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Автор семи книг, многих статей, стихотворений и других публикаций (Москва, Ленинград и другие города СССР, США, Англия и Польша).

Современная оценка творчества М.А. Волошина поэтами и художниками, насколько мне известно, очень высока и практически однозначна. На своих акварелях он изображал природу. Как же оценивали их естествоиспытатели, изучавшие природу профессионально?

«Волошин служил проводником научной экспедиции знаменитого геолога Ф.Ю. Левинсона-Лессинга, изучавшего ущелья и обрывы горной системы Карадаг. Его акварели, выставленные во всех художественных музеях юга, приложены как неопределимые образцы геологического пейзажа к ученым трудам советских геологов» (В.А. Рождественский, 1974).

Э. Миндлин (1979) рассказывает, как геологи, работавшие в районе Коктебеля, пришли к выводу, что акварельные пейзажи Волошина характеризуют геологическое строение района точнее, чем фотографии, и заказали ему серию акварелей. Ни одна из них не изображала какой-нибудь определенный участок, но каждая с необычайной поэтической точностью характеризовала не только пейзаж в целом, но и строение почвы. Волошин гордился заказом геологов, подтвердившим его веру в искусство как самую точную и верную меру вещей.

«Он был человеком огромных знаний, впоследствии по его указаниям производились не только археологические раскопки, но и горные разработки» (И. Березарк, 1982).

«Приходится удивляться глубине его художественных и научных предвидений, умению предвосхищать будущее... Исследователи лунной поверхности цитируют Волошина и удивленно говорят о том, как тонко передал поэт восприятие как бы приближенного к нам спутника Земли...» (Л. Озеров, 1990).

Философ, математик и религиозный деятель П.А. Флоренский очень емко назвал живопись М.А. Волошина метагеологией.

Значение поэзии и живописи М.А. Волошина для развития геологии, геоморфологии и других наук о Земле очень отчетливо видно из приведенных ниже писем выдающегося ученого — почвовед, геолога, геоморфолога и географа Ростислава Сергеевича Ильина.

Коротко об адресанте этих писем. Р.С. Ильин [16(28).04.1891–10–11.09.1937], выпускник Московского университета, известен специалистам своими исследованиями рельефа, геологии, поверхностных пород и почв Калужской губернии и Западной Сибири, происхождения

лессов¹, современного смещения зон и других проблем землеведения. Он первый дал научно обоснованный прогноз нефтеносности Западно-Сибирской равнины. «Карта нефтяных месторождений Евразии должна быть перестроена: это только вопрос времени» (Р.С. Ильин, 1936).

Насколько мне известно, первая публикация о знакомстве М.А. Волошина с Р.С. Ильиным принадлежит доценту Томского университета Р. Колесниковой. Это большая статья «Через годы, через расстоянья. История одной находки» в томской газете «Красное знамя» от 8 и 9 апреля 1976 года. Автор пишет о Волошине, что «умом исследователя... чутьем художника он ощутил в Коктебеле и воспроизвел в красках не просто крымский пейзаж, а как бы часть лика нашей планеты, указывающую на ее связь с космосом, с процессами образования земной коры, с первыми шагами человеческого рода и с последующими наслоениями древних цивилизаций».

Первыми ценителями своих акварелей Волошин считал геологов и планеристов. Вдова художника Мария Степановна рассказала Колесниковой о томских друзьях мужа — геологах, которые присылали ему книги и посылки с продуктами, но их фамилий она не знала. Четырехлетний поиск Колесниковой увенчался успехом, она узнала имена друзей Волошина — геолога Р.С. Ильина и искусствоведа, литературоведа, историка театра, автора многих книг по истории живописи и театра, профессора С.Н. Дурылина, выпускника археологического института, занимавшегося в молодости археологией.

Вера Валентиновна Ильина [26.06.(8.07).1899–27.03.1987], вдова Ростислава Сергеевича, написала в своих частично опубликованных мемуарах (1980), что письма М.А. Волошина были изъяты при последнем обыске и аресте мужа вместе с письмами академика В.И. Вернадского и других ученых. В Томском и Центральном архивах КГБ я их не нашел.

Скорее всего, Р.И. Ильин не получил ни одного письма М.А. Волошина. Трудно представить себе, что ученый ни разу не поблагодарил бы поэта за его письмо, не сослался на него в следующем своем письме. Если Волошин и писал Ильину, то до адресата его письма, вероятно, не доходили. Акварель, за которую Ростислав Сергеевич благодарит Мак-

¹ Лесс — пористая, тонкозернистая, рыхлая суглинисто-пылеватая горная порода четвертичного возраста, служит материнской породой для некоторых почв. — (Все примечания принадлежат автору. — *Ред.*)

симилиана Александровича в письме от 21.05.30, по-видимому, он вложил в конверт с письмом С.Н. Дурылину.

Письма Р.С. Ильина, о которых идет речь, М.А. Волошин получил. Частично они опубликованы в моей книге «Сквозь тернии» (Кишинев, 1990), в книге Веры Ильиной и Сергея Заплавного «Неистовый Ростислав» (Томск, 1996), в статьях С. Заплавного, увидевших свет под рубрикой «Страницы будущей книги» в газете «Народная трибуна» (Томск, 22.02.1994), в литературно-художественном альманахе «Сибирские Афины» [1995, № 2 (4)] и в тезисах моего доклада «М.А. Волошин и Р.С. Ильин на научной конференции «Проблемы истории, социологии и философии почвоведения» (Организация почвенных систем. Методология и история почвоведения. Т. 2. Пущино, 2007. С. 381–384). Полностью они публикуются впервые.

Томск, 199/V-29

Многоуважаемый Максимилиан Александрович!

Сегодня я был у Сергея Николаевича¹. Он при мне получил Ваше письмо со стихотворением о Владимирской Богоматери. Сергей Николаевич сказал мне, что для Вас не будет ненужным мое письмо.

Что я нахожу в Вашем творчестве? Несколько слов о себе. Среди многих моих квалификаций есть одна основная, — руководящая, — служение Земле; я пахал Ее с малых лет, учился Ее понимать и любить в школах и в жизни, служил Ей всеми путями. Моя современная, анкетная, квалификация — почвовед, научный работник. С начала драмы Ее и Ее детей, с Мировой войны, я не укладываюсь в рамки современности и неоднократно разлучался с Ней, будучи в тюрьмах. Там меня лишали конкретной близости с Ней, и я писал о Ней свои работы; наблюдать оттуда можно было только небо с его закатами, картинами которых Вы меня всегда поражали (моя одиночка имела окно на запад).

С исследовательской работой я впервые стал лицом к лицу с 21-го года жизни. Меня с юности всегда поражали те разрывы, которые существуют между нашими науками. Но если эти разрывы и антиномии в области духа будут вечно, и «Через тысячу лет мы не сможем измерить души»², то разры-

¹ Дурылина.

² Блок А.А. Есть игра: осторожно войти... 1913.

вы в естествознании должны быть устранены. Где основная закономерность, создающая пластику форм Земли, ее равнин?

Недавно создавшаяся геоморфология — это еще не наука, а только младенческие сны; она требует синтеза ряда естественных наук, в наше время, — время специализации, время углубления наук самих в себе¹. Для меня же Земля всегда была едина; высшим методом восприятия я считаю эстетическое, это мой научный метод. В бессонные тюремные ночи я понял то, что на самом деле так просто, как и закон мирового тяготения, и вместе с тем так сокровенно. Моя тема велика, написать ее в моих условиях не просто, не знаю, удастся ли разработать. У меня многое собрано, я думал скоро, быть может, закончить, но меня опять шлют на север, — я опять недавно отказался от трафаретных рамок, в которые ставят граждан нашего времени. Я послал основные положения в печать; они так просты, что за них схватятся все живые люди и сумеют их разработать. А авторское право, — это не так важно, в этом я не согласен с Сергеем Николаевичем.

Ваши рисунки, как ничьи иные, правдиво передают формы Земли. То же я вижу и в Ваших стихах. Кроме того, Вы понимаете и чувствуете Русскую Землю. Ваши рисунки просятся в учебники.

Последние годы я изучаю северные сибирские таежные земли; я до последних дней служил, мое официальное занятие — «изыскание колониционных фондов». Вы знаете, что такое колонизация в истории России. Пионеры колонизации те же, что 200 лет назад, — старообрядцы. Впереди идет секта «непишущих»; они отказываются называть свои имена (нет поэтому ни у кого над этим человеком власти!), за ними другие секты. В тайге чистый русский тип, стиль, язык, письменность, иконы. Их отцы и деды две сотни лет с религиозным пафосом ищут такую землю, которую не оскверняет железо.

Обь — единственная в своем роде река. Меня срочно высылают туда, в Нарымский край; я там буду изучать ее широкую долину и берега.

Мой адрес: Колпашево, Томского округа, Р.С. Ильину.

Ростислав Ильин

¹ Возможно, это описка автора, и должно быть написано «самих в себя».

Глубокоуважаемый Максимилиан Александрович!

Вчера я был у Сергея Николаевича, и он при мне получил от Вас письмо с акварелями; мы очень радовались Вашему выздоровлению. У Сергея Николаевича последнее время неладно с сердцем, а сегодня он вовсе слег, — все время сильные припадки. Но Ирина Алексеевна¹ не падает духом; вообще надо думать, что ничего особо опасного нет.

Недавно Сергей Николаевич снова перечитывал мне Ваши последние произведения, доставляющие мне так много удовлетворения и удовольствия. Каждая из Ваших новых вещей является глубоко национальной.

Пишу вам, во-первых, по совету Сергея Николаевича, а затем потому, что я, как естествоиспытатель, много обязан Вам и другим русским поэтам, постигавшим Хаос и Космос. Без русской поэзии я не установил бы своего научного открытия (очень неверное слово, ибо это было известно давно, в частности античному миру) — эпигенологический принцип природы. Вы поймете его из филологического анализа этого слова, а по-русски пришлось бы исписать страницу. Укажу только, что эпигенологический принцип природы через изучение каждой почвенной ямы (надреза эпидермы Земли) сводит в единую систему построения ряда наук о Земле и ее жизни — геологии, геоморфологии, геоботаники, климатологии, геохимии, геобиологии и т.д.

Исследование на эту тему почти 8 месяцев тому назад было отправлено мной в Академию наук СССР; боюсь, что придется сделать вывод о боязни новых мыслей в этом учреждении, — ответа еще не имею я оттуда. Если же эта книга увидит свет, то я иногда думаю, что, быть может, она кое в чем помогла бы разобраться в Природе и Вам, так чутко ее воспринимающему.

Всегда благодарный Вам
Томск, 10 марта 1930 г.

Ростислав Ильин

Томск, 19 21/V-30

Дорогой Максимилиан Александрович!

Прежде всего, благодарю Вас за акварель — я так люблю Ваше творчество; мне близки Ваши темы.

¹ Верная спутница С.Н. Дурылина.

Сергей Николаевич прочел мне Ваше письмо с вопросами. Теории геона мне неизвестны; у В.И. Вернадского я учился; его построения касаются геохимии, я же занимаюсь той областью, где перекрещиваются нити геологии, геоморфологии, геохимии, геофизики, геоботаники, геобиологии и т.д. — почвой.

Почва — педосфера — есть та часть литосферы, которая находится под воздействием атмосферы и биосферы, гидросферы¹. Почва представляет собой сердцевину ландшафта, внутреннее и внешнее единство которого Вы так ощущаете. Русское почвоведение пришло к установлению понятия эпигемы, ибо от широких масштабов географического подхода надо было уточнять и углублять методы. Эпигемой называется внутренняя динамическая сущность ландшафта, выявляемая во вне его слагаемыми (научное определение заняло бы целую страницу). В центре эпигемы стоит почва; она ее не увенчивает, — это не синтез, а символ, ибо в пространственно малом почвенном размере² отражены бесконечно большие величины. Ведущим началом в эпигемах является Солнце, неравномерно в пространстве и во времени расточающее свои дары. Раскроем формулу. Неравномерно в пространстве — отсюда ландшафтные зоны земного шара. Неравномерно во времени — отсюда динамичность этих зон, их смещение; мы живем в предледниковую эпоху. Все это могло бы показаться далеким от жизни, если бы наш объект был бы не так реален, как он есть на самом деле. Реальнее нашего символа — Земли — трудно себе что-либо представить; исходя из *a realius ad realiora*³, можно развернуть цепи эпигем в пространстве и во времени. Эти две абсолютные категории, — пространство и время, — лежат в основе мироздания и сводятся в нем к единству. Их взаимные отношения выявлены в формах земной поверхности. Поясню. История материков сводится к истории размывающих их рек; от их древних уровней остались высокие террасы, их же можно наблюдать по берегам морей (также и около Вас), ибо материки и днища морей волнуются под меняющейся нагрузкой. Реки разгрузили Русскую равнину, — она поднимается. Дно Черного моря оседает под тяжестью осадков, увлекая свои берега и сотрясая их. Преобладающей тенденцией наших дней явля-

¹ Вероятно, автор имел в виду «...под воздействием биосферы (атмосферы и гидросферы)».

² Возможно, это описка, следует читать «почвенном разрезе».

³ От реального к реальнейшим.

ется поднятие материков, которое наряду с основным источником тепла — Солнцем — влечет нас к увеличению относительной влажности воздуха, к сжиманию пустынь, к оледенениям. В наше время органического развития жизни развивается почвообразование *in situ*¹; формула Ломоносова — «чернозем от согнания животных и растущих тел произошел со временем» — полна глубочайшего натурфилософского содержания. Земля еси и в землю отыдеши. Если оледенение будет очень сильным, то Жизнь будет стеснена в убежищах, где Солнце будет ее испытывать в сильно ионизированном воздухе, нарушая равновесие в живой ткани (муху дрозophilу поместили в условия искусственно ионизированного воздуха, и она давала мутации параллельно с усилением ионизации). Солнце внедряет в природные тела (явление загара общо и камням, и живой ткани) азот (безжизненный), на $\frac{3}{4}$ наполняющий атмосферу, входящий в циан и в белковое ядро, в яд жизни и в ее основу. Явление загара возрастает и на горах у вечных льдов, и в пустынях. Когда Солнце растопит льды, которые вместе с тем сами себя погубят, ибо продавят под собой ложе и опустят горы, то в условиях погружающихся материков будет понижаться относительная влажность и возрастать абсолютная. Солнце будет опалять растительность, усилит грозовую деятельность, бурные ливни взрежут оврагами тело Земли, а делювиальные (смывающие) процессы переотложат поверхностные породы вместе с совершившими свой круг развития почвами. Отложатся новые породы, *в конечном счете лессы*; и когда начнется снова почвообразование *in situ*, то новая жизнь получит новую основу, *tabula rasa*² для своей летописи. А эту летопись я читаю в почвенных разрезах, — ямах.

Посылаю Вам две свои книги. Сибирскую не читайте, а в «Почвах Калужской губернии»³ прочитайте первую главу второй статьи и взгляните в таблицу «Схема основных закономерностей», отражающую законы мироздания, которое идет от Хаоса к Космосу через многократные повторения больших и малых циклов того же порядка. Каждая строчка схемы, микрозона — эпигема. Они расположены по высотам, — по рельефу, то есть по возрасту. Схема основных закономерностей — это конкретный отрезок цепи эпигем, отражающих в пространстве работу Солнца во времени. А развернутая в пространстве и во времени цепь эпигем бесконечна; зна-

¹ На месте.

² Чистая доска.

³ Эта книга написана в тюрьме, предисловие — в ссылке.

ние ее закономерностей открывает необычайные горизонты, ибо мы стоим в педосфере, которая хранит в себе следы былых жизней, живет сама, является источником Жизни и дает место для Жизни другим.

Эпигенологическим принципом Природы называется закон, сводящий во всех масштабах, — от всего мира до небольшого междуречья, — ее горизонтальные и вертикальные зоны к одной точке, — к водоприемнику — и знаменующий единство взаимообусловленных факторов почвообразования, ведомых Солнцем. Этот закон открывает широкую возможность применения метода экстраполяции при изучении Природы — по одной точке можно судить о целом. Древние колдуны это знали и колдовали у воды.

Закон распределения климатических факторов и ландшафтов в горных странах повторяется и на равнинах в столь малых масштабах потому, что Земля каждый раз для нового зарождения обновляющих Природу процессов, создающих в конечном счете лесс, стремится возратить свой уровень к уровню Океана, ибо когда в глубине отдаленнейших времен Земля и Океан имели один уровень, тогда в условиях еще не осолоненного мелководья появилась Жизнь, — из Хаоса родился Космос. Создающие лесс процессы зарождаются не только при приближении к так называемой абсолютной нулевой точке, к уровню Океана, — но и при приближении к относительной нулевой точке поверхности каждого отдельного участка страны; реки стремятся привести все относительные нулевые точки к уровню Океана; но и его уровень колеблется во времени. Так выявляется закон, который теперь стал известен даже толпе под названием принципа относительности А. Эйнштейна.

Желаю Вам сил, бодрости и здоровья.

Ростислав.

Глубокоуважаемый Максимилиан Александрович!

По Вашим литературным произведениям и со слов Сергея Николаевича Д.¹ мне известно, что Вас волнуют сокровенные загадки естествознания. Я никогда не думал, что мне будет дано их раскрыть, и что действительно прав Ф.И. Тютчев в своем четверостишии:

*Природа — сфинкс. И тем она верней
Своим искусом губит человека,*

¹ Дурылина.

*Что, может статься, никакой от века
Загадки нет и не было у ней.*

Меня не покидают трепет и волнение, связанные с ответственностью изложения этих тем. — я страдаю пороком косноязычия как в своей звуковой речи, так и в своих писаниях. Ведь сопоставление геологических фактов привело к созданию целостного учения о геологических циклах, об их диалектических законах, прозревавших не только античными философами (но не наивным идеалистом Гегелем и его чуждыми естествознанию интерпретаторами), но и в древнем эпосе, вплоть до сказания о Яриле и матери Земле. С.Н.¹ меня всегда отговаривал от введения в научные исследования стихотворных эпитафий, и я чувствую себя неправым перед читателями, что не указал в числе своих источников Вл. Соловьева и не привел его стихотворение «Земля Владычица». Факты послетретичного времени указали неоспоримое решение вопроса о происхождении жизни и ее мутациях (это явления одного порядка, разница между которыми растет по мере роста создаваемого жизнью из выделяемого ею кислорода озонового экрана), о филогении рода *Anthropoidea*. Выявилось, что если во время критических моментов для жизни — оледенений и жарких фаз — низшие существа ищут убежищ жизни по линии наименьшего сопротивления, то высшие — по линии наибольшего («В путь узкий ходящий»). Отсюда — этика побеждающего человека, развивающегося по закону тождества противоположностей с преодолеваемой им природой. Новый завет, по сравнению со Старым, указывает человечеству высшие, непревзойденные методы борьбы за существование, долженствующие избранных людей голоценовой эпохи перевести в следующую геологическую эпоху, то есть дать им вечность. И самое главное — все мироздание, начиная от своих крупнейших стяжений материи и кончая атомами, материя неорганизованная и организованная, создано по единому закону Любви, растящей и нудящей природу.

Если адрес Ваш прежний, то со следующим письмом пришлю Вам одну из своих рукописей. Шлю лучшие пожелания.

Ростислав Ильин.

Томск, Сибирская, 46, кв. 2.

¹ Дурьлин.

Оригиналы трех первых писем хранятся в Институте русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук, фонд 562 (архив М.А. Волошина). Ксерокопии этих писем прислала мне из рукописного отдела ученый секретарь Г.Г. Полякова (письмо от 17.12.1979). При их перепечатке я исправил несколько описок автора и знаков препинания, учел изменение орфографии (вместо ея, с нею, собою, бесконечна, что либо напечатано ее, с ней, собой, бесконечна, что-либо). Копии этих писем я отправил В.П. Купченко в Дом-музей М.А. Волошина. Копию последнего, недатированного письма Р.С. Ильина я получил от В.П. Купченко 31.03.1981 г. Оно написано между мартом 1931 года (переезд семьи на Мухинскую улицу, ставшую впоследствии Сибирской) и февралем 1933 года (переезд семьи в Минусинск). М.А. Волошин умер 11 августа 1932 года, но Р.С. Ильин тогда мог этого не знать. С.И. Субботин датирует это письмо декабрем 1931 – весной 1932 года. Вероятно, это четвертое и последнее письмо Р.С. Ильина М.А. Волошину.

В письмах Р.С. Ильина очень четко изложена его позиция о необходимости взаимосвязи, синтеза наук, о значении эстетического восприятия как метода научного познания, о роли поэзии в изучении природы, в творчестве исследователя.

М.А. Волошин был в первую очередь поэтом и художником, Р.С. Ильин – ученым, натуралистом широкого профиля, но оба они глубоко чувствовали свою неразрывную связь с природой, с поверхностью планеты Земля – нашей общей колыбели.

В приведенном ниже стихотворении «У Волошина» я очень кратко описал свои впечатления о Доме поэта в Коктебеле, о XI Крымских международных Волошинских чтениях (Коктебель, 2001), на которых был заслушан мой доклад «М.А. Волошин и Р.С. Ильин», К сожалению, насколько мне известно, материалы этих чтений не удалось опубликовать.

В своем заключительном слове руководитель чтений профессор Таврического национального университета Н.А. Кобзев отметил, что о Волошине как географе и геоморфологе за все время проведения Волошинских чтений если и говорили, то только филологи, а сейчас впервые его вклад в развитие естественных наук охарактеризовал специалист в этой области.

У Волошина

Мой кров убог. И времена — суровы.
Но полки книг возносятся стеной.
Тут по ночам беседуют со мной
Историки, поэты, богословы.

М.А. Волошин, 1926.

Волошин, Крым и Коктебель...
Как много ярких впечатлений!
Его таланта здесь купель,
Источник мастерских творений.
Во мгле веков он видел храм,
Хоть процветало святотатство,
Просторы открывал мечтам,
Дарил друзьям любовь и братство.
Высокий дом создал поэт,
В нем и теперь живет незримо;
Звучит волнующий сонет,
Сияет свет неугасимый.

22 мая 2001 г.

Коктебель—Тирасполь

И.Р. Ильин.

На снимке: Ростислав Сергеевич Ильин, 1928 (1929?) г.

Юрий Иванович Гордеев

11 ноября 2008 года скоропостижно скончался от сердечного приступа на 77-м году жизни один из старейших краеведов, исследователь-натуралист, заслуженный эколог округа, автор «Подорожника» Юрий Иванович Гордеев.

В школьные годы он уже вел фенологические наблюдения, собирал коллекцию птичьих яиц, приобрел первый опыт фотоохоты. После окончания биолого-почвенного факультета Ленинградского университета в 1958 г. вернулся в Ханты-Мансийск и поступил научным сотрудником в краеведческий музей. За пять лет музейной службы совершил ряд длительных поездок почти по всем районам округа для изучения природы края, разработал план экскурсий «Природа Ханты-Мансийского округа», переросший в большую рукопись, публиковал заметки натуралиста в окружной газете. Его работы печатались в журналах «Природа», «Уральский следопыт», «Охотничьи просторы», «Орнитология».

В 1963–1988 гг. Юрий Иванович работал в окружной санэпидстанции зоологом, по своим служебным обязанностям много ездил по округу, и это давало ему возможность продолжать занятия орнитологией и фенологией, изучать местную флору, фотографировать. В этот период он описал 1400 видов растений и 248 видов птиц, подготовил к изданию книгу «Птицы тайги» (Свердловск, 1985), опубликовал в сборнике «Ритмы природы Сибири и Дальнего Востока» (Иркутск, 1975) «Календарь природы г. Ханты-Мансийска. 1953–1973».

Став пенсионером, Юрий Иванович сохранил прежний образ жизни: регулярно совершал биологические экскурсии, писал. Большая серия его научно-популярных статей о птицах напечатана в 1992–1994 гг. в журнале «Югра». Очень полезную работу он выполнил как член авторских коллективов энциклопедии «Югория» и «Большой Тюменской энциклопедии». В 2000 г. вышла в свет книга его фенологических

наблюдений «От морозов до морозов». Последним делом жизни Юрия Ивановича была детальная разработка планов туристических экскурсий по Ханты-Мансийску.

Неутомимый странник по тайге, озерным и речным берегам и луговым просторам, настойчивый популяризатор знаний о северной природе, патриот нашего края, одаренный глубокой любовью ко всему живому — таким запомнят Юрия Ивановича Гордеева его современники-земляки.

Содержание

Источник

Третья ревизская сказка (ревизия душ) по Самаровскому яму. 1763 год. Публикация Л. Завьяловой и В. Струся	3
В.В. Васильев. Кондо-Сосвинский заповедник	63
В.П. Новиков. Опережая время... ..	98
О ревизии церковей Березовского и Сургутского ведомства. Публикация Надежды Сухоруковой	197

Тропа жизни

В. Патранова. Геолог-большевик	35
Материалы к биографии Бориса Владимировича Дидковского. Доклад М.Н. Букиной на областной краеведческой конференции 22 декабря 1963 года в г. Свердловске	38
Воспоминания коллег (Я.М. Черноусов, В.А. Покровский)	53
В.К. Белобородов. Слово родниковой чистоты	228
Инна Варламова. Ковшик для чистой воды	232

Стол находок

«Красный туземец» (Из истории местной печати). Записала Любовь Луцкая	60
--	----

Эпистолярный

В.К. Белобородов/ «...Я так привык еженедельно получать от вас письма»	107
---	-----

Письма Н.Л. Скалозубова к дочерям. <i>Публикация Е.И. Пискунова</i>	109
<i>И.Р. Ильин</i> . Сибирь и Коктебель	256
 <i>Наследие</i>	
<i>Ф.Ф. Ларионов</i> . Жизнь на заимке и в селе в конце XIX века (Из «Семейной хроники»)	130
 <i>Круг чтения</i>	
<i>Н.А. Рогачева</i> . Частный краеведческий журнал: опыт жизни длиною в десять лет	250
О газетных строчках и их авторах	254
Юрий Иванович Гордеев	268

Подорожник
Краеведческий альманах
Вып. 10

Редактор-составитель Валерий Белобородов

Корректор М. Кремлева

Подписано в печать 24.12.2008.

Формат 60x84/16. Гарнитура «PeterburgС».

Печать Riso. Бумага офсетная.

Уч.-изд. л. 11,3+0,2. Усл.-печ. л. 15,87. Тираж 300. Заказ № 47.

Адрес для переписки: 625003, г. Тюмень, ул. Республики 10/2.

Тел. 8(922) 48-369-48.

e-mail: lukitsch_mandr@mail.ru

224512009

Государственная библиотека Югры

